

Камчатский филиал Тихоокеанского института географии
Дальневосточного отделения Российской Академии наук

Н. Н. Герасимов

Остров Карагинский:

*путешествие
в непознанный
мир Природы*

Петропавловск-Камчатский
Издательство «Камчатпресс»
2008

ББК 28.693.25

Г37

Герасимов Н. Н.

Г37 **Остров Карагинский: путешествие в непознанный мир Природы. –**
Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2008. – 188 с.

ISBN 978-5-9610-0107-5

Автор книги – известный ученый-орнитолог, кандидат биологических наук, заведующий лабораторией Камчатского отделения Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской Академии наук, заслуженный эколог России описывает свои впечатления от многочисленных за годы работы на Камчатке встреч с уникальным островом в Тихом океане, его фауной, его историей и обитателями, особенно пернатыми.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

ББК 28.963.25

Обложка О. Осиповой

Фото на обложке Ю. Артюхина

Фото в тексте автора

ISBN 978-5-9610-0107-5

© Герасимов Н. Н., 2008

© КФ ТИГ ДВО РАН, 2008

Об авторе

Перед нами лежит книга Николая Николаевича Герасимова – известного российского орнитолога и деятеля охраны природы, всю свою сознательную жизнь посвятившего изучению и сохранению природы прекрасного, лежащего на востоке России полуострова Камчатка. Здесь были первопроходцы и исследователи крайних земель Российской империи – Витус Беринг, Степан Крашенинников, Георг Стеллер... Не обходят Камчатку своим вниманием и современные исследователи. Одни приезжают сюда только на время экспедиции, другие здесь живут. Семья Герасимовых: Николай, Алла и годовалый сын Юрий начали обживать Камчатку с 1962 года. Здесь они живут и сейчас.

Родился Коля в городе Иваново в 1936 году. Здесь окончил среднюю школу № 30. Буквально с детских лет Николая интересовали птицы, с 12 лет он уже бродил по болотам с ружьём. В 14 лет пришёл на Ивановскую станцию юных натуралистов, где учился делать чучела птиц. Имея гарантированную возможность поступить в один из вузов родного города, Николай уехал в Иркутск. С 1957 по 1962 год учился на отделении охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института, два года возглавлял студенческий отряд по охране природы. При распределении молодой биолог-охотовед выбрал Камчатку, где в Управлении охотничье-промыслового хозяйства сразу попросил передать ему всю инспекторскую работу. Вскоре, уже в должности начальника отдела охраны фауны, Герасимов из добросовестных молодых охотоведов создал эффективную, честную службу государственного охотничьего надзора области.

Будучи не только инспектором, но и орнитологом, с помощью охотоведов и егерей Николай организовал всекамчатские учёты мигрирующих гусеобразных птиц, явился инициатором создания более десяти государственных зоологических заказников. Такие из них, как «Река Морошечная», «Карагинский остров», «Утхолок», «Озеро Харчинское», «Лагуна казарок», «Юго-Западный тундровый», имеют исключительное значение для сохранения птиц, летящих по Австрало-Азиатским миграционным трассам. Первые три из названных заказников включены в список важнейших международных Рамсарских угодий, все организованные Герасимовым заказники вошли в число ключевых орнитологических территорий нашей страны.

Исследуя Камчатку, Николай вдруг открыл для себя совершенно не исследованный орнитологами Карагинский остров. Две тысячи квадратных километров самых разнообразных ландшафтных участков и всего лишь трёхдневное (да и то в XIX веке) присутствие на острове иностранного орнитолога – это ли не мечта для исследователя. В 1966–1972 и 1978 годах экспедиции Николая на Карагинский остров следуют одна за другой. И в 1979 году, ещё работая в Охотуправлении, Николай Николаевич успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Эколого-географический анализ авифауны острова Карагинского». С 1983 года он – старший научный сотрудник ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства, с 1989 – старший научный сотрудник, а затем заведующий лабораторией орнитологии Камчатского филиала Тихоокеанского института географии. В активе Н. Н. Герасимова более 160 научных публикаций, участие в авторских коллективах Красных книг России, севера Дальнего Востока, Камчатки, международной Красной книги птиц Азии. Совместно с японскими коллегами Николай Николаевич начинал массовое кольцевание птиц – чаек и гусей Камчатки. В последующем на более высокий уровень эти работы поднял его сын, профессиональный орнитолог Юрий Герасимов.

С 1992 года Н. Н. Герасимов автор и практический исполнитель уникальной для нашей страны, для Азии программы по возврату в пределы бывшего ареала островного подвида канадского гуся – алеутской казарки. До начала XX столетия этот гусь являлся исконным обитателем

Курильского и Командорского архипелагов, в массе зимовал в Японии, вымер по вине человека. Будем надеяться, что книгу об этой работе мы с вами ещё увидим.

А пока, дорогой читатель, мы с удовольствием прочитали сами и рекомендуем прочитать Вам первую книгу заслуженного эколога России Н. Н. Герасимова об исследованиях прекрасного, во многом остающегося неизвестным Карагинского острова. Являясь орнитологом, автор, тем не менее, постарался рассказать о птицах только то, что будет интересно узнать всем нам. В этой книге нет ничего надуманного, в ней Вы встретите только реальных людей: островных жителей – коряков и русских – тружеников, осваивавших совсем ещё дикий Север в 1930-х годах. В основном же эта книга – о путешествии, о прекрасной природе уникального острова Севера нашей Родины.

Москва,
25 мая 2006 г.

**Н. Н. Дроздов,
В. А. Остапенко**

Предисловие автора

Впервые на Карагинский остров я ехал как орнитолог. В этом качестве я фактически являлся первооткрывателем его птичьего мира, что уже само по себе вызывало большой эмоциональный подъём. Первая экспедиция не только не обманула моих ожиданий, но вызвала ещё больший восторг от увиденного. Это было похоже на внезапно вспыхнувшую любовь пылкого юноши. Уже во время второй экспедиции на Карагинский я понял, что не могу рассматривать остров только как место обитания птиц, что хочу хоть что-то узнать о его истории, о его людях. Правда, многого мне узнать так и не удалось. Поначалу в газету «Камчатская правда» я привозил короткие фото- и текстовые зарисовки. Дал несколько коротких очерков в камчатское издание «Норд-ост», статью о Птичьем острове опубликовали в журнале «Природа». Отзывы были самые хорошие, в значительной степени этим и продиктовано моё желание рассказать о Карагинском острове в этом небольшом повествовании.

Есть и ещё причина. Давайте попробуем вспомнить людей, имена которых связаны с Карагинском островом. А лучше попросим это сделать географа или историка. Тот и другой, уверен, сразу же назовут землепроходца Ивана Голыгина, обязательно – Фёдора Литке, не забудут, конечно же, Степана Крашенинникова, который на самом деле об острове и его людях писал только с чужих слов, сам же на Карагинском не бывал. А дальше, боюсь, наши коллеги окажутся в затруднении. И будут правы, так как исторически известных людей в этом

списке действительно совсем-совсем мало. Для Большой Истории нашей планеты этого вполне достаточно. Но, я в этом уверен, не для истории Камчатки.

И потому, рассказывая о Карагинском острове, я счёл просто обязательным назвать имена тех, как у нас принято говорить, «простых людей», кто отдал ему часть своей жизни и до конца дней своих сохранил и хранит к нему любовь. Имена многих из этих людей достойны того, чтобы остаться в истории Карагинского острова и Камчатского края.

В этом повествовании все названные имена подлинные и нет ничего придуманного лишь «для красного словца». Всё я либо видел и пережил сам, либо слово в слово передаю на Ваш суд услышанное мною от других участников событий и их очевидцев.

Страна моей мечты

Первую книгу об Африке «Путешествие по Замбези», написанную братьями Ливингстонами, я прочитал, ещё учась в пятом, если не в четвёртом, классе. Затем в библиотеке мне посчастливилось найти «Путешествие по Северо-Восточной Африке» Альфреда Брэма. Позже был Стенли, а затем я начал жадно искать и «проглатывать» всё, что было написано не только об африканских джунглях, но и об южноамериканской сельве, о путешествиях. Насколько помню, мои детские «литературные находки» на темы путешествий исчерпались до обидного скоро. Но уже самых первых книг было достаточно: я «заболел» Африкой и с тех пор несчётное число раз в детских и юношеских мечтаниях уходил в глубь джунглей этого, казавшегося мне прекрасным и загадочным, материка. Не боясь ни мухи цеце, ни огромных змей, я бесстрашно шёл искать встреч с кровожадными львами, ужасными гориллами и крокодилами.

С годами, может быть в силу своего прекратившегося развития, мечтать я так и не разучился. Правда, уже после школы, учась на отделении охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института, я все больше убеждался, что путешествовать можно не только по Африке. Институт (благословенные были времена!) давал нам возможность знакомиться с любыми регионами нашей огромной тогда страны. Кроме Прибайкалья, на полевой практике я побывал в Приамурье на реке Селемже, в горах Восточных Саян, охотился на уток и ловил ондатру в дельте Аму-Дарьи. Большого за такие короткие студенческие годы увидеть было просто невозможно. И уже тогда, в институте, я понял:

обжитые районы страны не для меня. При распределении мне был неинтересен тёплый Казахстан, требовавший в те годы много специалистов охотничьего хозяйства, отказался я и от приглашения на работу в Общество охотников Черниговщины.

Я выбрал Камчатку. Она была тогда далеким, непознанным и потому очень влекущим к себе краем. В августе 1962 года я прибыл на полуостров и с тех пор счастлив, что сделал этот свой выбор. Выбор на всю жизнь. На III и VI курсах института я возглавлял студенческий отряд охотничьих инспекторов, так что на Камчатку прибыл уже готовым и не примиряющимся со всеми видами браконьерства инспектором. Надеюсь, что за 21 год работы в управлении охотничьего хозяйства, сначала в должности старшего охотоведа, затем много лет – начальника отдела охраны фауны, я успел сделать для сохранения природы, в основном – для охраны птиц Камчатки, немало.

Буквально с первых дней жизни на Камчатке я по-настоящему был увлечён своей интересной работой, много ездил, не устал удивляться ошеломляющей красоте природы полуострова.

Но, как оказалось, моя детская мечта об Африке не умерла, она просто старалась меня не тревожить, пряталась где-то в глубине души. Когда же в 1965 году до Камчатки донеслись слухи о том, что для работы в национальных парках развивающихся африканских стран требуются специалисты-охотоведы, моя детская «болезнь Африкой» выплеснулась резким рецидивом. Я буквально не находил себе места, засыпал и просыпался с ожившими вдруг детскими и юношескими бреднями о джунглях, слонах и чернокожих проводниках.

Борис Борисович Парамонов, мой старший товарищ-охотовед, заказал из своей квартиры телефонный разговор со специалистом Главного управления охотничьего хозяйства в Москве, стал говорить обо мне как о возможном кандидате для работы в Африке, потом передал трубку мне. И я услышал тусклый голос и рассказ о том, что все это не так просто, что это не так интересно, и что вряд ли вообще кто-нибудь куда-нибудь нужен. Нетрудно было понять, что мы говорили на разных языках: языке мечты и языке скучного безразличия. И это

подействовало как лёд на мою разгорячённую голову: не вылечило, а жар на какое-то время сняло.

Еще не успев переболеть потерей вновь было обретенной мечты, просматривая как-то карту северо-востока Камчатки (куда бы поехать в командировку?), я вдруг увидел название реки, заставившее вздрогнуть мое сердце, – Лимимтэ! Река Лимимтэ! Много раз потом, мысленно возвращаясь в то время, я пытался понять, почему именно с Африкой ассоциировалось в моем сознании название этой реки. Ещё раз (сколько этого было в юности!) внимательно изучил атлас черного континента. Объяснение для себя нашел одно: река Лимимтэ была созвучна для меня с рекой Лимпопо. А что Крокодиловая река – Лимпопо находится в Африке, знал не только я, это было известно, наверное, всем детям нашей страны.

Лимимтэ протекала на Карагинском острове. Так вот она, моя Африка, мой неизведанный континент!

Я стал лихорадочно искать любые печатные и рукописные источники, которые бы рассказали мне об острове. Это были либо небольшие научные статьи конца девятнадцатого и первой трети двадцатого столетий, либо рукописные отчеты геологов и вулканологов. Поскольку в отчетах меня в основном интересовали данные о животном и растительном мире острова труды геологов в этой части были, мягко говоря, весьма и весьма неточны. В целом же статей и отчетов было так немного, что относительно изученности, а сказать точнее – неизученности острова Карагинского у меня не осталось никаких сомнений. И самым приятным для меня было то, что там сколько-нибудь долго не работал ни один орнитолог. Птиц острова исследовал только один ученый – американский орнитолог Баррет-Гамильтон, и пробыл он там летом 1897 года всего лишь три дня.

Но самый замечательный документ об острове Карагинском я получил от моего товарища, в дальнейшем – научного руководителя моей диссертации, учёного с большой буквы Александра Кишинского. Но это было уже потом, года через два. Саша дал мне прочитать затрепанный рукописный экземпляр «Отчета о поездке на остров Карагинский». Он был написан в 1928 году В. И. Разумовским, научным сотрудником Тихоокеанского

института рыбного хозяйства из Владивостока. Прекрасно владея языком, автор писал о природе острова, с добрым юмором поведал о его коренных жителях, и этот отчет рассказал мне о предмете моего интереса, а в дальнейшем – и предмете большой любви, об острове Карагинском, значительно больше, чем уже прочтённые мной две его же, Разумовского, научные публикации. По мере своего повествования я буду не раз обращаться к материалам этого, как мне показалось, замечательного человека и исследователя. Очень жаль, что его труд не опубликован. Я уверен, что дарования его как автора ничуть не меньшие, чем, например, Аркадия Фидлера.

Потом, по прошествии немалого числа лет, из северного села Ивашка я получил очень хорошее многостраничное письмо от Николая Ефремовича Гейченко, одного из самых замечательных людей, живших на острове, творивших его историю в послевоенные годы. Почерпнутые из этого письма сведения позволили подправить и уточнить некоторые мои островные впечатления и записи.

Такова, в общем, предыстория того, о чём я рассказываю в этой книге.

И, конечно же, ни моих столь замечательных экспедиций, ни защищённой диссертации, ни этой книги не было бы, не встретить я на своём пути стольких замечательных людей. Я буду упоминать о них по ходу своего рассказа. Но об одном очень хорошем человеке должен сказать в самом начале этой книги.

В те далекие благословенные годы начальником нашего областного управления охотничьего хозяйства был замечательный человек – Н. М. Бабенков. Через всю свою жизнь он пронёс данные ему природой прекрасные душевные качества. Будучи многие годы первым секретарем райкома КПСС, сохранить в себе уважение к людям мог только по-настоящему цельный человек. В эти же годы Николай Михайлович был в опале: всего лишь раз в чём-то не согласился со вторым секретарём Обкома партии и – «вот докатился до работы в вашем управлении» – это точные слова, сказанные мне моим начальником.

Итак, решено: мы едем на Карагинский остров! Предварительно всё в деталях обсудив со своим другом, в первых числах июня 1966 года я зашёл в кабинет начальника:

– Николай Михайлович, мы с Юрой Воропановым хотим поехать на Карагинский остров.

– А хорошо, Коля, поезжайте, – сильно нажимая на «о» (он был родом из Иванова, моим земляком), тотчас согласился начальник.

– Мы пробудем там не меньше месяца.

– Ну и хорошо. Приедете – расскажете.

– Николай Михайлович, так мы уже собрались.

– А я чево тебе говорю? Поезжайте! Только ты уж там поосторожнее на лодке-то ездил, я же знаю, какой ты сумасшедший на воде; спать ведь не буду, пока вас нет.

Такие тогда были годы, и таков был наш начальник. Но, как оказалось, против нашей командировки категорически воспротивился заместитель начальника управления. Его мы уговаривали и сразу всей дружной, тогда ещё молодой, «семьёй» охотоведов, и по одному заходили в кабинет. Он выслушивал нас молча и так же, без единого слова уходил. Николай Михайлович позвал меня в кабинет:

– Коля, ты не знаешь, чевой-то Паша против вашей поездки на остров? Он говорит, что ты не браконьеров ловить едешь, а птиц изучать. А я ему говорю: ну, и хорошо, хоть один ученый у нас в управлении будет. Он на меня жаловаться в Обком собирается. А вы быстренько поезжайте! А то ведь он и пойдёт, нажалуется.

Уговаривать нас было не надо. Три дня сидели мы с Юрой в аэропорту, «ждали погоды». Не просто сидели – чаще прятались порознь. Договорились: будут объявлять наши фамилии, приглашать к «Справочной», убегаем и встречаемся в лесочке. Если кого-то из нас застукают, говорим, что идём искать другого, и действуем по той же схеме – бежим и встречаемся в лесу. За нами не пришли, и, наконец, мы, счастливые, сидим в Ли-2. А через полчаса полета из кабины вышел пилот:

– Товарищи, вся Камчатка на севере закрыта, Ключи тоже не принимают, везде сплошная облачность. Будем возвращаться или полетим в Магаданскую область, в Гижигу?

– В Гижигу! В Гижигу! – в один голос мгновенно выкрикнули мы с Юрой.

Оссора

Ночевали в Гижиге в своей палатке рядом с аэродромом, и еще до обеда нас прекраснейшей погодой встречала Оссора.

*Юра Воропанов, мой напарник и помощник
в первых путешествиях по Карагинскому острову*

Оссора

Посёлок Оссора – административный центр Карагинского района, охватывающего северо-восточное побережье полуострова Камчатка, расположен на берегу Оссорской бухты. Имя своё район, как и входящий

в его состав остров, получили по реке Караге, впадающей через названную бухту в пролив Литке всего в нескольких километрах к югу от Оссоры. Впрочем, писатель Сергей Вахрин считает, что не остров получил своё название по реке, а река так названа по острову, лежащему против её устья. Остров издавна был славен богатыми лежбищами тихоокеанских моржей, русские же промышленники и казаки эти лежбища называли «коргами».

Для меня эта моя встреча с Оссорой была первой. В дальнейшем я прилетал сюда довольно часто и скоро полюбил этот чистый, аккуратный и какой-то по-особенному светлый поселок – Оссору. Но, появляясь здесь, я всегда смотрел только в одну сторону – на восток. Там, за Оссорской бухтой, за проливом Литке из Берингова моря поднимался Карагинский остров.

В пасмурную погоду его не видно совсем; при переменной облачности он то еле-еле различим, то вдруг, занимая собой все видимое пространство, чётче и чётче проявляется в морской дали. Если смотреть на него в ясный день, остров становится все ближе и ближе, будто сам плывет тебе навстречу.

Мне чаще везло, и я попадал в Оссору в ясную погоду. Тогда я просыпался рано-рано утром, тихо, чтобы никого не будить, одевался и торопился на берег. Там, забравшись на ставший уже знакомым, отживший свой век деревянный баркас, я долго сидел и смотрел на Карагинский остров. Сколько это раз было, когда я так вот сидел, смотрел вдаль и торопил время: скорее, скорее на остров!

Так было и в этот самый-самый первый раз. Я ушёл на край поселка, не хотелось, чтобы кто-то в это светлое раннее утро помешал моему первому свиданию с островом, на котором я еще не был, но который, как мне казалось, уже любил.

И вот я один на берегу бухты. Утро изумительное! Таким светлым и чистым может быть только раннее-раннее утро прекрасного дня в самые первые минуты его младенческого возраста. Поселок еще спит, лишь со стороны порта доносится скрип какого-то механизма да изредка спросонья лениво лают собаки.

После отшумевшего два дня назад неистового шторма сейчас на бухте идеальный штиль. А на берег с удивительным постоянством накатываются миниатюрные водные «валы». Они совсем крохотные и, наверное, только сами себе кажутся волнами. Я смотрю, как они возникают на совершенно ровной водной глади. Вот на ее поверхности, отражающей золотисто-розовый отсвет утренней зари, появляется серая полоска. Она то на миг исчезает, то вычерчивается вновь, при этом неотвратимо с каждым мгновением приближаясь к берегу. Секунда-две, и береговая полоска песка с тихим шипеньем – шшшШШШшшшш – поглощает маленький водный валик. На подходе следующий, и снова – шшшШШШшшшш... шшшШШШшшшш...

Поначалу я, кажется, совсем не слышу чаек. Но они всегда здесь, и громкий крик их не смолкает ни на минуту. Некоторые кричат просто так, можно подумать, без видимой причины, другие, вероятно, обижаются на то, что одной из них повезло – она нашла маленькую мёртвую рыбку. Но можно ли представить море без чаек, без их криков? Могут ли чайки нарушить прелесть чистого раннего утра?!

А я смотрю и смотрю на остров, который очень скоро полюблю на всю свою жизнь, с которым потом будут связаны все мои чаяния ближайших десяти лет и самые яркие воспоминания всей моей камчатской жизни. На этом острове я впервые увижу огромные птичьи «базары», населенные тысячами, десятками тысяч так любимых мною пернатых, всем своим сердцем приму захватывающую красоту северной природы. И там я познакомлюсь с добрыми и лукавыми островными коряками. Это будет!

А сейчас мне уже надо возвращаться и будить Юрия.

Два дня сборов: лодку «Казанку», десятисильный мотор «Москва», оленьи спальные мешки – кукули нам дали в госпромхозе, в магазине закуплены продукты. На удивление легко разрешился и один из самых «щекотливых» для нас вопросов с получением в Оссорском рыбокомбинате разрешения на использование «в порядке взаиморасчетов с госпромхозом» некоторого количества имеющегося на острове бензина и автола. Заместитель директора рыбокомбината Александр Михайлович

Захаров, выслушав меня, тотчас на нашем экземпляре «письма-просьбы» начертил: «Разрешаю». Он же дал «добро» и на попутную доставку нас на остров. Замечательные люди живут на Севере!

Первые встречи

21 июня 1966 года. Мы, два охотоведа, с борта катера жадно всматриваемся в надвигающийся на нас неизведанный таинственный материк. Даже не верится, что перед нами лежит остров: очертания его берегов, постепенно растворяясь, тают в морской дали одинаково далеко и на севере, и на юге. Капитан Федор Максимович Халяпин, наверное, точно смог бы провести свой катер по этому курсу с завязанными глазами. Сколько же раз пересекал он пролив Литке за прошедшие 30 лет своего капитанства! Я пока не знаю, что пройдет ещё столько же лет, и Фёдор Максимович у себя дома будет рассказывать мне, как и чем жили они на Карагинском острове в таких кажущихся нам далёкими 30–40-х годах двадцатого столетия.

Прошли пролив Литке. Слева по борту остался кончик узкого лезвия косы Лекало – мыс Семенова, и мы идём вдоль внешней границы акватории с романтическим названием бухта Ложных Вестей. Я смотрю на берег в бинокль, где вот-вот, по моему представлению, должны появиться строения поселка Островного. Конечно же, про птиц, тут и там проявляющихся на водной глади, я тоже не забываю. Но это пока несерьезно. Я знаю, что пройдет несколько часов, максимум – сутки, и тогда я уже полностью отдамся своей работе с птицами, «утону» в ней. Месяц счастливой жизни только-только начинался.

Серые, большей частью продолговатые строения посёлка Островного я различил лишь на самом подходе к берегу. Вид его совсем не соответствовал заранее нарисованному моим воображением. Берег ещё сверкал обширными снежными пятнами, но обращённый к морю склон увала был преимущественно бурым, и потемневшие от времени здания мало выделялись на его фоне, они как бы вросли в него. Моё первое впечатление о посёлке было не самым лучшим.

А капитан уже мягко прижимал катер к бревенчатому пирсу. На берегу рядом с причалом стоял неприветливого вида мужчина. Пока ребята из команды катера помогали спустить на воду нашу шлюпку, пока мы разгружали свой не такой уж и малый багаж – мотор, рюкзаки и прочее снаряжение, он стоял и хмуρο смотрел на нас, засунув руки в карманы и поджав губы. Всем своим видом человек показывал, что он здесь хозяин и что гости ему не нравятся.

Мы подошли и представились, назвав лишь свои имена.

– Найденов! – коротко ответил он и продолжал демонстративно недоброжелательно рассматривать нас. Я попросил его указать нам какой-нибудь сносный дом, где мы могли бы переживать время между экспедициями по острову. Найденов молча показал на один из бараков, потом, подумав, посмотрел на стоявший на взгорке, пожалуй, выше всех над поселком, небольшой, очень симпатичный голубенький домик:

– Заселяйтесь в Марковский дом. Только чтобы у меня порядок был!

Внутри домик оказался ухоженным и приветливым, как и снаружи. В кухне-прихожей мы увидели стол, лавку, здесь же висел умывальник, в двух маленьких комнатках стояли кровати с мягкими панцирными сетками, на окнах висели простенькие занавески. Было видно, что хозяева Марковы очень любили свой дом и даже навсегда покидая его, чисто вымыли полы. После хозяев до нас здесь никто не жил. Чисто было и вокруг домика, здесь не валялись, как у бараков внизу, ржавые консервные банки и битое стекло. И чуть ли не самым главным для нас было то, что домик имел собственный «водопровод»: в двух-трех метрах от окна звенел удивительно прозрачный, очень разговорчивый ручеек, сбегавший по распадку с увала.

Все это я успел рассмотреть между двумя ходками за нашим скарбом. Часом позже, размещая на подоконнике инструменты для обработки будущих коллекционных сборов, я увидел, что по тропинке к нашему дому тяжело, покачиваясь, поднимается Найденов. Было видно, что он уже «отметил» прибытие судна.

В дверь ввалился как хозяин. Склонив голову на бок и поджав губы, он прямо с порога какое-то время гипнотизировал нас тяжелым взглядом.

«Пришел добавлять», – подумал я. Однако Найденов, по-прежнему глядя исподлобья, спросил:

– Вы знаете, кто здесь хозяин? – И тут же объяснил: – Иван здесь хозяин!

Решив, что этот неприятный человек пришел утверждать себя, мы молчали. Аудитория Ивану показалась достаточно внимательной. Тогда мы еще не знали, что перед нами классический пример «халифа на час». Мы уяснили лишь, что Иван Найденов – бывший танкист, а сейчас он – комендант поселка.

Это уже потом в разъездах по Камчатке я насмотрелся таких вот «комендантов» и «хозяев» разных мест. А сейчас мы еще узнали, что Ксения, жена Ивана, отбыла с подвернувшейся оказией в Оссору за покупками, что сам он «третий день пьет» и что «он здесь – главный!». А мы были по-настоящему счастливы, что добрались-таки до острова, что нас здесь встретила прекрасная солнечная погода. Нам очень не хотелось сейчас объяснять местному диктатору «кто есть кто». И, едва заведя в окно только еще идущего к нам Найденова, я специально убрал лежавшие до того на подоконнике наши с Юрой кобуры с револьверами.

Не собираясь оспаривать Ивановы привилегии, мы, по-прежнему молча, стали расстилать на кроватях свои спальные мешки. И это вдруг возмутило «хозяина»:

– Вы что думаете, что на острове бичи живут!? Что я вам позволю так жить? Давайте быстро за мной!

Шагая под гору уже вполне твердо, Иван повел нас на склады, доверху забитые всевозможным рыбокомбинатовским имуществом, необходимым, как мы узнали от него, для нормального существования рыбаков-сезонников и засылаемых на остров каждое лето заготовителей сена. «Так вот кто запакостил поселок», – подумал я, рассматривая валявшийся вокруг бараков железный и стеклянный хлам. И опять мы с Юрой поднимались в гору нагруженные: несли матрацы, одеяла, по две (совсем как в гостинице) простыни, подушки и даже полотенца. Иван сразу от складов пошел домой «спать».

Едва мы высадились на берег, и после, перетаскивая в домик наше имущество, я обратил внимание на исключительное обилие в поселке птиц:

белых (*Motacilla alba*) и желтых (*M. flava*) трясогузок, чечеток (*Acanthis flammea*), чечевиц (*Carpodacus erythrinus*). Песням и трелям их, как мне показалось, буквально не хватало места в окружающем пространстве. Раз за разом, поднимаясь к дому с вещами, затем вновь и вновь спускаясь к морю, я нарочно не смотрел по сторонам: так мне не хотелось дробить на «кусочки» того, за чем, главным, я сюда приехал, берёг целостность своего первого впечатления. Переноска вещей и самые необходимые работы по обустройству заняли час, затем едва ли не больше времени отнял у нас буйный «хозяин острова». И вот, наконец-то, свободный от прочих забот с биноклем и дневником я вышел из дома.

Меня всегда угнетал вид покинутых деревень. Мне их приходилось видеть не так много, но всегда деревни без людей казались мне чем-то похожими на кладбища. Особенно остро я ощутил это в Приамурье, где провел одну из институтских «практик» незадолго до приезда на Камчатку. Хорошо помню, как в жаркий летний день я и Лёня Щусь, мой проводник и товарищ, входили в очень красивую, зелёную, но совершенно безлюдную деревню. Дома были добротными, почти все сверкали целыми стёклами, но люди были вынуждены навсегда оставить ее из-за изменившегося в худшую сторону характера реки Селемжи. На пригорке стояла школа, а от нее хорошо набитая тропинка сбегала к пруду с кувшинками и нешироким серпиком чистенького песчаного пляжа, на котором, как я тогда с грустью подумал, уже никогда больше не отпечатаются маленькие детские ступни. И еще одно особенно яркое воспоминание осталось у меня о той деревне — это колодезные «журавли». Они почему-то казались особенно одинокими и в моем сознании больше всего не вязались с отсутствием людей. Мы прошли по деревне, как по храму: тихо-тихо, даже разговаривали вполголоса.

Поселок на острове Карагинском также покинут его жителями и, по-видимому, навсегда. Но почему-то это не вызывало у меня гнетущего чувства. Возможно, потому, что я здесь сразу же окунулся в весну. И уже само то, что, находясь в тысяче километров от уже встреченной мною в этом году весны, я второй раз мог любоваться всем великолепием самой любимой мною поры года, казалось чудесным, сказочно ненастоящим. Кругом: и на дороге, по которой уже не ездили, и на крышах домов,

в которых уже никогда не будут жить люди, лежали пласты снега, совершенно изумительной, непривычной для нас, горожан, белизны. Всюду беззаботно и радостно бежали, журчали, звенели ручьи. Они выбегали из-под сугробов, из-под крыш домов. В одном месте я увидел, что тоненькая чистая струйка воды нашла маленькую дырочку в борту старого, стоявшего на берегу, баркаса и, казалось, очень радовалась этому. Падая с двухметровой высоты, она так заразительно звенела веселым колокольчиком, что я стоял, смотрел на нее и улыбался, радовался вместе с ней.

Но главным здесь, как я уже отметил, было какое-то немыслимое в эту весну обилие птиц. Всё, буквально всё вокруг было наполнено песнями жаворонков (*Alauda arvensis*), подорожников (*Calcarius lapponicus*), щебетанием белых трясогузок. С неба сыпались вниз звонкие, как голоса маленьких смеющихся колокольчиков, трели чечеток. Чуть выше домов на увале в зарослях ольхового и кедрового стлаников громко пели дрозды Науманна (*Turdus eunomus*), слышались мелодичные песни соловьев-красношеек (*Luscinia calliope*), куковала обыкновенная кукушка (*Cuculus canorus*), а издали доносилось: «Ду-ду, ду-ду, ду-ду» – это ей вторила кукушка глухая (*C. saturatus*). От домов к кустам на увале и обратно вниз то и дело сновали зелено-жёлтые китайские зеленушки (*Chloris cinica*). Ярчайшими рубинами тут и там сверкали кажущиеся не нашими северными, а тропическими птицами самцы чечевицы. Некоторые из них, вероятно, не надеясь на мои орнитологические познания, беспрестанно повторяли: «Чи-чи-ви-ца!.. Чи-чи-ви-ца!». Другие спрашивали: «Чи-вы-чу-ви-дел?.. Чи-вы-чу-ви-дел?» Видовой состав птиц в поселке был не богат, зато количество их, как мне показалось, исчислялось сотнями особей. И все пели, щебетали, звенели – радовались весне.

Когда я вернулся домой, Юра валялся на кровати с книжкой: «библиотека» – аккуратно сложенная в углу комнаты стопка книг тоже была оставлена в доме бывшими хозяевами. Кончался наш первый день пребывания в сказке. Где-то там, за тридевять земель, на Камчатке горы мягко приняли в свои объятия натрудившееся за день солнце. Но было еще светло, и тратить на сон хотя бы чуточку первого дня моей сбывшейся мечты казалось кощунственным. Я вышел из дома и сел на камни около нашего неугомон-

ного ручья. Просто сидел, слушал птиц, смотрел на идеальную гладь бухты Ложных Вестей и на лежащий внизу покинутый жителями посёлок.

Как-то исподволь в моё сознание всё настойчивее стал проникать непрерывный говор моего соседа-ручейка, а я, опять же сам того не желая, вслушивался в его беззаботную болтовню. И вот мне уже кажется, что в его журчании иногда слышатся совершенно отчетливые слова. А вдруг он пытается рассказать мне о совсем недавней, но ушедшей навсегда в историю жизни этого лежащего сейчас под нами поселка. Может быть, он не хочет, чтобы всё увиденное им здесь за годы исчезло из памяти будущих людей навсегда. Но возможно ли сейчас вспомнить всё, что было.

О чём хотел рассказать ручей

В те годы Россия с неимоверными усилиями выбиралась из разрухи, оставленной гражданской войной и прокатившимися по стране годами смертельного голода. Необходимо было срочно накормить народ. На X, затем на XII съездах ВКП(б) были намечены вехи возможно скорейшего создания государственной рыбной промышленности. Естественно, что особое внимание было обращено на необходимость освоения богатейших ресурсов морей Дальнего Востока. На этой волне в 1927 году было организовано Акционерное Камчатское общество – АКО, в задачи которого входило всемерное и быстрое развитие на Камчатке действенной рыбодобывающей и рыбообрабатывающей отрасли. Ускоренными темпами на побережьях Камчатского полуострова строились десятки рыбокомбинатов, баз, перерабатывающих заводов, ориентированных главным образом на кажущиеся фантастическими запасы лосося.

Но для развития рыбной отрасли бедной своим населением Камчатке нужны были люди, много людей. И по обнищавшей Руси поехали специально на то уполномоченные бойкие на язык люди – «вербовщики». Появляясь в донельзя разорённой крестьянской глубинке, на сельских сходах, они изо всех сил убеждали народ в возможности неимоверных для его сознания заработков на дальневосточных рыбных промыслах.

Люди верили и, надо сказать, не напрасно: за один сезон работы на рыбном промысле тогда можно было купить не одну и даже не две коровы – это ли не вожаемая мечта крестьянина. «Жатва» вербовщиков была обильной, и пошли на восток эшелоны «телятников», в них с большими надеждами, но чаще «всего лишь на один срок» ехали в неизвестность тысячи и тысячи в основной своей массе молодых, крепких людей. Знай тогда многие из них, что не судьба им больше вернуться к привычному крестьянскому быту, что на десятилетия, а кого и навсегда приколдует, прикуёт к себе своей дикой красотой и богатствами эта далёкая Камчатка, наверное, многие так и не отважились бы оторваться от бедного, но родного дома.

В отличие от самой Камчатки Карагинский остров не был настолько богат лососем, но его прибрежные воды славилась обилием трески и сельди. Освоение этих богатств моря и было главной задачей образованного на острове самостоятельного, напрямую подчинённого АКО Карагинского рыбокомбината.

Поначалу посёлок так и назывался – Карагинский рыбокомбинат. Захариди, Нахабов, Авдонин, Вахитов, Соколовский – один директор сменял другого, и посёлок рос. Люди вербовались на север на один срок – на три года. Волжанин Федор Халяпин приехал на Карагинский двадцатилетним парнем. Каким же большим казался тогда ему трёхлетний срок вербовки. Увидев заснеженные неприветливые берега острова, он представить себе не мог, как здесь можно прожить такие долгие три года. Ох, как хотелось ему отсюда убежать! И если бы кто сказал тогда: – Жить тебе, Фёдор, здесь полных тридцать лет! – честное слово, удавился бы. С ним вместе приехал на остров и Василий Тюляндин. Вместе начинали они в 1934 году свою жизнь на базе Северной, сначала были просто ловцами трески, потом оба выросли до старшин кавасаки, потом... много чего было потом у Василия Андреевича за двадцать шесть лет островной жизни. Двадцать восемь лет жизни прошли на острове у семьи Тепляковых – Михаила и Зои (оба Андреевичи). Константин Четвериков, Михаил Новиков, один из самых фартовых рыбаков Фёдор Смирнов, Николай Дёмин

и ещё два Николая, два фронтовых друга, воевавших в одном танке – Гейченко и Дуюнов – и это далеко не все люди, с кем породнился Карагинский остров, для кого жизнь на нём навсегда осталась светлой и счастливой порой молодости.

На остров все приезжали как «временные», но устраивались по-разному. Кто-то из ящичных дощечек и парусины строил себе конуру, сидел и спал на ящиках, боялся потратить копейку на приличную тарелку. Другие даже на недолгое время создавали себе достойный быт. Они прилично устраивались даже в этих вот похожих снаружи на бараки домах. А кто мог, как, например, «наши хозяева» Марковы, устраивали свои собственные ухоженные и уютные домики. Они и сейчас стоят на взгорках одинокие, осиротевшие, но сохраняющие красоту души своих бывших хозяев. И потому эти дома красивы даже в пору своего увядания.

В конце 1930-х годов в поселке уже постоянно жили 180–200 человек, в 1940-е годы – не менее 300. Постоянные жители, обустраивали свой быт по-хозяйски, обзаводились коровами, в 1940 году их, не считая телят, было более пятидесяти. Тридцать коров содержал рыбокомбинат. Частникам были отведены ближние к посёлку покосы, комбинату – дальние. В военные годы литр молока на острове стоил 15 рублей. Нормальную жизнь посёлку обеспечивали два магазина – продуктовый и промтоварный, были здесь свои пекарня, больница, кузня. Школу – деревянный рубленый «американский» дом перевезли с расположенной не так далеко фактории, там до того он был церковью. В 1940-е годы школа была «семилеткой». Летом, с прибытием сезонников, народу набиралось до 700–750 душ. Часть сезонных рабочих летом жила в бараках, для них же построили и просторную столовую. Во время путины в посёлке работали все: взрослые, школьники и даже кормящие матери, а потому для самых маленьких островитян, включая грудничков, имелись ясли. Матери только строго по времени уходили покормить своих малышей. Детские ясли комбинату были действительно необходимы... ну, хотя бы для семьи Комарова. Свою жену Пётр Комаров, как он сам рассказывал, буквально «украл» в одном из городов Приморья, в Шкотове. На острове Комаровы жили едва

ли не с первых дней образования комбината, и благодарная за любовь супруга регулярно «дарила» мужу по двойне. Так вскоре совместными усилиями и скопили они едва ли не четырнадцать детишек. Это их дед, отец Петра Арефьевича, «частный рыбопромышленник» Комаров был похоронен на острове Верхотурова.

Не сказать, что людям здесь жилось очень легко, многого не хватало. Но народ в поселке жил дружно: возвращавшийся с богатой добычей охотник ещё по пути домой раздавал сельчанам чуть ли не всех уток или зайцев. В добрых соседских отношениях поселковые находились и с живущими недалеко, в «фактории», местными оленеводами-коряками.

Был в посёлке свой сельский совет, на его печати значилось: «Карагинский-Верхотуровский район», впоследствии – «Карагинский островной сельсовет». А ещё в те годы на острове Верхотурова в летнее время стояла рыболовецкая бригада, имевшая в лучшие времена до двенадцати кавасаки. Рыбаки там ловили и солили треску, на зиму вытаскивали суда на берег, и все с острова съезжали.

Какое-то время пост председателя сельсовета занимал Халяпин. Однако Фёдор не был «освобожденным советским работником», и председателем он являлся как бы по совместительству. После учёбы в Петропавловске в 1937–1938 годах, а учился Фёдор только зимой, он получил специальность «штурмана малого флота» и хлопотную должность капитана флота острова. И сменивший его на «председательском» посту Василий Солопов летом также являлся старшиной катера, а зимой из березняков на реке Лимимтэ, как простой каюр, возил для всего посёлка дрова. Тогда на вывозке дров всю зиму, без выходных, работали не менее, обычно – больше, четырёх нарт. На нарту при десяти запряжённых собаках грузили кубометр сырой берёзы. А посёлку на год нужны были не меньше трёх тысяч кубов одних только дров, да ещё восемь-девять тысяч берёзовых жердей для изготовления чанов под сельдь.

Культурной программой на комбинате заправлял женсовет, его председателем долгое время была Александра Васильевна Халяпина. Кроме разрешения чисто женских вопросов, на женсовете лежала и забота

об организации праздников. Так, например, ко дню 8 Марта дома у кого-то из женщин выстаивались одна или две трёхцентнеровые бочки браги. Гуляли всегда всем поселком. Тогда в праздничный день народ собирался в столовой. После официальной части в зал торжественно в стоящих на подносах стаканах заносилась брага, выставлялась закуска. За вечер выпивали до двух центнеров браги. Так же отмечались и другие главные праздники страны: Первое мая, годовщина Октябрьской революции и, конечно же, Новый год. Значительную часть праздничных расходов брали на себя профсоюз и директор рыбокомбината.

Поселок «закрыли» в 1964 году, люди с острова разъехались. Кто-то жил здесь недалеко за проливом, кто-то в Петропавловске, кто-то в Приморье... Константин Иосипович Четвериков уехал в Казань. И долгое время после этого он настолько тяжело переживал разлуку с островом, что иногда, не в силах бороться с ностальгией, поднимался на крышу своего четырёхэтажного дома, там долго-долго смотрел на восток и, казалось ему, видел свой Карагинский остров, свой посёлок, цветущую тундру и сверкающие неимоверной белизной хребты. С крыши он иногда спускался с красными, должно быть от напряжения, глазами.

Ручей всё говорил и говорил взахлёб, торопился высказать случайно объявившемуся вдруг слушателю всё, что он видел, что знает об этом посёлке, о его людях. А я со всё возрастающим сожалением понимал, что не смогу узнать всего, не смогу донести это потом до детей и внуков самоотверженных жителей этого прекрасного острова. Мне всё-таки нужно было чуточку поспать. Завтра, да нет же, уже сегодня, нас с Юрой ожидал не менее интересный и насыщенный день. Второй день сказки!

О некоторых «плюсах» и «минусах» фауны Карагинского острова

Сейчас, я думаю, надо вкратце рассказать об особенностях фауны острова. Вот, что я знал о ней ко времени своего первого посещения

Карагинского, и что почерпнул из нескольких проведённых здесь полевых сезонов.

В понимании учёных так называемый «островной тип» фауны, флоры говорит о видовой обеднённости, о «нехватке» на какой-то изолированной территории большего или меньшего числа видов животных или растений. Камчатка, например, обладающая таким «типом», не досчитывается довольно значительного числа видов животного и растительного мира, в том числе млекопитающих и птиц, обитающих в Восточной Сибири всего лишь за Охотским морем. На Карагинском острове, уже в сравнении с Камчаткой, нет волка (*Canis lupus*), выдры, снежного барана, белки, сурка, суслика. Сейчас на острове нет и бурого медведя (*Ursus arctos*), которого экспедиция Ф. П. Литке застала там во множестве, а Разумовский сто лет спустя говорил о нём, как о вполне обычном звере. Но здесь никакой «тип» ни при чём: виновником исчезновения из островной фауны бурого медведя стал истребивший его человек. А вот возможности появления на Карагинском бродяг-волков я бы исключать не стал. Они могли приходить сюда и уходить обратно через пролив Литке по зимнему ледоставу. Другое дело, что задержаться на острове им не позволят люди. Остальные названные виды четвероногих на Карагинском острове не могли жить в силу других серьёзных причин. Кому-то из них недостаточно было бы пищи, кого-то не удовлетворят защитные условия. Суркам и сусликам хватило бы того и другого, но им не под силу перебраться через пролив вплавь. В общем, у каждого отсутствующего на нашем острове вида есть для этого вполне веские причины.

В конце концов, какое влияние на благополучие народа такого вот маленького островного «государства» может оказать обеднённость карагинской фауны? Не всё ли равно, есть на острове суслики или сурки, нет ли их? Скорее всего, ни-ка-ко-го! Но иногда, оказывается, всемогущее провидение может и на этом сыграть очень злую шутку. Вот что рассказывает нам одна из легенд островных коряков.

...Когда-то давно возглавляемая отцом и сыном воинствующая группа островитян, переправившись через пролив на камчатское побережье, не получила здесь подобающей их запросам добычи. Уверенные в своей

силе, карагинцы решили идти через перевал на запад Камчатки. Ночь за- стала воинов в горах. Проснувшись утром в густом тумане, они, к своему ужасу, поняли, что окружены. По раздающемуся со всех окружающих гор свисту, по мелькавшим тут и там искажённым туманом теням стало ясно, что количество врагов неисчислимо, и в битве спасения не будет. В панике коряки-воины стали разбегаться, и все они, сорвавшись в ущелья, погибли. Лишь отец и сын остались на месте, став один к другому спиной, ждали нападения врага. И стояли так, пока не рассеялся, не поднялся вверх туман. Неприятелей не было, но всюду, сколько видели глаза, столбиками стояли и свистели неизвестные островитянам толстенные зверьки. Это были черношапочные сурки (*Marmota camtschatica*). И это они «победили» весь тогдашний цвет воинства острова Карагинского.

Таково же положение и с птицами: на Карагинском острове пока не было найдено значительное число видов, характерных для полуострова Камчатка. И вот как я «обыгрывал» это в своей диссертации, приводя пример с дятлами. Работая в Сибири ли, на Камчатском ли полуострове, иногда мы можем видеть большого пёстрого дятла (*Dendrocopos major*), высоко перелетающего между лесными массивами, скажем, с одной гряды сопок на другую. В то же время малый пёстрый дятел (*D. minor*) это расстояние покрывает, перемещаясь с дерева на дерево и только низом. Лично мне за многие десятилетия полевых работ ни разу не приходилось видеть эту птицу высоко летящей, например, через широкую пойму реки. Вот почему большой пёстрый дятел смог перелететь через пролив Литке и поселиться на Карагинском острове. Он и на Командорах иногда появляется. А малого пёстрого мы в фауне Карагинского острова видеть не можем. Здесь «работает» известный орнитологам так называемый «психологический» фактор, когда некоторые лесные виды птиц категорически против преодоления больших открытых пространств. Да что там больших. Известно же, что прокладка автомобильной трассы через сельву Южной Америки создала такой непреодолимый психологический барьер для нескольких сугубо лесных птиц. Потому и в моих рассуждениях о дятлах всё выглядело логично и вполне научно: «психологический барьер» не есть проблема

для расселения только птиц южно-американской сельвы. Вот вам пример с нашей северной птицей, которая не может преодолеть несколько десятков километров чуждого ей безлесного пространства над проливом Литке. Но, как оказалось, о моих научных размышлениях не знал сам малый пёстрый дятел. В то время как я защищал диссертацию в Москве, на острове этого дятла добыл для меня начальник островного маяка Владимир Козаков. Да и потом малых пёстрых дятлов, иногда их парочки на Карагинском острове видели неоднократно.

Моё и ближние к моему поколения россиян выросли под лозунгами, призывающими к «борьбе с природой», к её покорению. Мы уяснили, что «не надо ждать милости от природы», их у неё надо отбирать, что «природа – это не храм, а мастерская...» и всячески старались устранить её «недоделки». К таким «недоработкам» природы была отнесена и «недоукомплектованность» отдельных регионов нашей страны необходимыми, на наш взгляд, видами животного и растительного мира. Это надо было исправлять. И массовое поветрие акклиматизации животных в XX веке охватило немало стран, но больше всех, наверное, поразило нашу Россию.

Кстати, первому своему появлению на острове В. И. Разумовский был обязан той же цели: он вёз туда для интродукции ондатру (*Ondatra zibethicus*), закупленную в Канаде, голубых песцов (*Alopex lagopus*) с Командорских островов и камчатских соболей (*Martes zibellina*). Так летом 1928 года на Карагинский остров была доставлена партия из трёх десятков ондатр. Для нашей страны это было первым опытом акклиматизации неизвестного пушного вида. Среди российских учёных единодушия в отношении этого мероприятия не было. Более того, многие категорически выступали против внедрения в нашу фауну чуждых видов животных. Аргументы? Как отреагируют виды веками складывающихся биоценозов на появление нового консумента – потребителя органического вещества? Какие ещё конкурентные проблемы создадут вселенцы в устоявшихся экосистемах? А паразиты, болезни, которые новые животные обязательно принесут с собой с другого материка!

Но кто в России слушал учёных? Победили, естественно, «практики».

Учёные настояли лишь на том, что первую ондатру необходимо вселиť на территорию, изолированную от необъятных просторов нашей большой страны. В качестве одного из испытательных полигонов и был выбран удалённый Карагинский остров. Здесь, на модельной территории, можно было изучить все вероятные негативные последствия этой операции. Впрочем, похоже, на это никто уже не смотрел. И по прошествии нескольких лет натурализация данного вида на европейско-азиатском материке приняла беспрецедентные масштабы.

На модельном же Карагинском острове эта акция, слава богу, прошла безболезненно: с внедрением в её биоценозы нового грызуна вымирания других видов этого отряда не произошло. И ондатра из провинции Онтарио до настоящего времени счастливо сохраняет там чистоту своих «канадских кровей».

Акклиматизационный зуд в сознании некоторых наших специалистов жил ещё и в конце двадцатого столетия. Уже работая во ВНИИ охотничьего хозяйства, я случайно узнал о тлеющем в ближайшем нашем окружении по-настоящему серьёзном «заговоре» против фауны моего острова. Как оказалось, один из наших научных сотрудников уже договаривается с доктором наук из Новосибирска о переселении на Карагинский остров партии европейской норки. Сравнительно недавно вид этот неплохо чувствовал себя в западных районах нашей страны. Но практики охотничьего хозяйства решили, что в качестве пушного промыслового объекта для России более выгодна норка американская. Решили и тотчас начали расселять по стране новый вид. Вселенец оказался более сильным и агрессивным, вид-хозяин начал быстро хиреть, исчезать с исконных своих местообитаний. Вполне естественно, что учёных это не волновать не могло.

Привезли американскую норку и для выпуска в охотничьи угодья Камчатки. До острова, слава богу, не добрались. И вот на свободную от американской норки территорию обратили внимание раде-тели угнетённого вида. Они и связались с одним из моих коллег по институту на предмет образования «анклава» европейской норки

на Карагинском острове. Это могло бы стать подлинной бедой для его фауны. Новый хищник, не имеющий в предлагаемой ему экологической нише ни конкурентов, ни врагов, это трагедия для целого ряда животных и, прежде всего, для многих видов птиц. О той же островной ондатре сейчас мы с вами знали бы только из давнишних научных публикаций.

Жёстких радикальных мер для подавления инициативы нашего коллеги не потребовалось, мне хватило мер ультимативно-дипломатического характера.

Одним из главных персонажей фауны млекопитающих Карагинского острова несомненно является лисица (*Vulpes vulpes*). Почему? Сначала обратимся к одному историческому документу.

*Молодая лисица еще не видела человека и ей хочется
посмотреть, что это за зверь*

«С рассветом приступили мы к описи Верхотуровского острова... на котором видны... следы посещений аллюторцев и камчадалов, кото-

рые переезжают на этот остров для промысла чернобурых лисиц... Зверь этот до сих пор водится исключительно тут, на Карагинском острове нет его вовсе и на соседнем матером берегу весьма немного. Суеверная какая-то боязнь, заставляющая олюторцев, по словам Штеллера, беречь этого зверя, объясняет, может быть, то странное обстоятельство, что его до сих пор на таком малом пространстве совершенно не извели».

Так писал Ф. П. Литке в книге «Путешествия вокруг света на военном шлюпе “Сенявин” 1826–1829». Это было заблуждением Фёдора Петровича. И привели великого мореплавателя к данному ошибочному мнению, конечно же, имевшиеся в его распоряжении «известия» об этом крае. О часто встречающихся неточностях, получаемых им из этих «известий», сам Литке пишет: «Подобные несообразности в сведениях от полудиких людей через диких же переводчиков неизбежны».

На самом деле, не остров Верхотурова, а именно Карагинский был издавна и по сию пору славен обилием лисиц редкостных цветовых вариаций: чернобурок, крестовок, сиводушек. Вот что узнаём мы из датированного 13 октября 1941 года письма государственного инспектора охоты Михайлова: «на острове числятся в наличии 300–350 лисиц, из которых 20 % чернобурых, 50 % сиводушек и 30 % красных».

После похода Литке прошло столетие, а лисица Карагинского острова продолжала волновать умы учёных и специалистов охотничьего хозяйства. Островная «чернобурка» являлась притчей во языцех едва ли не всех исследователей, когда-либо здесь побывавших или касающихся фауны острова, что называется, заочно. Вопрос о селективном клеточном разведении карагинских лисиц с необычной окраской меха возникал и умирал неоднократно. Сейчас передо мной лежат несколько научных статей и отчётов, и в редком из этих трудов не увидишь рекомендаций по клеточному разведению на острове «цветных» лисиц и голубых песцов. «Карагинский остров представляет собой островное хозяйство голубых песцов до 10 000 штук и будет заселён туземцами – лисоводами, которые на отведённых им участках научатся разводить в питомниках чёрных лисиц» – читаем мы в одной из таких далёких от жизни научных публикаций.

В 1928 году В. И. Разумовский осматривал распланированную территорию будущего островного питомника лисиц и верил в прибыльность здесь клеточного разведения животных. Но уже два года спустя он говорил о перспективности Карагинского острова только в качестве «натурального зверового рассадника» и рекомендовал лишь вольное разведение ценных пушных животных в их естественной среде обитания.

Другие же учёные и охотоведы, побывав на острове летом и дивясь богатому микроклимату срединной части его западного побережья, впадали в добросовестные заблуждения. Им, очевидно, не приходило в голову, что у госпожи Погоды может быть и совсем другое настроение.

В 1928 году на острове уже имелась метеостанция «второго разряда», очень хорошо для того времени обеспеченная необходимым оборудованием и приборами. Надо признать, что установка её в центре западного побережья была удобна лишь для людей, её обслуживающих. Но она, очевидно, весьма мало отвечала своему основному предназначению. Нередко, когда над восточным побережьем острова, на его севере и юге, так же, как и над Оссорой, висели густые морозящие туманы, когда там шёл дождь, над бухтой Ложных Вестей и над самой метеостанцией ярко светило солнце. В такие дни «создателями» хорошей погоды в двух главных населённых пунктах острова и в их ближайших окрестностях являются Центральный и Западный горные хребты Карагинского острова. Им не под силу сдерживать лишь более сильные восточные ветры, а западные и северные, по крайней мере в летнюю пору, почти никогда не несут сырого ненастья.

Зима на острове со времени установления устойчивого снежного покрова до его разрушения длится около семи месяцев. Три четверти осадков в двух главных населённых пунктах выпадают в виде снега. В самые мягкие зимы здесь фиксируется около сорока дней с пургами, но бывают годы, когда суммарная продолжительность вьюжных дней занимает полные три месяца. До двадцати двух дней с метелями в декабре, ещё больше – в январе, и это в самой благоприятной точке острова, – таковы малоприятные сюрпризы здешней погоды.

Первый настоящий питомник для разведения чернобурых лисиц был построен в полутора километрах от устья реки Гнунваям (Унунну-уаям)

летом 1929 года. Всего лишь одной пурги хватило, чтобы все строения фермы с её клетками и огораживающим забором превратились в один сплошной утрамбованный снежный холм. Погибли восемь из шестнадцати лисиц. Летом следующего года питомник перестроили в расчёте на девяносто животных. Из Владивостока на остров были привезены пятьдесят закупленных в США серебристо-чёрных лисиц. И только нескончаемый в течение всей зимы адский труд персонала питомника спас дорогих животных от гибели в последовавшую за тем зиму. Лисиц вывезли обратно, сама же идея развития клеточного звероводства так и осталась лежать под зимними сугробами Карагинского острова.

Впрочем, неудачи в развитии клеточного звероводства на Карагинском острове не были забыты. В 1937 году точку в этом «деле» поставили чекисты, объявившие народу, что погодно-климатические условия острова здесь были ни при чём. Эти неудачи явились «несомненно результатом подрывной работы врагов народа, орудовавших в АКО». О чём широкой общественности страны было сообщено автором одного солидного научно-географического печатного источника, опубликованного ленинградским издательством в 1938 году.

Бухта Ложных Вестей

Мне показалось, что я всего на какой-то короткий миг прикрыл глаза и тотчас открыл их. Но было уже утро – утро 22 июня 1966 года. Едва осознав, где нахожусь, я буквально вылетел из кровати. Юра проснулся раньше, и на плите уже закипал чайник. Меня же переполняло ожидание чего-то необычного, праздничного. Скорее, скорее на берег! Там со вчерашнего вечера нас ждала «Казанка», а минимума бензина, взятого нами ещё из Оссоры, на сегодня должно хватить. Сегодня мы идём на косу Лекало.

Собирая кофр, служащий мне и походной сумкой, укладывая к «Зениту», телевику, плёнкам ещё и бинокль, дневник, с десятков патронов с мелкой дробью, крахмал и салфетки – это нужно для сборов птиц,

я заметил поднимавшегося к нашему дому «гостя». Это был Иван. Зашёл тихо, поздоровался. Ему явно нездоровилось, и было видно, что это уже не вчерашний «диктатор», а другой человек. Я пригласил гостя к столу, достал бутылку водки. Он самостоятельно, притом очень скромно, определил «норму»: нужно было «поправить» больную голову. К чести Ивана Найденова надо заметить, что на самом деле он оказался добрым, отзывчивым, готовым в любое время прийти тебе на помощь человеком. Не знаю, что нашло на него в ту первую нашу встречу. А пока, находясь под её впечатлением, мы не очень-то были расположены к тёплому с ним общению. Сейчас же он решил самый важный для нас вопрос – объяснил, где находятся бочки с бензином и автолом, добавив, что мы можем брать горючего столько, сколько нам надо. Соответствующий документ от руководства рыбокомбината мы ему передали.

Через пятнадцать минут «Казанка» уже несла нас по утреннему, идеально гладкому зеркалу бухты к основанию косы Лекало.

Подобно причудливому плавнику огромной рыбы, от западного побережья острова вдоль русла пролива Литке с севера на юг протянулся 18-километровый клинок косы Лекало. Для меня конфигурация этого удивительного природного образования ассоциируется лишь с одной «косой» – плавником кита – косатки. Оторвавшись от островного побережья в устье реки Мамакинвайя, плавно изгибаясь, эта коса рождает акваторию с поистине романтическим названием – бухта Ложных Вестей. Откуда столь интригующее название? В далёком 1828 году Фёдор Петрович Литке, исходя из имеющихся у него «Известий», надеялся найти здесь полностью защищённую от ветров гавань, но к своему разочарованию обнаружил эту «открытую бухту», которая, как он пишет, «ни мало не походила» на искомое. Наверное, за это и получила от знаменитого мореплавателя бухта такое имя. Косу Лекало и в Осоре, и здесь многие зовут косой Семёнова. На самом же деле это имя было присвоено лишь мысу – самому острию косы. Так великий Литке увековечил имя своего верного соратника – поручика Семёнова, который вместе с мичманом Ратмановым делал первые «описи» побережий острова. Кстати, об увековечении имён: пролив Литке, разделяющий

остров Карагинский и Камчатку, был назван так отнюдь не самим Фёдором Петровичем, а его благодарными соотечественниками.

Длиннохвостый поморник – гроза крупных чаек и гагар

Едва высадившись на косу и вытащив лодку подальше на песок пляжа, мы вдруг слышали панический, безнадежно тоскливый крик крупной чайки. Такой вопль могла издавать птица, осознающая свою скорую неизбежную гибель. Готовый к драматическому зрелищу, я поднял голову и высоко над собой увидел судорожно машущую крыльями, в панике улетающую в сторону моря тихоокеанскую морскую чайку (*Larus schistisagus*) и двух стремительно мчавшихся ей вслед соколов. Острые крылья, стреловидное устремлённое вперёд тело и неукротимая отвага выделялись мне в этих двух маленьких хищниках. Будь я горожанином, не знавшим птиц, так бы и запомнил этот эпизод, как воспринял его с первого взгляда. Но это были не соколы, за чайкой гналась парочка длиннохвостых поморников (*Stercorarius longicaudus*). Они просчитали точно, что летевшая откуда-то с верховьев реки «толстая матрона» переполнена пищей. И не жизни этой птицы угрожали поморники, и сама чайка, вероятно, знала, что сейчас ей всего лишь придётся расстаться с частью своей добычи. До тех пор эти рэкетеры

птичьего мира будут гонять огромную по сравнению с ними «родственницу», пока не отрыгнёт она часть своей пищи. Да что там чайки, маленькие смелые разбойники не прочь напасть даже на гагару. В дальнейшем, путешествуя по острову, мы неоднократно видели, как эта сильная птица, спасаясь от поморников, слёту плюхалась на воду и тотчас исчезала с поверхности. Поморники улетали, а гагара, вынырнув, потом ещё долгое время с опаской смотрела на небо.

В этот раз воздушный конфликт, как и ожидалось, был исчерпан лишь после получения «дани». Я огляделся. Мы находились в основании косы Лекало, «фундаменте» этого грандиозного сооружения. За чистым песком пляжа и узкой полосой пионерной прибрежной зелени разворачивалось волнистое полотно тундры. На взгляд трезвого человека, всё здесь было обыденным. Но я был пьян! Пьян этим привольем, запахом особой приморской прели, издаваемой оставленными морем водорослями, этим совершеннейшим безлюдьем, изумительной голубизны небом и звенящими в нём прекрасными песнями лапландских подорожников (*Calcarius lapponicus*). Да, при всей своей северной скромности окружающий мир был завораживающе прекрасным. И украшенный изумительной погодой день этого первого нашего свидания с косой Лекало нам казался, нет, не казался, а на самом деле был великолепным дорогим подарком.

На водном зеркале бухты, которое мы несколько минут назад разрезали нашей лодкой, сейчас не видно даже мельчайшей ряби. Кажется, что бухта замерла, залюбовавшись, как и мы, прекрасной погодой. Это уже не морской залив, это небо, манящее и бездонное, опрокинулось вниз. И это не над водой, а над перевернувшимся вдруг небосводом, подобно бабочкам, но при этом тихо меж собой перекликаясь, спокойно порхают алеутские крачки (*Sterna aleutica*). То одна, то другая из них останавливаются, порхая на месте и удивлённо глядяваясь в почему-то упавшее вниз голубое небо. Желая проверить, действительно ли совершилось такое чудо, птицы одна за другой падают в эту манящую голубизну, но, встретив вдруг водную преграду, будто в испуге тотчас взмывают вверх. Я засмотрелся на этих, таких лёгких и удивительно

изящных, чаечек, и кажется, что они так же, как и я, были сейчас безмятежны и счастливы.

И вдруг снизу вверх, как будто вынырнув из самой тундры, к крачкам явно с недобрыми намерениями устремилось хищное создание. Чеглок?! Нет же, я опять ошибся. Это поморник, но уже короткохвостый (*Stercorarius parasiticus*). И, конечно же, его интересовали именно эти, ещё секунды назад такие безмятежные, крачки. И я вновь становлюсь свидетелем захватывающего зрелища.

В отличие от своего ближайшего родственника, на Карагинском острове короткохвостый поморник в качестве объектов для разбоя отдаёт явное предпочтение алеутской и полярной (*Sterna paradisaea*) крачкам. Реже, как нам показалось, он эксплуатировал третий вид островных крачек – речную (*S. hirundo*).

Если крупные жертвы поморников при виде настигающего их хищника нередко впадают чуть ли не в настоящую истерику, миниатюрные, лёгкие крачки в подобной ситуации, мне думается, не испытывают страха. Преследование поморником крачки совсем не кажется «несправедливым» угнетением сильным слабого. Практически каждый раз встреча этих двух видов превращается в красивейший поединок двух непревзойдённых воздушных асов. В их поединке нет шаблонов, каждый раз это импровизация захватывающих своей красотой фигур высочайшего пилотажа. Нередко на выручку подвергшейся нападению птице сразу же устремляются одна-две другие крачки. И тогда над побережьем завязывается настоящий «воздушный бой». Помощь отважных крачек не имитация нападения, они действительно хотят поразить агрессора своими клювами. И, догоняя выбранную жертву, поморник сам должен уворачиваться от острых пик её защитников. И всё же часто у преследуемой крачки не выдерживают нервы, и она отгрызает-таки требуемую настырным грабителем только что пойманную маленькую рыбку. Именно этого и хотят от своей жертвы тот и другой поморники, они практически всегда успевают на лету подхватить брошенный им «выкуп» и, тотчас забыв о своих «фуражирах», улетают. В другой раз, и я не знаю, было ли это реже, поморник проигрывал сражение и летел искать более покладистую жертву.

Глядя на этих двух достойных противников – поморника и крачку, поневоле думаешь о великой мудрости матери-Природы, создавшей преследователя и преследуемого, хищника и жертву. Из века в век при смене тысяч и тысяч поколений они совершенствуют один другого, оттачивают мастерство нападения и сопротивления ему, и каждый лишь выигрывает от этой непрекращающейся борьбы. В биологии такая форма совместного сосуществования двух различных видов получила название коэволюции, что с латинского можно перевести как «изменяться вместе».

Более точного народного названия, закрепившегося за этими двумя хищными чайками, придумать, наверное, невозможно. Их – длиннохвостого и короткохвостого поморников называют «разбойниками». Латинское название длиннохвостого так и переводится, «латынь» другого – паразитикус – тоже говорит сама за себя. Книжные же русские свои названия они получили по двум центральным парам хвостовых перьев. У короткохвостого поморника они выдаются из хвоста двумя острыми, редко – сантиметров до десяти, стрелками. В «боевом» полёте он резок, в погоне разворачивается мгновенно и практически под любым углом, именно таким должен быть разбойник, чтобы гоняться за юркими крачками. У длиннохвостого поморника центральные рули значительно длиннее и, можно сказать, эластичнее, воздушные охотничьи развороты его кажутся более изящными и, я бы сказал, «аристократичными». Благодаря таким различающимся талантам эти виды и смогли безболезненно разделить между собой жертвы паразитирования.

Поморники всеядны и могли бы жить, не паразитируя на других видах, так как способны прекрасно добывать пропитание подобно другим чайкам более «честным» способом. Может быть, разбой всего лишь хобби этих птиц? По нашим данным, на Карагинском острове, кроме чисто чаячьей рыбной диеты, длиннохвостый поморник часто употребляет в пищу ягоды брусники, шикши, не брезгует гусеницами-бражниками. В пищевом тракте поморников короткохвостых мы находили останки серых полёвок, молодого подорожника, жёлтой трясогузки, чечевицы. Приходилось нам видеть и сам факт убийства парой этих

поморников куличка фифи (*Tringa glareola*), а как-то они явно с недобрыми намерениями упорно преследовали стаю больших веретенников (*Limosa limosa*). И здесь ещё надо посмотреть, что является большим разбоем: отъём у птиц пищи или их убийство.

Вполне естественно, что эти два вида с равными хищническими наклонностями в период гнездования должны быть разделены территориально. На преобладающей части их ареалов длиннохвостый поморник является как бы более «континентальной» птицей, селится дальше от моря, предпочитая сухие тундровые участки. В период размножения он занимает довольно обширную гнездовую территорию, с которой изгоняет даже случайно залетевших чужих особей своего вида, не говоря уже о поморнике короткохвостом. Последний же обычно селится в узкой приморской полосе, при этом он более терпим к близко живущим соседям своего вида.

И вот, едва отойдя от лодки не более сотни метров, я вдруг обратил внимание на необычное количество поморников, сидящих попарно на всём видимом мне пространстве тундры. В общем-то, их было не так много, но не менее десяти пар – это точно. В бинокль было хорошо видно, что это поморники двух видов, и расстояние между парами не превышало ста метров. Если они сидят на кладках, то это практически смешанная гнездовая колония. Или птицы здесь всего лишь вместе охотятся и сейчас отдыхают?

Итак, необходимо найти гнёзда обоих видов. Но как сделать это на однообразном рельефе тундры? Птицы точно просчитают мои намерения и сойдут с гнезда задолго до моего появления рядом с ним. А их зелёновато-бурые, испещрённые коричневыми пятнышками яйца почти не отличаются от такого же цвета здешней тундровой растительности.

До ближайшей пары длиннохвостых около ста пятидесяти метров. И вот, буквально вцепившись взглядом в место предполагаемого гнезда, не глядя под ноги, я иду к птицам. Только бы не потерять нужной точки на этой однообразной тундровой поверхности. Вот поднялся и устремился прямо на меня один член пары, следом слетела вторая птица, и их надо мной уже две. Краем глаза вижу, что подлетает третий, затем

и четвёртый поморники: забеспокоились и идут на выручку соседи. На птиц я не смотрю, так как не должен спускать глаз с места подъёма первой пары. И тут над моей головой раздаётся пронзительный, злой, стремительно приближающийся крик. Вскинув голову и увидев летящий на меня яростный комок перьев, я невольно присел. И всё... нет больше точки на тундре, где минуты назад предположительно на кладке сидел поморник.

Продолжаю идти в выбранном направлении, и вот уже гнездо где-то рядом: у одной из птиц вдруг подломилось крыло, и она с болезненным криком упала недалеко от меня. Поморник начинает прямо-таки остервенело рвать клювом своё ставшее бесполезным, предавшее его крыло. И этого мало: сломанной оказывается ещё и одна нога, и птица с писком старается подальше уползти от меня, волоча по земле перебитое крыло и отталкиваясь одной здоровой лапкой. Чуть дальше беспомощно падает на землю второй поморник, но он демонстрирует свою неспособность замечать менее активно. В отдалении несчастье случается и с подлетевшей парой соседей: они также лишились способности к полёту, но и их расстройство по этому поводу не идёт ни в какое сравнение с эмоциями первой птицы. Да, можно представить, перед каким выбором (за кем бежать?) встала бы сейчас оказавшаяся здесь вместо нас лисица. А я просто не могу оторвать глаз от первой, ближней ко мне, птицы: её артистические способности неподражаемы. Трудно, действительно трудно поверить в то, что меня сейчас всеми силами пытается обмануть существо, лишённое разума, что всё это переполненное экспрессией представление продиктовано всего лишь какими-то непостижимыми инстинктами и рефлексам в общем-то «неумного» существа.

Второй член пары какое-то время ещё вяло пытался имитировать обманные приёмы, но быстро успокоился и, как казалось, безучастно сидел недалеко в стороне. На её беду, эта особь имела на удивление длинные центральные рулевые перья, и этим, по моему мнению, представляла большой интерес в качестве коллекционного экземпляра. Подняв поморника на крыло, я выстрелил. Увидев падающий сверху безжизненный комочек перьев, первая птица с громким горестным

криком тотчас бросилась к нему. Я подходил, до птиц оставалось уже не более четырёх, затем трёх метров, а она, живая, стелая, теребила и теребила, пыталась клювом поднять мёртвое тельце с земли. Сколько же неподдельной, настоящей боли было в её крике!

Я – полевой зоолог, к тому же ещё и охотник «по перу», мне немало приходилось собирать птиц для научных коллекций, много стрелять их. И было всего лишь три поразивших меня эпизода из моей полевой практики. В августе 1964 года, собирая научную коллекцию птиц в долине реки Камчатки, я отстрелял молодого мохноногого канюка (*Buteo lagopus*), очевидно, последнего остававшегося в живых из выводка этого года. Самка-мать видела, как я укладывал её птенца в рюкзак, и более двух километров она летела следом за мной, тихонечко подавая голос, звала и звала его. Лишь в посёлке птица перестала меня преследовать. Случай с поморниками, описанный мною сегодня, второй. Третий произошёл в мае 1975 года на реке Морошечной, когда я добыл для коллекции алеутскую крачку. Та же сцена припадания второго члена пары к тельцу убитой птицы, попытка вытащить, поднять его из прибрежной грязи, несогласие с его гибелью. И опять этот совершенно особый горький крик потери! Уже после того, как я забрал добытую птицу, вторая крачка вновь и вновь возвращалась к месту её гибели, подлетала ко мне, и кричала, кричала... Это, я утверждаю, был пронзительный крик горя. При других обстоятельствах такого нам не услышать никогда.

Это гнездо на косе Лекало мы нашли, его углядел Юра. Потом здесь же обнаружилась и кладка короткохвостого поморника. В этот год на косе явно гнездились, по крайней мере, не менее десяти пар этих двух видов. Рядом находились несколько поселений крачек, на берегу косы, её лагун постоянно держались многие десятки, чаще – сотни холостых тихоокеанских и сизых (*Larus canus*) чаек, немало гнездились и птичьей мелочи. Пищи для разбойников хватало, возможно, этим и объясняется такая терпимость их к близкому присутствию пищевых конкурентов.

В последующие свои приезды на остров здесь же, на косе Лекало я неоднократно встречал и третий вид из этого разбойного племени – среднего поморника (*S. pomarinus*). Он заметно крупнее своих собратьев,

отличается от них и своеобразным строением средней хвостовой пары перьев. Но в способах добывания собственного пропитания данный вид не оригинален, это точно. Моя мечта ещё об одном небольшом орнитологическом открытии, о находке здесь гнезда и этой птицы не сбылась, она просто не могла осуществиться, так как средний поморник гнездится далеко в Заполярье.

В экспедициях на Карагинский остров мне пришлось добывать поморников, тушки их сейчас находятся в научных коллекциях МГУ. К сожалению, при таких работах отстрел какого-то числа птиц бывает необходим. Рассказ о «разбойных наклонностях» поморников отнюдь не говорит о каком-то отрицательном моём отношении к ним. Это действительно красивейшие, совершеннейшие создания нашей Природы. Добыча даже очень интересного с научной точки зрения экземпляра какого-то вида мне почти всегда приносит больше сожаления, чем радости от удачи. Описанные же здесь редкие из моей полевой практики случаи заставляют задуматься над истинностью некоторых научных догм, забитых в наши головы в институтах. А незабываемые воспоминания об этих трёх эпизодах постепенно стали отвращать меня от ружейной охоты.

Домик Марковых. Обработка собранных материалов. 1966 г.

Село Ягодное

До сороковых годов поселение аборигенов в устье Гунуваям, в те годы эта река звалась Унунну-уаям, значилось просто «факторией». Как известно, так назывались торговые конторы или поселения, которые в отдалённых районах образовывались купцами, закупающими, выменивающими у местных охотников их продукцию. В СССР фактории с той же целью организовывались государством. Когда и от кого такое название пристало к селению коренных жителей Карагинского острова, сейчас сказать трудно. Скорее всего, со времён досоветских: немолодые коряки говорили мне, что помнили времена, когда на остров специально за пушиной прилетал американский гидросамолёт. В фактории жил поп, американцы специально для него привезли деревянный дом-церковь. Боюсь, что здесь местные жители что-то путали. В истории зафиксирован факт посещения Карагинского острова в 1910 году генерал-губернатором Приамурья Унтербергером. В результате этого визита в следующем году на острове «на средства казны» была построена небольшая церковь.

Поп, как продолжали рассказывать коряки, выменивал у аборигенов для американцев пушнину, с каждого рождения ребёнка за крещение брал по две-три шкурки лисицы-чернобурки или соболей. Он и вызывал по рации самолёт. Брали американцы также шкуры лахтаков и нерп. Потом русские «энкэвэдэшники» попа забрали, и, конечно же, он оказался «белогвардейцем» и «американским шпионом». Впрочем, по другим изустным источникам-«преданиям» старожилов, в 1924 году батюшка успел отбыть с острова с американцами, а чекистам от него в виде трофеев достались лишь какая-то пушнина и бензин.

«Советизация» острова прошла в 1923–1924 годах, организация «советского хозяйства» – в 1926–1927 годах. В 1936 году здесь в результате коллективизации стала функционировать артель «Новый товарищ».

Селом Ягодным, об этом говорили мне «островитяне», фактория стала называться в середине 1940-х годов с «благословения» бывшего председателя здешнего колхоза «10 лет национальных округов» Н. Е. Гейченко. На острове Гейченко появился вместе со своим другом

и тёзкой Дуюновым вскоре после завершения войны. На фронте два боевых друга, два Николая воевали в одном танке, и потом вместе то ли по велению сердца, то ли «по воле партии» прибыли сюда поднимать хозяйство далёкого Карагинского острова. Все, кто рассказывал мне о бывшем председателе бывшего островного колхоза, говорили о нём с искренним теплом и большим уважением. В своём письме ко мне Гейченко сообщил, что Ягодным село называли ещё до него, но я уверен, что Николай Ефремович говорил так только из скромности.

23 июня 1966 года. Два гордых независимых человека, это мы с Юрой, входят в селение аборигенов, село Ягодное. Стараясь увидеть все сразу, мы, тем не менее, оказались очень невнимательными, и пожилой коряк, стоявший около своего дома на самой окраине села, первым поздоровался с нами. Не спрашивая, кто мы и зачем приехали (наверное, он и так догадался, что мы «геологи»), хозяин пригласил нас в дом «чаевать». Переглянувшись, мы не решились, постеснялись отказаться от вежливого приглашения и, нехотя, вслед за хозяином вошли в дом. Первое, что я испытал, едва шагнув через порог, это был стыд – стыд за себя. Юра потом сказал мне, что и он был шокирован. Мы были посрамлены в привезённом с собой предвзятом мнении относительно чистоты жилищ островных коряков. Лично меня поразили только недавно выкрашенные и уже с утра чисто вымытые полы, добела выскобленный обеденный стол, чистенькие белые марлевые пологи над кроватями. Нет, эти люди не ждали гостей, таков был их уклад жизни в селе.

Мы с удовольствием пили чай с добрыми хозяевами, рассказывали о себе: что нас интересует, расспрашивали о предстоящем нам маршруте по морю, в деталях пытались уяснить условия прохода на лодке вдоль побережий, около мысов (простой рисунок острова у нас все же был). Не в меньшей степени нас интересовали сведения о размещении нерпичьих лежбищ и, уж конечно, птичьих базаров. Хозяин дома Елизар Иванович Котлов очень подробно всё объяснял. Достоинство, светившееся в глазах, доброжелательность, спокойная речь говорили о незаурядности этого старого коряка. Как много он мог нам еще рассказать об острове и его людях!

Потом, в первых своих заметках тех лет я написал, что, по слухам, Елизар Котлов был последним шаманом Карагинского острова и этим, как потом оказалось, очень насмешил местных жителей, прочитавших мои рассказы. Котлов в тот наш приезд был действительно очень уважаемым всеми человеком, бригадиром оленеводов-колхозников. И как же жаль, что я больше не встретился с ним. После этой первой и единственной нашей встречи продёт сорок лет, и из книги М. А. Сергеева «Советские острова Тихого океана» я узнаю, что ещё в самые первые годы АКО комсомолец Елизар Котлов являлся руководителем Карагинского островного национального совета. А я записал его в шаманы.

Село Ягодное оказалось довольно многолюдным. Нас встречали старожилы острова, многих из которых я потом уже не встречал никогда. И на удивление много в это лето в селе собралось молодежи, приехавшей на родину из интернатов и техникумов. Село звенело молодыми голосами, смехом; и мы с Юрой, занятые своими делами, не раз замечали сверкающие откровенным любопытством девичьи взгляды.

Юкольник – типичное северное «строение»

В отличие от поселка Островного, национальное село Ягодное удивительно гармонично вписывалось в окружающую его природу, было как бы неотъемлемой частью её. Островерхние юкольники – строения, формой своей не характерные для русских селений, казались очень естественными на фоне поднимавшихся вдали гор. Совершенно не портили окружающего пейзажа и полтора десятка небольших, стоявших вразброс, где кому нравится, домов. Так же, само по себе, стояло здание бывшей школы. Вот это массивное бетонное строение было здесь единственным чуждым окружающей обстановке.

По деревне шла одна более или менее набитая дорога, а между домиками сохранялась самая настоящая ягодная тундра. В июне-июле она расцветала морошкой, княженикой, шикшей, брусникой. В августе созревали ягоды, да так густо, что ведро княженики, например, можно легко было собрать в тридцати-пятидесяти метрах от одного дома, зато прямо под окнами другого, соседского. В этом мы имели возможность убедиться уже в следующие свои посещения острова. Вот откуда это название – Ягодное.

Меня, орнитолога, конечно, прежде всего, интересовали птицы. Я сразу же обратил внимание на добрые отношения в селе людей и птиц. Не сказать, что местные жители питали какую-то сентиментальную привязанность к своим пернатым соседям. Нет, это было просто хорошее спокойное сосуществование: у людей не было в мыслях обижать птиц, а те доверчиво относились к людям. Особенно же тогда меня поразили шуры (*Pinicola enucleator*). Эти птицы вообще очень спокойны и не испытывают боязни перед человеком даже в лесу. Но лишь в Ягодном я увидел, как розовые шуры-самцы деловито, точь-в-точь как домашние куры, собирали с земли корм у порогов домов едва ли не под ногами у маленьких детей.

Белые трясогузки гнездились в селе под крышей каждого дома, в каждом юкольнике. Вероятно, за всю историю совместной жизни в этом селе людей и птиц пернатые не испытывали такого массового стресса, столько беспокойства, как с нашим здесь появлением. Мы с Юрой бесцеремонно вытаскивали из гнезд птенцов и каждому на лапку надевали

кольцо. И дети, и взрослые наперебой показывали нам гнезда трясогузок, однако взрослые коряки, как мне показалось, смущаясь своей заинтересованности нашей работой, не забывали ехидно над нами подшучивать. И особенно острым на язык, я это заметил сразу, был небольшого роста горбатенький абориген Иван Тимофеевич Лазарев.

Белые трясогузки – добрые соседи аборигенов

Мы остановились лишь тогда, когда в деревне не осталось ни одной не перепуганной нами трясогузочьей семьи. После этого объяснили, наконец, собравшемуся поглазеть на нас всему мужскому и детскому населению Ягодного, для чего это делается. Я расспрашивал их о птицах, заносил в полевой дневник интересные для меня сведения. Один из жителей, это был Михаил Котлов, сходил домой, принёс и дал мне два крупных яйца. Одно из них, серовато-оливковое с бурыми пятнами, было явно чайачье, второе же – чисто белое и более округлое по форме, как объяснил Михаил, в мае было взято «здесь недалеко», на реке Кетовой из орлиного гнезда. Судя по описанию настоящего «хозяина» яйца, оно принадлежало тихоокеанскому орлану (*Haliaeetus pelagicus*). Яиц орланов я раньше не видел, но меня поразило другое: яйцо чайки по своим параметрам – длине и ширине – превосходило орлиное. Вечером я взвесил яйца, и чайачье – это был действительно великолепный экземпляр – при весе

132,6 грамма чуть-чуть, но опять «победило» яйцо орлана. Эта чайка гнездилась на островке Птичьем, находящемся где-то там, на восточной стороне острова. Птичий! Надо ли говорить, что с этого момента он стал одной из важнейших целей моего присутствия здесь!

Ягодное подарило мне ещё одно приятное орнитологическое открытие. Когда в гостеприимном селе все наши дела на сегодня были закончены и мы шли к своей лодке, чуть ли не из-под самых наших ног выбежала сильно встревоженная мородунка (*Xenus cinereus*). Этот симпатичный куличок, насколько я знал из литературы, должен был гнездиться далеко к северу от здешних широт. Но птица была явно с детишками, и они, скорее всего, где-то здесь, совсем рядом. Пока мы, боясь сделать неосторожный шаг, внимательно всматривались в траву, у одного не далее как вчера родившегося малыша не выдержали нервы, и он бегом бросился искать более надёжное, на его взгляд, место укрытия. Я, конечно же, не мог позволить ему скрыться, и отважная мать с тревожным тонким свистом бросилась к самым моим ногам. Быстро надев на маленького куличка колечко, я буквально «с рук на руки» передал его матери, и она, будто нас здесь и не было, сразу же присела, забрав кроху под себя.

Мородунка с малышом. 1966 г.

Наши будни. Найдёновы

В течение следующих дней мы предприняли несколько маршрутов по ближайшим окрестностям, дважды побывали на косе Лекало. В одно из посещений косы мы с Юрой стали свидетелями интересного атмосферного явления. Весь остров был залит солнцем, комаров ещё не было, и мы едва ли не голышом слонялись по косе в поисках гнёзд. А над бухтой Ложных Вестей зависло, а затем стало уплотняться как будто из ничего образующееся облачко. И вдруг оно прохудилось, притом прохудилось изрядно. Излившись быстрым дождём, облако, будто его и не было, испарилось.

В этот свой первый островной год я представить себе не мог, что когда-то буду готовить и защищать диссертацию по фауне птиц Карагинского острова. Но буквально все свои наблюдения, даже самые, казалось бы, незначительные, все, даже не совсем научные, соображения я сразу на ходу заносил в маршрутный дневник. Вечером всё, но уже начисто и более осмыслено, переносилось в другой полевой дневник. Я просматриваю дневниковые записи тех дней: учёты птиц на кочкарниковой тундре, замеры гнёзд и яиц, опять учёты, описание птенцового оперения крачек и так далее и тому подобное. Это наши рабочие будни, рассказ о которых может быть интересным лишь для специалистов-орнитологов. И потому сейчас из многочисленных своих записей стараюсь достать лишь некоторые наблюдения тех дней.

На Карагинском живут два вида куропаток – белая (*Lagopus lagopus*) и тундряная (*L. mutus*). Летом они делят территорию острова на два «государства»: равнинные ландшафты принадлежат куропатке белой, горную зону захватывает куропатка тундряная. Неслучайно последнюю здесь, как и по всей Камчатке, называют куропаткой горной. Летом общение этих двух крылатых народов происходит в основном в пограничной полосе, где они иногда гнездятся бок о бок. Зимой же белые куропатки мигрируют по всему острову.

На одном из своих маршрутов в сторону гор, пересекая забитый снегом распадок, я увидел протаявшую снежно-ледяную корку, под которой

виднелся трупик белой куропатки. Её пока ещё не нашли ни горностай (*Mustela erminea*), ни лисица, снежник сохранял девственную чистоту, но и эта чистая страница подробно рассказала мне о произошедшей здесь трагедии.

Зимой в предвечерних сумерках куропатка, как всегда, слету упала в сугроб. Упала и закопалась. Хорошо в снегу: и тепло, и все слышно. Поверхность сугроба сейчас стала для птицы крышей, сложенной из множества снежинок-черепиц. На морозе, предупреждая о потенциальной опасности, снежинки хрустят даже под легкими прыжками горностая. Веками от зимней стужи и от врагов куропатки спасаются под снегом. Но бывает, что он их и губит. Очевидно, в тот последний для этой «путешественницы» день дул восточный морской ветер, было относительно тепло, и снежинки чуть подтаяли. В ночь тёплый восточный ветер запал, и тут же с горных хребтов вниз стал стекать холодный морозный воздух. Он быстро сковал ослабшие в тепле снежинки в единое целое. Утром бедная птица била снежную корку и крыльями, и головой. Она так и вытаяла с приподнятыми вверх побитыми на суставах крыльями и с застывшей кровью на голове. Погибла куропатка от истощения.

Скорее всего, здесь ночевала не одна птица, а стайка куропаток, но тем хватило силы пробить наст, и она осталась одна, самая слабая. Законы естественного отбора в природе неумолимы.

Птицу я положил на виду, пусть ее найдет лисица. Она сейчас, наверное, уже кормит своих детей, и эта погибшая куропатка избавит лисицу от необходимости ловить живую птицу. А у той, в свою очередь, будет больше шансов выжить, успешно высидеть кладку и вырастить своих птенцов. Таковы цепи взаимоотношений в природе: даже мертвое звено может сцеплять несколько живых, и жизнь одних сохраняется за счет уже умерших.

Летом на острове любая мало-мальски сохранившаяся отдельно стоящая постройка, будь то домик, юрта, юкольник или даже шалаш, даёт приют паре белых трясогузок. Очевидно, тяга у них такая к элементам культурного ландшафта. Но, вероятно, из-за личных взглядов этих птиц на минимум площади гнездового участка больше одного гнезда

в одном строении мне видеть не пришлось. Трясогузок же на Карагинском острове значительно больше, чем домов и юкольников. Потому птицы, не успевшие захватить «хоромы» побогаче, строят свои гнезда и под выброшенной морем дощечкой, и под кустиком кедрового стланика, а то и просто в углублении берегового обрыва.

Кольца для мечения птиц у меня всегда с собой. Однажды, выйдя к устью реки Маикинваям, я направился к дощатому строению. Некогда добротно сделанный домик ещё нёс на себе печать, я бы сказал, взаимного уважения человека и построенного им жилья. Однако годы взяли свое: ветры сорвали с крыши толь, кто-то унес входную дверь. Пара белых трясогузок, еще издали выверив направление моего пути, стала подавать сигналы тревоги. Только что я видел двух птиц, и вот их уже четыре, подошёл ещё ближе – появилась и третья пара...

Гнездо трясогузок находилось на боковой балке коридорчика. Плотно прижавшись один к другому, в нём сидели пять крупных птенцов. Я взял одного из них и вышел наружу. Там уже стоял такой переполох, что я сразу не смог определить, сколько птиц мельтешат вокруг. Посчитал: надо мной летали, садились на крышу, вновь поднимались и беспрестанно кричали пять пар до предела взволнованных белых трясогузок и две пары трясогузок желтых. А метрах к тридцати над домом летал еще и встревоженный «зевака» – краснозобый конёк (*Anthus cervinus*). Собрались едва ли не все обитавшие в данном биотопе представители семейства трясогузковых.

Окольцевав птенца и желая лучше рассмотреть его оперение, я чуть ослабил пальцы. Он вдруг выпорхнул у меня из руки и очень даже хорошо полетел над самой травой. И улетел бы с перепугу далеко. Но тотчас из общей массы белых трясогузок вслед за ним вырвались две птицы. Одна из них слету попыталась сбить птенца, но промахнулась. Вторая оказалась точнее, и малыш, успевший пролететь не более десятка метров, плюхнулся в траву. Взрослая же птица, накоротке подсев к нему, тотчас возвратилась назад.

Заинтересовавшись действием трясогузок, я раз за разом выпустил всех птенцов. И все они были так же сбиты взрослыми птицами, которые при этом обязательно, возможно, для успокоения перепуганного малыша, на секунду подсаживались к слетку. К сожалению, не было

возможности проследить, всегда ли за птенцами устремлялись члены одной пары. Но взаимопомощь среди птиц одного вида, а может быть, даже и семейства, была явной. Желтые трясогузки и даже беспрестанно подающий сверху голос конёк, по крайней мере, демонстрировали свою солидарность с попавшими в беду соседями.

В чем же биологический смысл этого «сбивания» птенцов? Я склонен рассматривать это только как меру, предупреждающую вылет птенцов из досягаемой для родителей зоны, из пределов гнездовой территории родительской пары. В противном случае, птенец, еще не наученный самостоятельно добывать для себя пищу, почти неминуемо бы погиб.

Удивительную «разумность» проявили в этой ситуации соседние пары. Интересно, стали бы они выкармливать чужого птенца, окажись он на их гнездовом участке? Может быть, какие-то особи и стали бы, примеры альтруистического поведения среди птиц известны. Изредка наблюдаются удивительные случаи, когда птенцов, отгоняя родителей, кормят даже птицы другого вида. Но в дикой природе это всего лишь не свойственное нормальному поведению исключение из правил.

Это наблюдение, как представляющий для науки интересный факт, позже я включу в свою диссертацию, а сейчас я просто получил замечательную возможность прочитать новую для себя страничку из жизни хорошо известной нам белой трясогузки, увидеть еще одно из многообразных проявлений механизма сохранения вида.

На четвёртый день нашего здесь пребывания неожиданно развеялся миф о главенствующем Ивановом положении на острове. Возвратившись из недалекой экскурсии по окрестностям поселка, мы затопили печь, подготовили все необходимое для супа и поставили на огонь кастрюлю. Юра в ожидании обеда лёг почитать, а я занялся обработкой собранных за два дня материалов.

Еще спускаясь с увала к дому, мы видели, что в бухту заходит катер, но потом как-то об этом забыли. К тому же мне не терпелось скорее взяться за работу с собранными птицами. Я успел лишь взвесить и промерить их, начал подготовку к препарированию, как вдруг снаружи до-

неслись звуки, которых мы просто не ожидали здесь услышать. Судя по всему, в покинутом, считай, совсем нежилом поселке во всей своей самобытной красе расцветал семейный скандал.

Мы вышли из дома и поняли, что скандала как такового нет и не будет, так как одна из противных сторон – «комендант острова» Иван Найденов в одних подштанниках молча и сосредоточенно убегал в гору. За ним никто не гнался. Его дорогая дородная супруга, об этом мы догадались, стояла у дома и чисто по-женски выкрикивала вслед своему суженому все, что она думала о нём нехорошего. В руках у нее была палка, которая, как мы поняли, и придавала незадачливому «хозяину острова» необходимое ускорение. Помня о том, что «милые дерутся – только тешатся», посчитав, что эта сцена нас не касается, посмеиваясь над свергнутым «диктатором», мы пошли обедать.

Но оказалось, что именно мы и были виновниками этой семейной бури. Еще в Оссоре Ксения Максимовна узнала о нашем прибытии на остров и о том, что муж ее «взял нас на довольствие», злые языки еще что-то приплели насчет пьянства самозванного коменданта. И вот, возвратившись сегодня домой и не увидев на берегу встречающего супруга, Ксения взъярилась окончательно. Оставив на пирсе свои вещи, она тут же, на прибойке, нашла хороший дрючок, посмотрела только, чтобы гвоздей да сучков острых на нём не было, и пошла в дом будить мужа. Временно занятые позиции Иваном были сданы без боя.

Эти маленькие подробности Ксения Максимовна рассказала нам вечером, когда, выждав приличествующее ситуации время, мы нанесли ей визит вежливости. Она оказалась и впрямь решительной, но в то же время по-матерински заботливой и беспокойной женщиной.

– Думаете, мне жалко, что он вам вещи выдал? Они для того здесь и есть. Я вам не дам в поселке спать кое-как. Не стесняйтесь, приходите, когда что-то будет надо. У нас здесь и в магазине кое-что из продуктов осталось, не успели всё вывезти. Я здесь и за коменданта, и за продавца. За охрану имущества мне зарплату платят. А Ваньку-то я только за своеволие проучила.

Незадачливый «диктатор» молча и хмуро сидел рядом.

Уже потом вечерами и в этот, и в следующий свой приезд на остров в 1968 году, выбрав несколько свободных минут, мы с Юрой не раз приходили в чистый и уютный дом Найденовых. Иван и Ксения, как они нам рассказали, приехали на остров пятнадцать лет назад на одну путину. Здесь они познакомились, здесь и живут уже столько лет. После «закрытия» в 1964 году поселка Ксения Максимовна осталась присматривать за имуществом Оссорского рыбокомбината. У нее был образцовый порядок во всем: и на складах, и в магазине, и в отчетности. Иван ей помогал, а на лето его ещё нагружали обязанностями пастуха. Каждый год на остров привозили несколько десятков телят, а для Ивана, чтобы не бегать за ними пешком, ещё и лошадь. Когда я видел его как-то по особенному свободно-небрежно раскачивающимся в седле, невольно вспоминал пословицу: «Сокола видно по полёту».

Кузьма

В один из июльских вечеров с Иваном и Ксеньей я сижу на высоком крыльце их дома. День сегодня был ясный, серые строения поселка впитали в себя солнечный жар, и сейчас, когда не ощущается даже малейшего ветерка, они возвращают его, а потому в поселке не по-северному тепло. Комары не очень докучают и, хотя меня ждет дома интересная работа с собранными за день материалами, уходить мне не хочется.

Рядом с домом лежит старый рыжеватый пес. Я уже не раз обращал внимание на эту собаку с прогнутой годами и тяжелым трудом спиной, низко опущенной головой и очень усталыми стариковскими глазами. Ясно, что этот пес немного видел добра в своей собачьей жизни. В память о былых сварах уши его истрепаны в лохмотья, на морде белеют шрамы. Сейчас у пса все уже в прошлом. Он лежит с закрытыми глазами, время от времени тяжело вздыхает, и мне кажется, что он думает об очень трудных, но так быстро пролетевших днях жизни.

Я знаю о неблагоприятном обычае северян убивать собак, переставших по старости работать. Обычай жестокий, но продиктован он суровыми

северными реалиями. Имея несколько таких собак, хозяин не сможет их прокормить, и зимой они либо умрут голодной смертью, либо их задавят собаки первой же наскочившей упряжки. А рыба, которую надо скармливать ставшим никчёмными собакам, так необходима их молодым работающим преемникам. И потому жизнь таких бедолаг чаще всего обрывается выстрелом, а у хозяина, если он не совсем плохой человек, еще долго после этого трясутся руки.

Мне стало интересно, не думает ли Иван застрелить старого пса.

– Это Сивуча? Да ты что! Он у нас персональный пенсионер, – наперебой заговорили Иван и Ксения. И рассказали мне о том, что Сивуч был отменным передовиком, вожакон нартовой упряжки и не раз вывозил хозяина из тундры в лютую пургу.

– Он много поработал и заслужил человеческой смерти, – подытожил Иван.

– Не знаю, как ему бедному придется, если доживет до нашего отъезда с острова. Будем просить, чтобы кормили новые хозяева, но ведь люди-то разные бывают, – вздыхает Ксения.

Мы замолчали. Я совсем уже было собрался уходить, когда Иван, до того задумчиво смотревший на Сивуча, вдруг начал мне рассказывать историю, которую я в тот же вечер записал в свой дневник. Это невыдуманная история самого знаменитого на Карагинском острове ездового пса Кузьмы. Впоследствии о Кузьме я спрашивал и других, некогда живших на острове, людей – пса помнили все. А Владимир Тимошенко назвал мне и имя хозяина этой собаки.

Михаил Новиков сразу обратил внимание на молодого сильного пса по кличке Кузьма, который раньше передовиков исполнял команды хозяина. И вскоре молодой пес сам встал во главе нартовой упряжки. Он никогда не затевал свар, никогда на него не бросалась ни одна собака. Это был общепризнанный лидер. Свою порцию юкoлы, не в пример другим собакам, Кузьма съедал неторопливо и с достоинством. Глупые щенки иногда отбирали у него пищу, и мудрый Кузьма ни разу не задал им трепки. Но что особенно отличало его от собратьев – это глаза. Животные, как известно, не любят прямого

взгляда, ибо сосредоточенный прямой взгляд воспринимается ими как предшествующая нападению угроза. Кузьма мог смотреть в глаза человеку как равный. При этом люди нередко невольно ловили себя на мысли, что природа только по какому-то роковому недоразумению наградила это существо оболочкой пса.

Гордого благородного пса уважали и люди, и собаки. Хозяин вскоре перестал сажать Кузьму на цепь, он ходил и отдыхал, где хотел. Привязанные собаки очень ревниво относятся к «вольняшкам». Стоит какой-то из них освободиться от привязи, как все псы в округе поднимают жуткий лай и не успокаиваются до тех пор, пока хозяин не поймает их блудного собрата.

На свободного Кузьму собаки не лаяли. Однако не раз случалось, что, увидев вдруг лежащего где-нибудь непривязанного пса и не признав Кузьму, собачья упряжка резко меняла свой курс. Надо видеть, как, совершенно не слушаясь каюра-хозяина, в едином порыве несутся восемь-десять сильных собак. Это уже не группа, это один сильный, кровожадный, безжалостный зверь. И цель у него одна – убить. Кузьма успевал встать как раз вовремя. Он встречал летящую на него упряжку собак суровым прямым взглядом и лишь иногда чуть приподнятой губой. И звери, которых только что ничто не могло остановить, вдруг тормозили всеми своими лапами, смущенно отворачивали в сторону. Кузьма же беззлобно смотрел им вслед и ложился опять. Не было случая, чтобы он от кого-то спасался бегством, для этого он был по-настоящему горд.

Своим умом и достоинством знаменитый пес покори́л всех островитян. Люди уважали его еще и за то, что он был настоящим и честным работягой. Не было случая, чтобы упряжка ушла на работу без него: Кузьма всегда угадывал, когда надо быть у нарты. И, работая, он никогда не лукавил: не мог бежать в нарте, лишь натянув алык, как это делают некоторые собаки, делая вид, что трудятся.

Ездовые собаки живут недолго, редко более семи-восьми лет. Кузьма в полную силу работал не менее десяти лет. Однако годы брали свое, и однажды хозяин решил, что Кузьме больше не надо работать. В тот последний для Кузьмы сезон его упряжка использовалась на

вывозе дров из долины реки Лимимтэ – там находятся основные массивы островных каменнобережников. Кузьма, как всегда, ко времени запряжки собак был у нарты и, найдя свой алык, сам пытался залезть в него. Хозяин сделал вид, что не замечает старого друга, и попытался вместо него поставить в упряжку другого пса. И Кузьма, никогда ни о чем не просивший гордый Кузьма, вдруг заскулил... он просил. Михаилу показалось, что он незаслуженно унижил своего друга, и не смог больше ему отказывать, стал каждый раз вновь как равного ставить его в упряжку.

Кузьма старался. Хозяин видел, как трудно ему бежать рядом с сильными молодыми псами, как изнемогает он, таща тяжело нагруженную нарту-«дровянку». Наверное, понимал это и Кузьма. И когда после первого рейса хозяин снимал с него алык, пес больше не просился на работу, ложился где-то в сторонке и отдыхал до завтра. Иногда его увозили в поселок, но на следующий день он появлялся ко времени и опять, задыхаясь, изо всех сил тянул алык.

Умер Кузьма, как и жил, хорошо. Сердце его остановилось сразу, когда он как равный шел в упряжке с сильными грудастыми псами. Хорошили его не как собаку. Несколько мужчин по очереди долбили могилу в промерзшей земле увала недалеко от устья Лимимтэ. После похорон были поминки. И все это не было балаганом, все было серьезно от начала до конца. Надо сказать, что люди, ставшие Кузьме товарищами при его жизни и достойно проводившие его в последний путь, были настоящими северянами: отчаянными, часто грубыми, презиравшими слюнтяев, способными сожалеть о смерти далеко не каждого человека.

Много лет прошло после смерти знаменитой собаки, а люди помнили о гордом псе с человеческим именем Кузьма, не совершавшем никаких подвигов, но так достойно прожившем всю свою жизнь.

В одно из своих посещений острова, когда Найдёновых, к тому времени живших в Оссоре, сменила другая семья «островитян», я опять увидел Сивуча. Сразу было видно, что новые хозяева были людьми добрыми. Пса явно хорошо кормили и не обделяли лаской, выглядел

он для его возраста неплохо. «Сивуч!» – позвал я собаку, и он, раньше только хмуро провожавший меня взглядом, сейчас, вдруг приветливо помахивая хвостом, подошел ко мне. Я подумал, что и в теперешней неплохой жизни преданная собака помнит своих прежних хозяев. Она явно помнила и меня, потому ей, наверное, и была приятна встреча со мной, товарищем ее бывших хозяев.

Путь на север

Главной же целью в этом нашем первом на острове году оставалось путешествие на неизвестные ещё ни одному орнитологу север и восточное побережье острова. В эти дни мы ещё дважды побывали в Ягодном. Не имея хотя бы какого-никакого приличного чертежа побережий Карагинского, о чём подробнее я расскажу несколько позже, мы расспрашивали коряков о возможных трудностях предстоявшего нам пути на север к мысу Голенищева и далее в обход его по восточному побережью уже на юг. Аборигены путались в расстояниях и не только в них, и это удивляло: как, постоянно живя здесь, можно не иметь точного представления о самом, как мы считали, жизненно необходимом.

И хотя все наши помыслы были заняты предстоящим «северным походом», в один из дней, также после предварительных расспросов местных жителей, мы решили сначала сходить на юг. Эта поездка казалась таящей меньше сюрпризов и потому менее опасной. Прекрасная солнечная погода сопровождала нас до реки Унъюнаям, больше известной под названием Кетовой. Но ещё за километр-два до её устья мы обратили внимание на иной цвет моря на горизонте. Оказалось, что прямо от устья Кетовой по морю как бы была проведена невидимая пограничная полоса, за которой на море хозяйничал восточный ветер. Вскипевшее море было сплошь покрыто белыми гребешками. Наша «Казанка» запрыгала, хлопая «животом» по воде и вдребезги разбивая гребни волн. Взлетающие солёные брызги подхватывал бортовой ве-

тер и щедро обсыпал ими нас. В какие-то минуты мы с Юрой промокли насквозь. Пора было возвращаться.

«Казанку» ведет Юра Воропанов

И тут метрах в ста с моря туча за тучей стали взлетать утки. Юра взял бинокль: это были горбоносые турпаны (*Melanitta deglandi*) и, как нам показалось, в основном самцы. Значит, коряки, сообщавшие о скоплении в этом районе птиц, были правы, и здесь, скорее всего, находится район их летней линьки. Стараясь по возможности определить более или менее приблизительную их численность, мы «поскакали» дальше. О том, что горбоносых турпанов летом на этом участке пролива собирается не менее

пяти тысяч, мы узнаем лишь при следующих своих сюда заходах. Сейчас же птицы стали отлетать мористее, и мы, успев замёрзнуть, как я это увидел по Юре, до синевы, повернули навстречу ветру к замеченному на берегу домику. Он стоял на перешейке, и, значит, где-то в километре от него уже на восточной стороне острова должен был находиться военный маяк. Быстро растопив добротную железную печь, мы разделись, и пока просыхала наша одежда, успели плотно перекусить.

Посетовав на так некстати испортившуюся погоду, прячась, насколько это было возможно, от ветра под берегом, мы возвращались домой. Сквозь налетавшие время от времени с востока клочья тумана добрались до реки Кетовой и... опять попали в другую страну. Здесь ярко и тепло светило солнце, ветра не было и в помине, а наша шлюпка плавно заскользила по совершенно гладкой поверхности моря. Это ли не чудо?!

Чуда не было, в чём мы потом убеждались не раз: для данного участка островного побережья это было вполне рядовым явлением. Сейчас, когда над центром западной части Карагинского острова ярко светит солнце, трудно было себе представить, что противоположное его побережье находится во власти сильного сырого «востока». И не будь вдоль всего острова цепи гор, останавливающих восточные ветры, так же противно было бы сейчас и здесь. Горные хребты с высотами в пятьсот метров и выше проходят по острову с севера и до самого перешейка. Но в одном месте восточного побережья, где горы почти двухсотметровыми обрывами прижимаются к самому морю, скальные кручи разрывает узкая и глубокая долина реки Ильхатухваям. В эту «щель» и врываются восточные ветры, достигающие сначала русла Унъюню, а затем и вод пролива Литке.

Мы, наконец, созрели для похода на север. На «Казанку», считая нас самих и мотор, которому предстоит всё «толкать» по морю, набралось чуть менее четырёхсот килограммов груза. Большой вес приходился на горючее, которым, кроме трёх стандартных бачков, были заполнены также несколько японских пластиковых кухтылей. Последние ещё

недавно служили японским рыбакам в качестве поплавков для морских сетей. Много, очень много их, сорванных штормами, болтается по морям и выбрасывается на морские побережья. Русский сметливый ум увидел в кухтылях весьма удобную тару для транспортировки горючего. Кроме того, пластик служит отличным топливом для костра и очень этим ценен, особенно на безлесной тундре.

Сразу от основания косы Лекало морской берег, ровный и невысокий, по мере продвижения на север постепенно поднимается над пляжем до пяти-шести метров. Сложен он из рыхлого осадочного материала, схваченного сверху тонким слоем типичной тундровой растительности. Берег постепенно осыпается, растительность же за счёт сцепления корней какое-то время козырьками нависает над обвалами. Местами прямо под этими козырьками берег, подобно сыру, весь истыкан норками. Это гнездовья береговых ласточек (*Riparia riparia*). Чистая от подводных камней литораль позволяет лодке двигаться у самого берега, и это даёт мне возможность подсчитывать встречающиеся на нашем пути колониальные поселения береговушек.

Вдоль косы Лекало и далее по пути нашего продвижения на север тут и там на воде видны группы американских синьг, нырковых уток рода турпанов. Иссиня чёрные самцы не имеют в оперении ни единого светлого пятнышка, но зато основание их надклювья в этот период украшает золотисто-жёлтая округлая шишка.

Это одна из самых доверчивых к человеку наших птиц. Если одна птица из пары ранена или убита охотником, другая ни за что её не оставит и, как правило, тоже погибнет.

Однажды в мае мне пришлось очень близко наблюдать ритуал ухаживания самцов американских синьг за самочкой. Именно самцов. Их, ловеласов, тогда собралось аж четыре, а она была одна. Я сидел на берегу лимана в скрадке, и пять этих уток, сероватая самочка впереди, четыре её ухажёра тесным табунком – сзади, подлетели прямо ко мне и плюхнулись возле берега в воду. Уточка вышла на прибойную полосу, опустила на песок. Один из неотступно следующих за ней кавалеров прилёг рядом. Остальные три жениха расположились так,

что образовали вокруг лежащей пары, хотя их наверняка интересовала только дама, фигуру равностороннего треугольника. Все трое начали одновременно очень важно вышагивать по кругу с диаметром около метра. Самцы шли по часовой стрелке, потом враз останавливались, затем продолжали движение. При этом между ними всегда сохранялось равное расстояние и они, эти трое, как бы ставили себя в совершенно равные условия. Если, гоняясь за самкой в воздухе, самцы всё время издают свист, то этот ритуал покорения сердца дамы проходил при полном молчании. Но самым забавным в этом «объяснении в любви» было то, что самцы, ходящие по кругу, при этом широко раскрывали свои рты. Скорее всего, там, внутри клюва, расположены какие-то сигнальные раздражители, способные «разжечь любовную страсть» самочки.

Спокойно лежащего рядом самца я посчитал лидирующим в этой группе, избранником уточки. То же мы видим в подобных ситуациях и в группах животных других классов: лидирующий самец всегда держится более уверенно и ближе всех к самке. И практически никогда самцы, находящиеся на второстепенных ролях, не смеют покуситься на его привилегии.

Но, может быть, я ошибаюсь? И этот самец здесь вообще «не у дел», так как по молодости пока не готов к воспроизведению себе подобных? Была только одна возможность разрешить мои сомнения – выстрел. Состояние гонад позволило бы определённо ответить на этот вопрос. Но пусть простят меня холодные умы некоторых учёных: выстрел в подобной ситуации – это было уже выше моих сил, значительно выше.

Сейчас по всему нашему пути все синьги держатся парочками. Завидев приближающуюся лодку, они поднимаются на крыло и начинают описывать вокруг нас эллипсы, восьмёрки и другие непонятные замысловатые фигуры. Так птицы провожают нас до следующей пары или небольшой группы парных же синьг и возвращаются назад к ранее облюбованному участку моря.

Первым пунктом нашей остановки стала река Плоксан, здесь решили заночевать, чтобы хоть что-то ещё узнать о предстоящей дальнейшей дороге. Мы уже знали, что здесь, в устье реки, встретим семью коря-

ка Майновье и деда Ефима Колегова. По сто граммов водки на человека, деду Ефиму – побольше, не стали лишними и несколько оживили наше первое знакомство. Вечер прошёл в расспросах, притом спрашивали только мы. Оказалось, что Майновье – фамилия совсем не здешняя, «приблудившийся» на острове Семён из западно-камчатских тигильских коряков, его жена Настя – местная; сейчас у них две маленькие девочки, и, судя по нашим впечатлениям, в ближайших планах семьи очередной ребёнок. Здесь же, в островной корякской общине, на них и деда Ефима возлагаются задачи по заготовке лососёвой рыбы, чем они сейчас и заняты. Отрыбавив на этой реке, переберутся на реку Маркеловскую.

*Юкольник на реке Плоксан: внизу сушится рыба,
наверху хранятся продукты*

Проснувшись на другой день чуть свет, я сходил к ближней колонии береговушек. Посчитал птиц, из гнездовой камеры ласточек, обнажившейся в результате очередного стихийного бедствия – обвала части берега, достал и обмерил два яичка. Когда вернулся, Юра уже плотно уложил

в лодке полевое снаряжение. Путь сегодня нам предстоял не дальний, и я ещё пошёл побродить вверх по реке в надежде найти место гнездования озёрных чаек (*Larus ridibundus*), утром я видел над рекой двух этих птиц.

На двадцать километров хода по спокойной воде между устьями Плоксана и Маркеловской нам хватило часа с небольшим. Пройдя между крутым и довольно высоким здесь берегом и песчаной косой, наша «Казанка» оказалась в спокойном и красивом лимане. Прекрасная погода, широкая долина реки была буквально переполнена радующими меня весенними голосами самцов шилохвостей (*Anas acuta*), свиязей (*A. penelope*), чирков-свистунков (*A. crecca*), пронзительными вскриками чаек, истошными – краснозобых гагар (*Gavia stellata*) и «жеребьячим ржанием» серощёких поганок (*Podiceps griseigena*).

На лимане реки Маркеловской

Людей, как мы поняли, здесь не было давно. На высоком левом берегу стояли старая юрта, юкольники, тут же рядом торчали палки, несомненно, служившие опорой для палатки. Кто-то, побывавший здесь послед-

ним, предпочёл ночевать «ближе к природе». Я заглянул в юрту, и меня будто что-то оттолкнуло от неё: не то что ночевать, в неё не хотелось зайти хотя бы на минуту. Погода была прекрасной, комаров, вылетевших из своего разбойного гнезда два дня назад, считай, почти не видно.

Проснулись рано. Более тесного знакомства с долиной реки Маркеловской в планах этого дня не было. Нас ждали более чем тридцать километров волнующего маршрута к мысу Голенищева и далее в обход его до бухты Северной. От коряков чего-либо внятного по этому отрезку пути нам добиться так и не удалось, а это значило, что впереди всё было неожиданным, немного пугающим и поэтому особенно интересным.

Во избежание встречи с подводными каменными «сюрпризами» мы шли в сотнях метров от берега, взяв курс на мыс Плоский. За Плоским обозначился мыс Промежуточный, и здесь на море появились первые берингийские бакланы (*Phalacrocorax pelagicus*). Их становилось всё больше, птицы ныряли, кормились, потом, тяжело поднимаясь с воды, летели вдоль берега на север туда, где, мы это уже видели, над каменистым пляжем отвесно стояли высокие скальные обрывы. Вот и первая бакланья колония, которую я потом буду обозначать как «северо-западную». Сейчас же мы проходили её, не становливаясь, так как торопились дойти до намеченного пункта – бухты Северной.

И вот уже видна крайняя северная точка острова, мыс, названный славным именем А. В. Голенищева. Будучи сначала помощником начальника, а в 1828–1834 годах – начальником Камчатки, Аркадий Васильевич многое сделал для развития управляемого им края и по праву заслужил, чтобы его имя было увековечено на картах России.

На мыс я приду, может быть, уже завтра, сейчас же, обогнув его, мы должны пройти первые километры восточной стороны острова.

Во все глаза рассматривая величественные скалы последних километров северо-западного побережья острова, мы совсем не обращали внимания на море. Свежий ветер обдал нас брызгами, сорванными с гребешков волн, едва наша «Казанка» вышла из-под прикрытия скал мыса Голенищева. Дул свежий и очень даже резкий восток. Перегруженная лодка не подсказывала на волнах, а будто бы пыталась под каждую из них

поднырнуть. Благо волны были не очень крутыми. Юра сделал мне знак рукой – «Поворачивай!» и показал назад. Минута-две хода, и мы опять на гладкой воде.

Всё было очень просто. Ещё на полпути к мысу Голенищева я сказал Юрию, что наша «Казанка», похоже, освоилась с морем, и потому сегодня бежит по воде гораздо увереннее и быстрее, чем два последних дня, хотя груз на ней оставался прежним. Но, как оказалось, наш сегодняшний путь на север сопровождался попутно идущим с нами приливом, он и прибавлял лодке скорости. Не всегда, но довольно часто прилив сопровождается так называемым «приливным» ветром, как правило, сильно раскачивающим море. В проливе мы были защищены от него берегом, а он, оказывается, ждал, когда мы выйдем из-под защиты скал. И дождался.

Остановились километрах в двух с половиной – трёх от мыса. Здесь скалы несколько отступают от воды, и за каменистым пляжем образовалась приподнятая, заросшая травой площадка. Хорошо закрепили лодку, поставили палатку, и я заспешил к мысу.

На мысе Голенищева царство берингийских бакланов. По скалистой стене берегового обрыва на каждом скальном уступе гнёзда, гнёзда, гнёзда. Начинаются они метрах в четырёх от подножья клифа и поднимаются на десятки метров вверх к самой его шапке. Пересчитать все гнёзда поштучно здесь практически невозможно, однако уверенно можно было сказать, что в нынешнем году их в колонии мыса Голенищева около тысячи.

Колониальные поселения морских птиц часто называют «птичьими базарами». Для большей их части более подходящего названия и впрямь придумать трудно, настолько много там споров, криков, скандалов. Колонию же бакланов, даже такую крупную, обозвать «базаром» можно только с большой натяжкой: даже тысяча этих молчаливых птиц не может так нашуметь, как, например, четыре-пять десятков любого вида чаек. Спокойное тихое урчанье и шум летающих со скал, либо возвращающихся к гнёздам бакланов – вот и все звуки в этой колонии. От поселения бакланов веет какой-то чинностью, и это впечатление

усиливается видом одетых почти во всё чёрное и поэтому кажущихся чопорными птиц.

Как бы велик остров не был, его скалистые обрывы и кекуры могут дать пристанище лишь определённому количеству птиц. Нам ещё предстоит идти вдоль восточного побережья на юг. И тогда мы увидим, что более просторные и ровные скальные площадки занимают толстоклювые (*Uria lomvia*) и тонкоклювые (*U. aalge*) кайры, рядом с ними, но часто уже на более узких карнизах, селятся моевки (*Rissa tridactyla*). И практически на любом базаре, кстати, здесь, на Голенищева – тоже, мы видим тихоокеанских морских чаек.

Это чайка-хищник, не брезгующая разбоем на гнёздах своих соседей по общежитию. Селясь в смешанных птичьих колониях, гнёзда свои, как правило, она строит в верхних точках базара: оттуда удобно наблюдать за оставленными без присмотра кладками и птенцами других видов.

Когда все места в колониях распределены и сообщества птиц вполне устоялись, казалось бы, о чём тогда им спорить. Но так действительно может только казаться: здесь не только между видами, но и между особями одного вида идёт непрекращающаяся борьба за жизненное пространство. Самыми массивными и в то же время совсем неагрессивными, неспособными постоять за себя в колониальных поселениях птиц являются бакланы. На скалах для постройки гнёзд им часто остаётся лишь то, что остаётся. И бакланы этим не только довольствуются, они приспособились к таким условиям. На Карагинском острове есть километры скалистых побережий, где лишь бакланы и могут выискать мало-мальски подходящие уступчики, на которых хоть как-то можно прилепить гнездо. А так как берингийский баклан остаётся видом общественным, желательно, чтобы этих уступчиков и выбоин недалеко друг от друга было несколько. На них в соседской близости и образуются бакланы «колониальные» поселения иногда всего лишь из пяти-пятнадцати гнёзд.

Мне пора уже возвращаться «домой», к лагерю, а я, удобно разлёгшись на валунах, всё шарю биноклем по стенке клифа: вдруг здесь живёт ещё

и краснолицый баклан? Сразу скажу – этот вид на Карагинском острове ни мной, ни в более поздние годы Петром Вяткиным не найден. А я вдруг замечаю спокойно летящего вдоль обрыва и как бы просто так посматривающего на бакланов ворона (*Corvus corax*). Не заметив меня, лежащего совсем рядом, чёрный разбойник спокойно, будто прилетел к себе домой, присел на край гнезда рядом с бакланом и на какое-то время замер. Баклан тихо что-то проурчал и, освобождая место на краю гнезда, чуть отодвинулся. Выждав несколько секунд, ворон так же спокойно склонился к кладке, взял клювом яйцо и, не торопясь, улетел. Баклан, так и хочется сказать – с тупой физиономией, продолжал спокойно осматривать окрестности. Нет, эта птица с большим телом и малюсенькой головой не чопорная, она просто непомерно глупая!

Вот она – «большая птица с маленькой головой»

Перед тем, как направиться к месту нашего временного пристанища, я ещё раз вышел на острие мыса: море на восточной стороне острова было почти ровным, медленно переваливающиеся с боку на бок пологие волны нам были не страшны, и, значит, ночёвку на месте сегодняшней высадки есть смысл отложить до будущих времён. А сейчас мы идём в бухту Северную.

Бухта Северная

Оказалось, что избушка оленеводов стоит едва ли не в километре от морского берега. Нагруженные рюкзаками, коробками с продуктами, фотоаппаратами и чем-то еще, что нам совсем не было нужно для ночлега, мы с Юрой еле тащились по предельно захламлённому всяким, в основном – древесным, морским выбросом приустьевому участку долины Акановаям. Мы ругались, что кого-то угораздило поставить избушку в такой дали от моря, и нам совсем не приходило в голову, что «сухопутные» оленеводы при постройке избушки уж точно не руководствовались нашей логикой. Зато мы шли в надежде на хороший, как нам сказали, домик, и это уже само по себе было здорово.

Однако снаружи, это мы увидели сразу, «дом» казался самой заурядной, к тому же страшно запущенной землянкой. Стены, некогда прикрытые дёрном, местами это свое прикрытие потеряли, виднелись почерневшие доски. Подошли к двери, шагнули в тёмный коридорчик-«прихожую» – в нос ударил совершенно немыслимый запах многолетней тухлятины. Темно было внутри землянки, свет еле-еле пробивался сквозь латаное-перелатаное грязное окошечко. Справа от входа стояла давно прогоревшая железная печь, нары вдоль стен были засыпаны перетертой не за один год травяной трухой.

Меня прямо-таки что-то выталкивало наружу. Я это ощущал как непонятное физическое сопротивление. Но от кого, откуда оно шло? Я высказался за ночевку вне землянки, Юрию хотелось иметь крышу над головой. Мне было знакомо это нежелание входить в покинутое людьми

жилье, знал я и то, что это скоро пройдет. Стоит только затопить печь, открыть дверь и окно и сделать самую необходимую приборку.

Землянка в бухте Северной. 1966–1972 гг.

Через пятнадцать минут мусор был выметен, стол накрыт чистой бумагой, печь уже перестала дымить и гудела в проржавленной худой трубе ровным пламенем. Не избавились мы лишь от жуткого запаха чего-то протухшего в коридоре, но трогать стоявшую там бочку не стали. В дом эта вонь не поступала, а мы, каждый раз проходя тошнотворный барьер, лишь на два-три шага сдерживали свое дыхание. Так, впрочем, будет и через два года, а еще через год Николай Бондырев, мой напарник по экспедиции на остров в 1969 и 1970 годах, выкатит из коридора зловонную бочку, и после этого в землянке реки Северной мне ещё долго будет не хватать чего-то привычного.

Но сейчас пока только кончался день 4 июля 1966 года. Впечатлений, новых и острых, за день было много, я, было, взялся за дневник, хотел быстрее перенести в него скоротечные записи из маршрутного блокнота, но решил не разрывать во времени эту приятную для меня процедуру. Дров, если чуть пройти в сторону моря, вокруг было много, Юра

заялся костром, я машинально помогал ему в нетерпеливом ожидании конца ещё не начавшегося ужина.

Находясь в поле, я нередко ощущаю сильную потребность в уединении. Тогда я беру дневник, а иногда, когда это случается ночью, еще и фонарик, и, где-нибудь в удалении нахожу для себя спокойное место. Вслед за этим иногда наступает совершенно удивительное состояние, когда кажется, что я буквально растворяюсь в окружающей природе, сливаюсь с ней, и тогда для её восприятия у меня раскрывается сердце. В такие минуты, как бы пребывая вне своей телесной оболочки, я совершенно по-особому воспринимаю окружающий меня мир природы. Тогда, весь раскрытый настежь, я лихорадочно, до предела сокращая слова, пишу и пишу все, что вижу, что чувствую сейчас. К сожалению, минуты такого состояния бывают очень скоротечными. И, если именно это называется вдохновением, остается только сожалеть о малой толике отпущенного на мою долю столь удивительного состояния. Я всегда жду таких мгновений. Именно в эти минуты сделаны самые интересные, самые сокровенные записи в моих дневниках. Но их всего лишь микроскопические крупички среди обыденных нужных рабочих дневниковых материалов.

Бухта Северная: я работаю с собранными материалами, 1966 г.

Сегодня я хотел просто спокойно осмыслить прошедший день, упорядочить записи походного дневника. Мне ничто не должно было помешать: Юра после всех треволнений дня сразу после ужина «заклевал носом» и, как мне показалось, заснул, пока ещё шёл до землянки. Докучали комары: много же злости накопили они за четыре дня после своего вылета. Хорошо, что я догадался захватить из лодки марлевый полог. Быстро натянул его, спрятался от кровопийц, взялся, было, за дневник, но что-то не писалось: и я поневоле заслушался звуками прекрасной, кажущейся мне совершенно волшебной, северной природы. На фоне отдаленного перекаत्याщегося шума моря меланхолично поёт дрозд Науманна, недалеко раз за разом о чём-то удивлённо спрашивает охотский сверчок (*Locustella ochotensis*), в приречных кустах слышен громкий обеспокоенный голос большого улита (*Tringa nebularia*). Музыка птичьих голосов в этом совершенно очаровывающем безлюдье завораживала. Её можно слушать часами. И, забыв о дневнике, я лежал и слушал.

Но что-то, поначалу неосознаваемое, мешало мне впитывать это неповторимое чудо бытия. И вот это нечто, наконец, сформировалось в вопрос.

Что же это за сила пытается остановить нас на пороге нежилых помещений? С ней я сталкиваюсь четвёртый раз за две недели жизни на острове. Сталкиваюсь с этим, идущим извне, и в то же время как бы из моего подсознания, тревожным и непонятным мне протестом против вторжения в давно покинутое людьми жильё. Так было дважды в оставленных домах поселка Островного, так было, когда я вчера пытался зайти в нежилую юрту на реке Маркеловской. И вот особенно остро я ощутил это сегодня. Непонятное чувство беспричинного, необоснованного разумом то ли отвращения, то ли протеста как будто бы навязывалось помимо моей воли и в то же время ни от кого. Этого же не случается, когда я захожу в чужой жилой дом или даже в не очень чистую жилую, лишь недавно оставленную людьми юрту.

В землянке на Акановаям, похоже, уже несколько лет не останавливаются и не живут люди. Если говорить о какой-то там грязи, так здесь, при всей кажущейся захламлённости, скорее, всё значительно более стерильно, чем в наших городских квартирах.

Я уверен, любой исследователь-полевик – биолог, лесник, геолог, попадая в подобную ситуацию, хоть раз сталкивался с этим внутренним ощущением душевного дискомфорта, своей неуместности что ли в давно покинутом человеческом жилье, в которое он только что вошёл. И это ощущение себя персоной non grata тем сильнее, чем дольше здесь не было людей. И ещё: поживши в этом доме и возвратившись в него через какое-то время, вы уже не ощутите больше столь же сильного отталкивающего вас сопротивления. Впечатление такое, что вас здесь помнят. Не абсурд ли это? Не мистика ли? Как могут отталкивать или помнить пустые неживые стены?

Вот здесь-то, думается мне, всё дело в том, что эти стены не были пусты. В каждом таком домике, в каждой землянке за долгое отсутствие людей складывается свой мир, своя вселенная, принадлежащая миллиардам живых микроскопических существ, вероятно, очень даже разнообразных форм. В этой недоступной нашему пониманию вселенной своё, совершенно несоизмеримое с нашим, течение времени, за какие-то короткие для нас месяцы, а тем более за три-пять лет, здесь прошли смены многих и многих тысяч поколений. В этом Мире ещё уясняются иерархические отношения, почти наверняка происходят «локальные конфликты». Но это уже целое мироздание, вполне сложившееся и, вероятно, неповторимое в таком виде больше нигде. Это организованные в сообщества миллиарды и миллиарды микроскопических существ во всех отпущенным им Природой жизненных ипостасях.

И вот в этот их веками складывавшийся мир врывается мы, неотвратимые, как рок, чуждые, безжалостные, кошмарные. Что жители этой вселенной могут противопоставить нам? Ни-че-го! И, возможно, инстинктивно осознавая это, всё сущее здесь, миллионы, если не миллиарды, невидимых нам живых существ, одновременно издают вопль смертельного отчаяния. Этот вопль и воспринимается самыми тончайшими рецепторами нашего подсознания как непонятный протест ниоткуда, ни от кого.

Для нашего же сознательного представления о сущем мире мы приходим всего лишь в заброшенные дома, юрты, землянки, захламлённые и неуютные, и всего лишь поэтому в них так не хочется заходить.

Но холод ли, дождь ли или другие соображения заставляют нас взять в руки веники из живой душистой зелени. С напором бесчувственного ко всему бульдозера мы врываемся в тот, другой, мир, выметая, выветривая и в неимоверном множестве убивая его прежних хозяев. И уже завтра удивляемся: почему это вчера нам здесь было так неуютно?

Сейчас, подготавливая свои впечатления на суд читателя, я уверен, что кто-то скептически подожмёт губы, а кто-то будет более категоричен – «Бред!». Но полевики-исследователи, даже не согласившись со мной, всё-таки, надеюсь, будут более снисходительны к этим измышлениям, появившимся в моём дневнике на самом исходе волшебного дня 4 июля 1966 года. Они, мои коллеги-полевики, знают, какими очаровывающими бывают такие вот моменты общения с девственной природой, когда не просто хочется верить во что-то запредельно удивительное, а ты наяву в нём присутствуешь. И последнее: то, о чём я только что рассказал, было записано отнюдь не в редкие минуты вдохновения, о котором упоминал выше.

Тюлени мыса Голенищева

Я смотрел сквозь марлевый полог на мою первую в бухте Северной вечернюю зарю. Спустившись к морю, она так и не захотела уходить за горизонт, а заскользила по воде на восток. Было ясно, что настоящей ночи сегодня просто не может быть. Совсем не хотелось спать, и я заслушался песней нашего соседа дрозда. В удивительно красивой его песне слышалась какая-то неизбывная грусть, и было трудно поверить, что птица исполняет её просто так, бездумно, ни о чём не переживая. Я много раз слышал потом, как поёт тёмный дрозд Науманна, но это были другие песни. И они никогда так глубоко не проникали в душу. Кстати, и через два года при нашем посещении бухты Северной он опять будет исполнять эту свою песню. И, кажется, тогда я пойму, о чём она. Птица грустила о том, что навсегда уходит ещё один такой удивительный, никогда больше не могущий повториться день. И это, вероятно, было созвучно с тем, что пряталось в глубине моей души,

в подсознании. В полной мере осознавать это начинаешь только потом, особенно сейчас, когда понимаешь, насколько прекрасны и как безвозвратны были те дни.

Если я и заснул, то, скорее всего, на какие-то минуты. Как-то вдруг я увидел, что стало совсем светло. Испугавшись утренней прохлады, пропали комары. Я быстро поднялся, сложил в кофр свои «Зениты», телеобъектив «Таир» и вышел к морю. В Северной бухте полнейший штиль. И очень большой отлив: вода упала, наверное, до низшего предела. Берег вдруг расширил свои владения, отвоевав у моря сотни метров каменистого дна. Воздух на удивление прозрачен, и обсохшие по отливу скальные гряды и острова видны далеко, кажется, до самого мыса Голенищева, даже без бинокля. Тратить время хотя бы на чай было откровенно жалко, и я не стал возвращаться к землянке, а поторопился на север, к мысу. Это же очень интересно, когда обнажаются вдруг такие пространства морского дна. Прошёл два-три километра, а вода в море ещё не прибывала. Рассматривая в бинокль обсохшую литораль, поначалу просто не мог себе поверить: ближе к мысу Голенищева камней почти не было видно. Они казались полностью скрытыми под множеством тел лежащих на них тюленей. Сколько их там, можно только гадать, но что многие сотни – это точно.

Проверил зарядку фотоаппаратов и последние двести-триста метров подбирался к нерпам ползком на животе. Все камни здесь были «завалены» ларгами (*Phoca larga*), некоторые были очень светлыми, другие казались полностью серыми.

Тюлени были совсем непугаными. Я начал снимать их метров с тридцати, подполз ближе, сначала прятался, потом высунулся из-за камней до пояса. Среди двух-трёх сотен ближайших тюленей пытался высмотреть хотя бы одну кольчатую нерпу, но, похоже, здесь их не было. Фотографировать больше было нечего, и я хотел уже встать в полный рост, и тут метрах в пятидесяти от своего укрытия увидел вдруг тюленя, которого здесь, так далеко на севере, не должно было быть. Возможно, я ошибался, и это была необычно окрашенная крупная ларга? Я пополз. Ближние ко мне нерпы беспокоились, поднимали головы, я замирал, потом полз дальше.

До нас ларги здесь были совсем непугаными

Всё-таки это был он – островной тюлень, антурус, имеющий также и необычное «народное» название – «тюлень-цветок». Так его называли за действительно очень красивую раскраску шкуры. Кто-то, глядя на неё, на очень тёмном поле видит белые венчики – «цветы», другие говорят, что это на белом поле густо-густо разбросаны тёмные фигурные пятна.

Около пяти лет назад где-то, кажется на Южных Курилах, этого тюленя как новый вид описал молодой зоолог Алексей Белкин. Среди учёных случился небольшой переполох: в наше время у всех под носом и вдруг новый вид такого крупного млекопитающего! Но потом оказалось, что наши отечественные маститые зоологи и видели его, и знали, но считали просто цветовой вариацией обычной ларги. Известен он был и учёным Японии, и их коллегам в США. Вот всё, что я знал об этом тюлене, подползая к нему на животе.

Этих красавцев оказалось двое. Подбираясь к ним, я всё-таки на шумел, и сотни полторы ближних ларг, а с ними и один из антуров на всякий случай сошли в воду. Зато второй очень красивый зверь подпустил меня так близко, что, помещая его в кадр, я едва ли не был вынужден отползать обратно. Снимки получились и несколько позже порадовали наших камчатских и московских специалистов по морским млекопитающим.

Могилки

В один из замечательных солнечных дней мы в очередной раз переправились на правый берег Акановаям. С утра я навестил колонию берингийских бакланов мыса Горбатого, затем прошёл по руслу ключика: снизу вверх, фотографируя, и обратно – с учётом птиц. Ключ невелик, может быть, чуть больше, а может, даже и меньше километра, и на этом протяжении спадает с сопки к морю метров со ста пятидесяти. О своём к нему интересе я расскажу чуть позже. Идти больше никуда не хочется, погода сегодня чудесная, и мы с Юрием загораем в ложбинке метрах в двухстах от моря. Ровный шум его еле слышен, но стоит только подняться на ноги, и море вдруг будто бы оказывается совсем рядом. Разморённые солнцем, мы неторопливо «шарим» своими биноклями по ближним окрестностям. Стоит отвести взгляд от чёрных и серых скал обрывов мыса Горбатого, и под сегодняшним удивительной чистоты голубым небом остаётся всего лишь один цвет – зелёный. Зелёные, чуть подсинённые ирисами и геранью, более пологие склоны, густо-зелёные крутые бока сопки, поросших рябиновым стлаником, и совсем тёмно-тёмно-зелёные куртины стланика кедрового. И только ближе к нам на бледно-зелёного цвета прибрежной террасе хорошо различаются ярко-солнечные пятна цветов крестовника. У него есть и другое, редко употребляемое, но, как мне кажется, очень удачное название – солнечник прибрежный.

Бухта Северная. Мыс Горбатый. 1966 г.

Природа вокруг первобытная, чистая, и кажется, что здесь никогда не было людей. Уже не надеясь увидеть что-нибудь для себя новое, я провожу биноклем параллельные сверху вниз трассы по склону ближайшей к нам сопочки. Как вдруг окуляры моего бинокля перечеркнуло что-то совершенно чуждое, абсолютно для этого места неестественное. Не поверив сразу увиденному, медленно возвращаю бинокль назад. И всё-таки это правда: на небольшом возвышении стоят один, два, три могильных креста. И тут же удивлённый возглас Юрия:

- Видишь!?
- Вижу!
- Значит, не все ушли отсюда.
- Да! Кому-то пришлось навсегда поселиться в бухте Северной.
- Но почему крест на таком крутом склоне?

– Ты хочешь сказать – кресты? Их не менее трёх. И там совсем не круто.

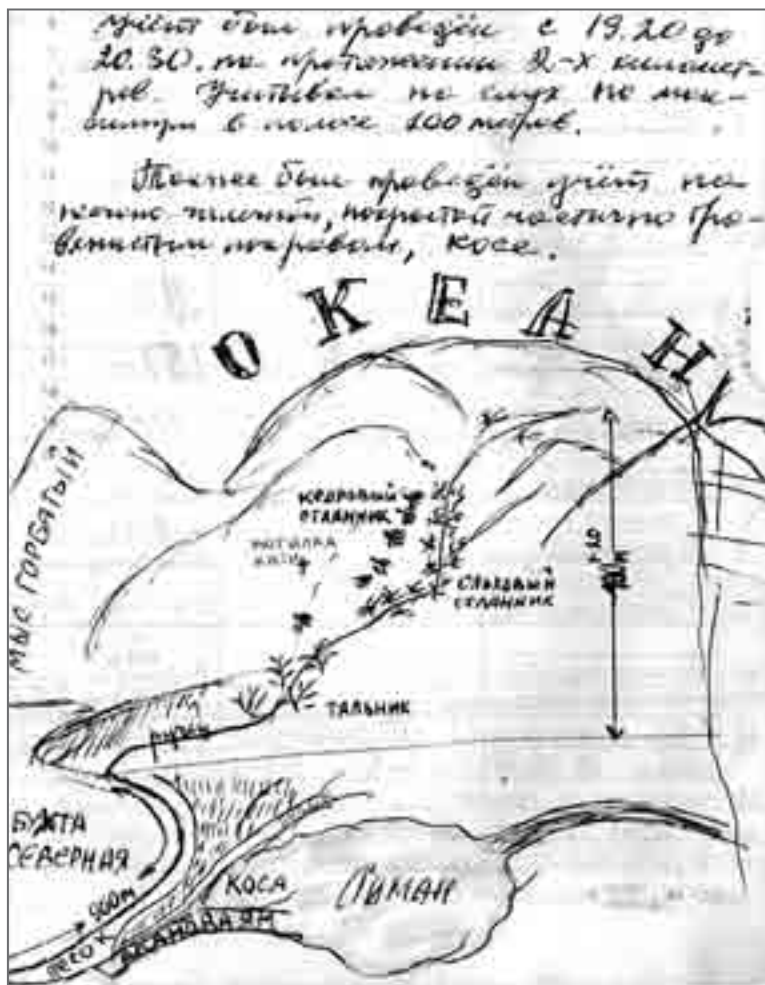
– Но я вижу один крест.

– Смотри внимательнее, они же стоят все три вместе.

Юра начинает обшаривать биноклем склон, но смотрит левее обнаруженного мной маленького кладбища. Я смотрю туда и... вот он – извечный знак печали. Крест действительно стоит высоко и на очень крутом склоне. И он одинок.

Минут через двадцать я поднялся по травяному склону сопки. Вот он, сделанный из твёрдого дерева, обдутый свирепыми ветрами, изъеденный туманами, иссечённый пургами и оплаканный слёзами многих и многих дождей. Как давно стоит он здесь? Поднимаюсь ещё и вижу сделанную суриком, выпуклую, но уже заметно разрушившуюся надпись – «Милой моей несчастной Кате и её маленькому дитя... 193...». Я прямо-таки физически ощутил скорбный крик истерзанной души человека, оставившего эту надпись. Сколько же нечеловеческого страдания было вложено в эту эпитафию, если она ещё продолжала кричать пронзительным, не излившимся за десятилетия стоном. До кого хотел Он донести эту свою страшную тоску? До нас? Нет, человек просто изваял свою боль, свои страдания в этих вот буквах и этим выкрикнул своё горе в огромное пространство, в никуда. И вознес останки Кати, умершей, скорее всего, при родах, так высоко на склон сопки, неизвестный мне, а сейчас уже и всем нам Он поднял свою Любовь над всеми – и над мёртвыми, и над живыми. И сейчас я явственно ощутил, как этот горестный выкрик, возможно, постоянно витавший у этого скорбного места, отдался в моей душе.

Я прилёг на склоне рядом с последним пристанищем бедной Кати, закрыл глаза. И вот уже среди рокота, шума и шелеста морских волн, непрерывных стенаний чаек всё явственнее, казалось мне, стали различаться голоса и выкрики людей, скрип трущихся о пирс бортов баркасов. Мысленно я видел стоявшие вон там, недалеко внизу дома-бараки, ещё какие-то постройки, видел много людей, и где-то среди них, наверное, была неразличимая мне бедная Катерина...

Страница из полевого дневника: приустьевая часть побережья бухты Северной

База Северная

База Северная строилась «под треску» как филиал Карагинского рыбокомбината. Название своё она получила по имени бухты, на берегу которой располагалась. Можно сказать, что строительство этой базы было вынужденным. На запад и на восток в относительной близости от Северной бухты находились богатые рыбой тресковые «банки». От основного посёлка острова до здешней западной банки было миль тридцать пять, до восточной, а это уже в обход северной оконечности Карагинского, не менее пятидесяти. Тихоходные же японские «кавасаки», бывшие в те первые годы собственностью комбината, за час покрывали не более пяти миль. Впрочем, ловили треску и недалеко от поселка Островного в проливе Литке. Еще одна база находилась на юге острова, на перешейке. Там богатая рыбой южная банка располагалась между мысом Крашенинникова и мысом (это уже на Камчатке) Начикинским.

Застраивать Северную базу начал первый её заведующий Иван Александрович Медведев. Из бочечной клёпки собрали сначала один барак, утеплили его дёрном. На несколько лет он стал домом для островитян, остающихся здесь после путины зимовать. Колодец был выкопан прямо внутри барака, и для зимовщиков это являлось чуть ли не единственным «бытовым удобством». Отсутствовало даже радио. Рассчитан барак был человек на 80, в 1934–1936 годах зимовать в бухте Северной оставались более двадцати семей. Второй барак, летний, был сделан попроще, так как предназначался он для прибывающих на летнюю путину сезонников. В основном же сезонные рабочие жили в палатках, и летом база Северная являла собой не такой уж и маленький – на 500–600 жителей – посёлок. Позднее здесь построили небольшую амбулаторию, при которой летом жили фельдшер с женой.

Те, кто оставался на Карагинском на вторую и, тем более, на третью зиму, называли себя не иначе как «коренными островитянами». Жестокие шторма начинались уже в октябре, и день ото дня они становились всё свирепее. На базе Северной люди оставались на долгие шесть месяцев без радио, без связи, без какой-либо возможности добраться до центрального посёлка:

пешком не пройдёшь, идти на лодке в море поздней осенью было всё равно, что решиться на самоубийство, зимой – не пропускал лёд. Зимовщики на базе занимались ремонтом плавсредств, чинили рыболовные снасти. Поначалу на долгие выюжные шесть месяцев работы хватало не сем и лишь потом, с постройкой на второй или третий год свиарника на два десятка животных, её заметно прибавилось.

Нетрудно представить, с каким нетерпением, как самого большого праздника, ждали зимовщики базы северной весны и прибытия сезонников. Ещё с самой глубокой зимы людей начинали волновать и обсуждались уже каждый день одни и те же вопросы. Откуда в этом году будет набор? Вернутся ли те, кто, уезжая, обещал с первым же транспортом появиться в Северной? Кто-то уезжал на родину только на зиму и, связанный с комбинатом договорными условиями, должен был бы вернуться обязательно. Другие вольны были уже не возвращаться, но обещали появиться здесь и в этом году.

И вот в один из майских дней этот праздник наступал. Пароход «Коммунист Камчатки» заходил в бухту Северную не из-за мыса Голенищева, а откуда-то от Олюторки. Едва заметив его на горизонте, всё население Северной выходило сначала на плоский приподнятый мысок, кто помоложе и нетерпеливее, забирался ещё выше, на вершину ближней сопочки. Когда же на судне начинали готовить шлюпки для высадки приезжих, зимовщики бежали к месту, где прошлый год стоял и где завтра уже будет построен новый деревянный пирс. Подходили шлюпки, люди в них и на берегу узнавали, радостно приветствовали друг друга, кричали что-то несурзное. Потом прибывшие выходили на берег, кто степенно, кто бегом, здоровались, обнимались. Короткая радость встречи, и вот уже для всех находилась работа. С людьми на пароходе приходило много груза: соль, брезенты, стройматериалы, продукты – да мало ли чего нужно было доставить на базу. Сначала все силы бросались на разгрузку парохода, потом часть людей ставилась на расчистку, выравнивание мест для палаток, будущих тресковых буртов и хозяйственных построек. И уже стучали кувалды, молотки и топоры: бригада рабочих строила новый пирс. Эта работа была здесь

обязательной каждую весну, так как прошлогодний причал обязательно дочиста разбивался зимними штормами.

И, наверное, только шкипера были в несколько более привилегированном положении: они ходили вокруг своих посудин, кто с лёгкой улыбкой, а кто со сдвинутой в одну полоску бровями. Ходили, любовно оглаживали корпуса кавасаки, ревниво, внимательно осматривали результаты зимних ремонтных работ. Это их, свои кавасаки, последние месяцы видели они каждую ночь то в хороших, то в кошмарных снах.

Давно ли вот так же, как многие из вновь прибывших сегодня, двадцатилетний парень с Волги Фёдор Халяпин со своим товарищем Василием Тюляндиным вступили на этот берег в первый раз. Тогда для них, молодых парней, впервые увидевших море, ещё не знавших, что через два-три года им суждено стать опытными шкиперами, поначалу было удивительно слышать, что рыба в море живёт не везде, а держится лишь в определённых местах – в каких-то «банках». В относительной близости с Северной бухтой таких «банок» было три, и хороший шкипер мог найти их в море при любой погоде и в любое время суток.

Три зимы провёл Фёдор на базе Северной. Возил на себе дрова, так как собачек здесь не держали. Конечно же, жизнь здесь была нелёгкой, но, наверное, не такой, как на основной базе комбината в 1932–1933 годах, когда там «правил» начальник острова Тяжёлов. Фамилия соответствовала деспотичному характеру этого человека. Сразу же по прибытии сезонников начальник отмерял им «зону обитания» не более одного квадратного километра, и никто не смел из неё выйти.

На базе Северной поначалу были всего две японские кавасаки, и они имели свои собственные имена: одну звали «Пальмирой», за другой по названию её двигателя осталось имя «Симамото». Для тринадцатиметровой посудины, имевшей трюм на девять тонн груза, 18-сильный «симамото», как бы показалось нам сейчас, был явно слабоват. Невелика была и команда – шкипер, по-японски – «сендо», и моторист. При выходе на лов трески на борт брались четыре ловца и «обескровельщик».

Снасть для отлова трески была не сложной, но привнесённой в быт островных рыбаков, вероятно, от японцев. Состояла она из прочного,

длиной в несколько десятков метров шнура – «ивайто», с нижнего конца которого крепились «ивайтушки» – небольшие, по 35–50 сантиметров поводки с крючками. К ивайто они вязались одна слева, другая выше и справа, следующая опять выше слева, очередная снова справа, но так, чтобы каждая верхняя «ивайтушка» не доставала крючком до места крепления расположенной ниже. Обычно с одной стороны основного шнура вязались не более десяти «ивайтушек», чаще же на снасти было всего от десяти до шестнадцати крючков. В качестве грузила – «имадо» к нижнему концу ивайто крепились несколько звеньев металлической цепи. Рыбак обязательно имел ещё одну снасть – «кагу», палку семидесяти-восемидесяти сантиметров длиной с крючком на конце. Кагой подцепляли и поднимали из воды рыбину и с её же помощью освобождали из пасти трески крючки.

За день на лов успевали сходить один раз. Вставали в три утра, быстро завтракали – и на кавасаки. Два часа хода и кавасаки останавливалась на западной банке. Если море рядом имело глубину метров шестьдесят, то на довольно обширной по площади «банке» глубина под килем кавасаки была не более, а местами и менее десяти-двенадцати метров. На банке скипер и моторист тоже становились ловцами, и лишь у обескровельщика были другие, свои задачи.

Треска на одной и той же банке где-то была помельче – по четыре-пять килограммов, а где тянула и на восемь, но обычно в одном месте довольно ровная, и найти участок, где рыба была покрупнее удавалось не всегда. На приманку для трески шли кусочки камбалы, палтуса, бычка, иногда – солёного лосося. Одну и ту же приманку рыба охотно брала не каждый день. Пойманная треска тотчас попадала в руки обескровельщика, он подрезал ей калтычок – треугольничек рыбьего брюшка в районе жабр: так треска и, что было важно, её печень освобождалась от крови. Весь улов на судне складывался в одно место, но каждый рыбак вёл пойманным им лично рыбинам собственный счёт. Какой-то обязательной нормы вылова на человека на острове не было даже в жёсткие военные годы, люди знали, за что работали. За один выход в море на ловца обычно получалось от 6 до 10 центнеров рыбы, но бы-

вали дни и поудачливее. Самым же фартовым (из русских) рыбаком на Карагинском острове слыл энергетик и слесарь центрального посёлка Фёдор Смирнов. Рыбачил он без отдыха и перекуров, и его личный дневной рекорд – 21 центнер рыбы на памяти островитян тех лет так и оставался непревзойдённым. До двухсот и более рыбин за выход на лов, будучи уже шкипером, ловил Фёдор Халяпин.

На «банке» находились, пока не залавливались полностью. Улов старались сдать по приливу, когда можно было подойти прямо к пирсу. Разгружались быстро, минут за тридцать: пиками и крючками рыбу с судна бросали на деревянный настил пирса и судно уводили на рейд. Приёмщик взвешивал весь улов, по сообщенному ему количеству пойманных рассчитывал средний вес одной рыбины, после чего каждому ловцу записывался его дневной результат. Улов же быстро попадал в руки работников: женщины бросали рыбу на стол, «головорезы» отсекали ей головы, одни вырезали потроха, отделяли печень, другие удаляли из полости чёрную плёнку, третьи мыли. Потом тушки обваливали в соли и укладывали в бурты. Каждый по четыре-пять метров длиной, до двух метров в ширину и на рост человека в высоту, бурты возводились тут же рядом. От росы и на случай дождя их укрывали мешками и брезентом. Через семь-восемь суток такой просолки рыбу складывали в ящики и при первой возможности отправляли на комбинат в посёлок Островной.

Кстати, о «головорезах», в задачи которых входило отсекание рыбьей головы в начальной стадии её обработки. Для рыбаков это понятие здесь было вполне естественным. И когда один из «коренных» островитян Константин Четвериков поехал отдохнуть на материк, в его обязательном в то время «Отпускном удостоверении» в графе «специальность» так и было записано – «головорез». Находясь дома в отпуске, Костя решил немного подработать, но с такой справкой его (непонятно почему!) нигде на работу так и не взяли.

Несколько позднее наших сезонников в бухте Северной появлялась бригада рыбаков-японцев. На Карагинский остров тогда они приезжали каждый год, на это имелось соответствующее межгосударственное соглашение. Мотоботы и орудия лова на время промысла брали в комбинате, хотя

верёвка для снастей, да и те же перчатки на остров поступали из Японии. Свой улов японские рыбаки сдавали комбинату. Как дальше шли их взаиморасчёты с российской стороной, нашим рыбакам было неизвестно.

Японцы жили своей замкнутой общиной несколько в стороне от русских. Все они, явно из бедняков, были тихими, малозаметными, и лишь их капитан – сендо чувствовал себя на базе Северной более уверенно. В японской общине ему беспрекословно подчинялись все, без разрешения сендо никто не смел предпринять ни единого шага. Рыбу они ловили на тех же банках, но, по меркам наших, были настоящими рекордсменами лова: за день успевали заловиться два, а то и три раза. Японцы очень гордились своим умением рыбачить, но, как бы хорошо не жили они с русскими, как бы не благодарны им были за постоянную общительность и доброту, секретов своего рыболовного мастерства не раскрывали никогда. В бухте Ложных Вестей японцы ловили также и красную рыбу, брали строго определённый им лимит и рыбалку заканчивали очень быстро.

Об артели японских рыбаков на острове я читал и в упоминаемом мною отчёте Разумовского. Автор рассказывает о том, что в 1928 году вместе с ним на пароходе «Индиголка» на остров прибыла бригада рыбаков-японцев. Один из них был болен «бери-бери» и через три дня скончался. Разумовский описал обряд его сожжения.

После вступления Японии в войну на острове Карагинском они больше не появлялись.

Кормили народ на острове даже в годы войны хорошо. Уже вскоре после своего образования Островной рыбокомбинат специально для обеспечения людей мясом заимел собственное оленьё стадо. Развели свиней: на Северной их было не больше двух десятков, на основной базе комбината – более сотни. Картошка и лук на базе Северной были сухими, но зато вдоволь хватало свежей «петрушки» – лигустика, в изобилии произрастававшей по побережьям острова. АКО доставляло на остров чай, кофе, какао, было даже сгущённое молоко.

Карагинский остров в изобилии снабжал людей и одним из самых ценнейших пищевых продуктов – яйцами птиц. В конце мая со всех баз:

на остров Птичий с базы Северной, на Три камня из поселка Островного и на скалу-останец, названный годы спустя камнем Шкуро, с базы Южной направлялись сборщики яиц. За несколько дней на птичьих базарах собирались тысячи и тысячи яиц главным образом толстоклювой кайры и тихоокеанской чайки. Решена была и проблема достаточно долгого их хранения. Жители основной базы для этого позаимствовали опыт местных коряков: дождавшись времени максимальных отливов, часть яиц в ёмкостях они закапывали на нижней кромке литорали. По мере надобности яйца выбирались при следующих максимальных приливо-отливных колебаниях моря.

По-своему ту же задачу решили в бухте Северной. Яиц сюда обычно привозили уж точно более десяти тысяч. И здесь добрую службу людям оказывал ключик. Да-да, это тот самый, о котором я говорил выше. На его берегу выкапывалась достаточно глубокая, до полутора-двух метров квадратная яма. В неё спускались заранее сбитые щиты, из которых в яме собирался вместительный ящик. На двух его противоположных стенках набивались бруски. На дно ящика в несколько рядов складывались яйца, на бруски над ними ложились доски перекрытия, на которое укладывались следующие полторы-две тысячи яиц, и опять закреплялось перекрытие. Так нижние яйца сохранялись от чрезмерного давления верхних. Затем выше по течению ключика от него делался отвод и «холодильник» заполнялся ледящей ключевой водой. Яйца в нём прекрасно сохранялись до двух месяцев.

Таким образом, отчасти благодаря привлечению «подножных ресурсов», в довоенное время столовая для работающих на промысле при четырёхразовом питании обходилась в 31 рубль в месяц.

Не одной работой жила база Северная. Как не длинны были рабочие дни и непривычно коротки северные ночи, молодёжь нередко гуляла до утра. Даже при весьма строгой дисциплине здесь справлялись и дни рождения. Для этого имениннику было необходимо лишь предъявить коменданту посёлка паспорт и получить необходимые для праздника продукты. Из личного фонда директора рыбокомбината виновнику торжества выдавалась бутылка, иногда две спирта. Ежедневное питание,

затраты на день рождения, если таковой случался, прочие возникающие расходы – всё шло «под запись» и высчитывалось из общего заработка при расчете в конце путины. Денег сезонные рабочие на острове не имели, их они получали по расчётным книжкам в Петропавловске или Владивостоке.

Путина, начинавшаяся в 20-х числах мая, заканчивалась в середине ноября. На лов не выходили только в шторма, которые с осени становились всё более частыми и свирепыми.

В 30-е годы за летний сезон рыбаки зарабатывали до 800 рублей. Корова же в те годы на «материке» стоила не более 100 рублей.

С годами комбинат богател, на базе Северной на лов выходили уже восемнадцать кавасаки. Недавние рыбаки становились шкиперами. Появились и более мощные, построенные во Владивостоке 30–36-сильные мотоботы. К концу 1930-х годов у комбината их было до двадцати пяти единиц. На базе Северной во время лова на случай внезапного шторма мотоботы охранял катер «Геральд».

В надежде на достойные заработки тысячи сезонников направлялись на Камчатку и в наши, 1960-е, годы. Для них, в конечном итоге, воспоминания «коренных островитян» о былом являлись не более чем красивыми мифами.

Сулой – это страшно

Три дня назад утром мы проснулись под дальний грохот волн. Начинался шторм. Надо было идти на берег проверить лодку, укрыть от сырости вещи. Чем ближе мы подходили к берегу, пронзительный северный ветер становился всё более влажным. Серовато-белая пена, сорванная им с белых гребешков волн, была разбросана по берегу в нескольких метрах от воды. Шторм уже пришёл и сейчас набирал силу.

Осматривая в свой 15-кратный бинокль горизонт, я сначала себе просто не мог поверить: от мыса Голенищева и сколько было видно по горизонту на восток море было заполнено плавниками косаток. Сколько

их там? По крайней мере, десятки! И, судя по всему, там, на горизонте шла «большая охота». Острые плавники-косы хищниц металась в разные стороны, стремительно разрезали воду, исчезали, появлялись вновь, изредка косатки, казалось, полностью вылетали из воды. Скорее всего, киты-«убийцы» хорошо знали это место массовой залёжки тюленей, недостижимых для них во время отлива. Знали они и о времени наиболее удачной охоты, и сейчас, перед штормом, с началом прилива собрались в таком числе на большое кровавое пиршество. Но мы в этом «театре» находились в самом последнем ряду; километры расстояния и резкий, до слезящихся глаз ветер не давали возможности увидеть всей картины разворачивающейся на этой «сцене» кровавой трагедии. Бедные ларги!

Сбесившийся северо-восточный ветер гремел три дня и три ночи. Мощные налеты ежесекундно обрушивали на берег тяжёлые громады волн. В нашей землянке, в сотнях метров от моря, их грохот был слышен как дальняя пушечная канонада, и было явное ощущение того, что от тяжёлых ударов вздрагивала земля. Что же творится здесь при осенних, ещё более грозных штормах? Ведь это они разбросали многометровые брёвна по долине реки на десятки метров от берега. Мы, наконец, поняли, как правы были коряки-оленоводы, построившие своё временное пристанище подальше от берега.

Вчера к ночи ветер стал слабеть, шторм пошёл на убыль. После трёхдневного беснования сегодня около полудня, когда мы вышли на берег, море нам показалось спокойным. Только вот удастся ли нормально пройти бары в почти полностью замытом штормовыми волнами устье? Уходить мы твёрдо решили именно сегодня, нас прямо-таки тянуло на западную, нашу домашнюю, сторону острова. И потому нам здесь всё было уже неинтересно.

Если бы знать, насколько по-настоящему «интересно» будет чуть позже!

Бары в устье Акановаям прошли удачно. До северной точки острова девять километров. Какое-то время нас всего лишь плавно и широко покачивало на волнах. Свою ошибку мы осознали, едва выйдя из-под прикрытия мыса Горбатого. Волна вдруг стала настолько крутой, что

мы даже не рискнули сразу же развернуться на ней назад и продолжали идти к мысу. Это стало второй нашей ошибкой.

Шёл прилив. Извечный маятник приливно-отливных течений гнал могучий водный поток по проливу Литке вверх, к северу. Штормовые волны, катившиеся трое суток по морскому безбрежью и набравшие колоссальную инерцию движения, шли с востока на запад. И эти два могучих течения встречались на изобилующем рифами мелководье у мыса Голенищева.

Здесь уже не было поочерёдно набегающих водных валов, вздыбливаясь крутыми непредсказуемыми буграми, они, казалось, превратились в колоссальные водные жернова. Это и называется сулоем!

И в центре этой жуткой оргии волн оказалась наша убогая скорлупка.

«Казанка» первого выпуска – лёгкая дюралюминиевая лодка без намёка на киль, без малейших приспособлений, гарантирующих плавание при подтоплении, была изготовлена, вероятно, для плавания в детской песочнице. Эти лодки только-только появились на Камчатке, и мы ещё не представляли себе, сколько уже в ближайшие годы они унесут человеческих жизней. И сейчас в этом неистовом разгуле морской стихии всего лишь алюминиевая прослойка в два миллиметра толщиной стала гранью между нашим бытиём и небытиём.

Не было никакой возможности как-то приноровиться к жуткой вакханалии многометровых волн. Они вырастали сзади, и мы, стремительно скользя, падая по крутому склону жуткой водяной горы, оказывались в глубокой яме. В следующие мгновения «Казанка» уже еле-еле карабкалась по вспухающей перед нами горе вверх или же вдруг сразу взлетала на её вершину. Новое, почти мгновенное падение – и затем опять взлёт. А за бортом, на дне глубокой впадины, из которой, казалось, мы только что вознеслись, вдруг, как живая, высывалась уродливая голова подводной скалы. Через секунды «Казанка» опять летела вниз и счастье, что мимо рифа. Наверное, мы ещё не всё хорошее совершили на нашем жизненном пути, и ещё были нужны живыми.

Очень медленно, но лодка всё же продвигается к самой крайней северной точке острова – мысу Голенищева. От напряжения и ско-

ывающего волю страха руку на румпеле начинает сводить судорогой. Идти сейчас к скалам равносильно самоубийству. Но я чувствую и вижу, как против здравого смысла, против своей воли стараюсь держаться ближе к берегу. Юра через вещи начал пробираться к корме, знаками велел мне сбавить газ и так же без слов сменил меня на моторе. Он, наверное, не без основания считал себя более рассудительным в управлении лодкой. Осторожно маневрируя между вспухающими водяными горами, Юрий повел лодку дальше. Я перебрался на переднюю банку, но страх не оставлял. Оглянулся на товарища и увидел его белое лицо. На душе у него творилось то же, что и у меня, не знаю только, пел ли он, как я, про себя, чтобы хоть чем-то отвлечься от этой жути, этого беснующегося вокруг нас расплавленного свинца морских волн.

Юра ведёт лодку к мысу, в то же время удаляясь от берега. Он хорошо усвоил мудрость моряков, гласящую, что в подобных случаях «дальше в море – меньше горя». Я смотрю на медленно удаляющееся вспененное подножье береговых обрывов. И вдруг мне показалось, что с береговой скалы сорвалась не чайка, их над нами много, а светлый, почти белый глупыш (*Fulmarus glacialis*). Не может быть! Они же на острове не живут. Я моментально схватил ружьё и с крайне неудобным для стрельбы поворотом, на самом что ни на есть пределе для моей «двадцатки-ижевки» достал-таки птицу зарядом.

И Юрий, отметив место её падения, не задумываясь, едва ли не в самом опасном для нас месте, медленно развернул лодку и повёл её к отстрелянной птице. Да, это был глупыш! Это было наше маленькое научное открытие! Это было здорово!

Подобрав птицу, я вдруг ощутил, что от моего страха не осталось и следа. Так же дико бесновались волны, мы шли в нескольких сотнях метров от острия мыса, а я уже пытался осмыслить причину этого жуткого чувства, державшего меня в оцепенении последние полчаса. И понял: да, мы боимся, но это не тот ужас хронического труса, который называют паническим. Это страх, который можно назвать благоговейным, страх перед неукротимой мощью Великого Океана.

А Юра в это время уже плавно разворачивал «Казанку» влево. Еще через две-три минуты мы оставили за собой подводную скальную гряду и вскоре оказались совершенно в другом мире. Прилив, очевидно, уже кончился, в проливе Литке не было даже намека на волнение. Мы вдруг заметили, что сегодня прекрасный день, что над нами изумительной голубизны небо и яркое солнце. Жизнь по-прежнему была прекрасной.

Глупыши на мысе Голенищева живут, занимая чужие гнезда

Карта острова

Читая карту Карагинского острова, мы видим на ней как аборигенные, так и русские географические названия. Последние, русские, на слуху коренного народа, без сомнения, появились много позже. Более древние местные названия сохранились в обозначениях всех островных рек. И это понятно, так как реки во все времена были главными кормилицами здешнего народа, и, общаясь, люди должны были точно знать, о какой конкретно реке идёт разговор. Лишь одна из трёх наиболее крупных водных

артерий острова – река Маркеловская как бы выбилась из этого списка. Несомненно, и она когда-то называлась иначе, но на её берегу в начале прошлого века стояла юрта коряка Маркела. И очень может быть, что в переименовании этой реки виноваты отнюдь не местные жители, а осваивавшие в те годы остров русские пришельцы.

В обиходе у местных жителей бытуют и другие названия самых главных для них рек. Гнунваям (в некоторых публикациях она называлась Унюнюваям, в отчёте Разумовского – Унуннуаэм) они называют Первыми устьями, Мамакинваям – Вторыми, Плоксан – Третьими и реку Маркеловскую – Четвёртыми устьями. Очевидно, что так аборигены обозначили важнейшие для них места добычи рыбы, отсчитывая «устья» по мере удаления их от своего основного поселения на реке Гнунваям.

Сохраняются на карте и некоторые местные названия гор.

В 1828 году, исследуя побережье Восточной Камчатки, Ф. П. Литке оставил на карте острова, как минимум, три достойных имени. Самой южной оконечности острова он присвоил имя своего славного предшественника Степана Крашенинникова. Крайняя северная точка Карагинского была названа мысом Голенищева, с которым Фёдор Петрович подружился в Петропавловске. О Голенищеве, бывшем начальнике Камчатки, я рассказывал выше. И, наконец, самое остриё косы Лекало – мыс Семёнова получил своё название в честь одного, также упоминаемого мной, члена экипажа той экспедиции.

После плавания Литке прошло ровно сто лет, и на карте острова, главным образом в названиях гор и мысов, появились новые имена. Так, гора Ковровая получила своё название за разноцветный осенний убор её склонов. Не нужно, наверное, гадать, почему другие сопки бесхитростно названы Туманной, Острой, Круглой, Южной. Вершина горы Высокой и в самом деле является самой высокой точкой острова. Мыс Урилл получил своё имя благодаря скоплению на нём бакланов. А вот мыс Тонс (иногда пишется как Тонос) мог бы обозначаться всеми прописными буквами, так как его название является не чем иным, как аббревиатурой от Тихоокеанской научной станции, сотрудником которой был В. И. Разумовский. Именно он и явился автором последних островных географических названий. Не все имена,

которые этот исследователь пытался присвоить мысам и сопкам, запечатлены на современной карте острова. Не сохранились, к сожалению, такие достойные названия, как мыс (доктора) Слюнина и гора, названная в честь известного исследователя Камчатки, ботаника Т. П. Новограбленова.

Отчёт учёного сохранил для нас имена значительной, едва ли не всей части взрослого мужского населения острова тех лет. Есть, кстати, в рукописи и упоминание об алеуте Михаиле Удачине. Он, вероятно, сопровождал командорских песцов, которые в 1928 году были доставлены на Карагинский остров для разведения. В. И. Разумовский рассказывает о местных коряках, их быте, мировоззрениях очень по-доброму, с явным уважением, иногда с добрым юмором. И нигде в повествовании не улавливается ни нотки снобизма или насмешки, и это очень хорошо характеризует самого автора. Из его отчёта мы узнаём о скромном Семёне (корякское имя – Аккайпын), о деликатном «образце порядочности» Иване Колегове (Эккен). А вот Ефим Колегов, наверное, мог бы быть назван «образцом жадности». Учёный упоминал его как неимоверно скупого человека. Когда Разумовскому для экспедиции по острову потребовались ездовые собаки, Ефим за их «аренду» запросил такую сумасшедшую цену, что удивил даже своих соплеменников.

Кстати, летнее использование ездовых собак по их прямому, «тягловому», назначению для жителей острова было вполне нормальным. Только тащили они летом не нарту по суше, а кунгас по морю. Собачья упряжь определённым образом крепилась к шлюпке, собаки бежали по берегу вдоль уреза воды и доставляли людей практически в любую точку западного побережья острова от южного мыса Крашенинникова на север до реки Маркеловской, а при необходимости и дальше. При некоторой помощи собакам у мыса Голенищева с ними можно было добраться и до реки Северной. На большей части этого пути вдоль берега пролива Литке протянулась полоска приморского пляжа. Некоторые трудности для людей и собак на всём этом более чем стокилометровом маршруте представляли устья нескольких рек и основание косы Лекало. Нигде после Разумовского упоминания об использовании ездовых собак в таком качестве мне встречать не приходилось.

Во время моих островных экспедиций получение топографической карты или хотя бы близкого к действительному чертежа местности было сопряжено с весьма серьезными трудностями. В верхнем правом углу любого такого документа стоял гриф «Секретно». Допуска к секретным материалам я (по собственному, впрочем, желанию) не имел, и практически все первые экспедиции по острову совершались нами вслепую. Перед каждым очередным походом на лодке, если нам предстояло идти дальше, чем ранее, мы расспрашивали местных жителей о мысах, бухтах, реках, о каких-либо возможных опасностях на нашем пути. И чем дальше уходили мы по океанской стороне от мыса Голенищева на юг, тем больший дискомфорт рос у меня в душе. Проходя по неизвестному морю, утыканному скалами – кекурами, изобилующему скрытыми водой рифами, я с возрастающей тревогой вглядывался в проявляющиеся в тумане далёкие скалистые мысы. Что там за ними, есть там хотя бы небольшая бухточка или достаточно глубокое для нашей лодки устье реки на случай внезапного шторма? Очевидно, что я так и не смог вытравить из себя страх, испытанный в ту первую для нас встречу с жутким сулоем у мыса Голенищева.

Фрагмент восточного побережья острова во время отлива

В 1969 на остров мы прибыли с районным охотоведом госохотнадзора Николаем Бондыревым, третьим членом нашей группы была ласковая и от-
важная лайка Николая – Найда. Наш первый намеченный в то лето маршрут был пешим, и потому ещё одним участником экспедиции стал взятый нами в селе Ягодном старый мудрый конь Чалый. Он был уже не молодым, походил по острову с геологами, знал, что такое выюки, знал, что иногда приходится идти по морскому побережью по брюхо в воде, мог расчётливо пройти по острому гребешку обрыва, не веря в надёжность сохранявшегося на его краю снежного припая. Но, как мне показалось, он всё-таки недооценивал людей, по крайней мере, некоторых из нас. Едва утром мы навьючивали на него вещи, Чалый начинал поддавать крупом, сбрасывал тюки и вообще всячески показывал своё несогласие с нашими намерениями. И тогда ему пришлось вплотную познакомиться с Николаем. Уже на третий или четвёртый день, а мы тогда подошли к «пересечённой местности», утро для строптивого коня стало начинаться с «лёгкой разминки»: Николай, прекрасно державшийся на лошади даже без седла, взнуздывал и гнал Чалого вверх по крутому склону горы, иногда пропадая у меня с глаз. После такого «моциона» желание коняги показать свой характер пропадало, по крайней мере, до следующего утра. Полностью же от своей дурной привычки наш верный помощник избавился лишь на обратном пути к дому.

Задачу – за две недели пройти вдоль морского побережья по периметру острова – мы себе поставили насколько замечательную, настолько, как потом оказалось, и совершенно невыполнимую. Без карты острова мы, конечно же, не имели представления о предстоящем маршруте и, готовясь к походу, вынуждены были доверять лишь сведениям, полученным от местных оленеводов. Как оказалось, у аборигенов представление о километрах было несколько иным, отличным от нашего. Если коряки говорили, что от какого-то мыса до ближайшей реки двадцать километров, настоящее расстояние могло оказаться в пять и десять раз меньшим. В другой раз их один километр на самом деле вырастал в несколько крат.

И тут во время подготовки к нашему пешему маршруту я неожиданно узнал, что у деда Ефима якобы хранится карта острова, некогда оставленная «землемерами». Да-да, у того самого Ефима Колегова, о котором

я уже знал от В. И. Разумовского. Сколько точно лет было деду Ефиму при первой нашей встрече с ним в 1966 году, тогда мы с Юрой дознаться не смогли. «Аааа... я ни знаю... Аднак-ка вос-силь-дди-сят!» – ответил он. Не знали года его рождения и сыновья Егор и Алексей. А вот от своего недуга – непомерной скупости дед Ефим так и не излечился, я могу это утверждать и по прошествии сорока лет. Он очень любил, когда ему что-нибудь давали, но страшно не любил хоть что-то отдавать сам.

В этот раз старый коряк находился на Плоксане, где он вместе с семьёй Майновье заготавливал для оленеводов рыбу. Встретиться с ним мы должны были на второй день нашего похода. Зная, что переговоры с дедом Ефимом будут нелёгкими, я заранее подготовил, отложил в отдельный карман совершенно неотразимый для данной ситуации аргумент – стограммовый пузырёк спирта.

Верка и дед Ефим с добычей, р. Плоксан

Наша встреча с Ефимом, как и ожидалось, произошла на Третьих устьях:
– Дядя Ефим, говорят, у тебя есть карта острова, землемеры её нарисовали?

– Карр-та? Какой карр-та? Ни знаю!

– Карта, на которой нарисованы реки, горы, олени пастбища.

– Ааа... карр-та... нетту карр-та!

– Дед, я верну тебе её через несколько дней. Не жадничай.

– Нетту карр-та... Был... сичас нетту!

Я достаю из кармана пузырёк, и реакция старика оказывается мгновенной: обе руки Ефима уже прижимают выхваченный у меня презент к животу.

– Ааа... спасип-па... спасип-па! – тоненько и восторженно запел он.

– Ну, так как, дед, дашь карту?

– Аааа... карр-та... Сичас.

Ефим уходит в юрту, какое-то время спустя выносит и с невозмутимым видом подаёт мне донельзя замусоленную... колоду карт. Переговорный раунд остался за старым коряком Ефимом.

Заночевали в устье Маркеловской. А на другой день у нас здесь случилось маленькое, но чуть было не превратившееся в чрезвычайное, происшествие. Эта одна из самых крупных водных артерий острова, даже пройдя большую часть своего пути к морю по низкой заболоченной равнине, не утрачивает своенравного горного характера. Течение её очень быстро и в самом устье.

Утром мы накачали взятую с собой лодку-резинку, погрузили в неё часть нашего снаряжения, и я стал переправляться на другой берег. Весло сломалось на середине не такого уж и широкого русла. Я пытался грести одним веслом, но лодка только вертелась вокруг своего центра, а водный поток стремительно нёс её к выходу в пролив. Так и крутясь посреди русла, я, как мне показалось, в какие-то мгновения «пролетел» остающиеся сто – сто пятьдесят метров реки и ещё через секунды оказался не ближе, чем в сотне метров от берега. И лишь там, выбившись, наконец, из продолжающего свой бег потока, остановился. Когда я волчком вертелся

среди реки, Коля смеялся, и резко изменился в лице, увидев меня вдали от берега. Он всерьёз испугался, и было чего: даже не очень сильного восточного ветра могло хватить, чтобы... чтобы я, даже с таким многолетним опозданием, никогда не смог рассказать об острове Карагинском. Все следующие переправы через реки мы совершали только с обязательной подстраховкой – верёвкой в руках остающегося на берегу напарника.

30 июня мы огибали мыс Голенищева. Здесь нас застал полный прилив, и мы с Николаем впервые оценили достоинства капризничавшего каждое утро нашего помощника-коня. Идя по брюхо в морской воде, Чалый так расчётливо ставил копыта на скользкие, обкатанные волнами камни, что этот действительно самый опасный отрезок пути был пройден нами без серьёзных переживаний. Зато потом, когда в обход огромнейшего камня мы вынуждены были подниматься в гору, наш конь запсиховал и уже наверху сбросил с себя тюки. Мы его понимали и вниз стащили мешки на себе.

Николай Бондырев – мой товарищ по экспедициям 1969–1970 гг.

В бухте Северной мы сразу же решили задержаться дня на два-три. Погода была прекрасной. Коля приспособил какую-то, так и не понятую мной

по устройству, снасть и поймал с десятков-полтора крупных королевских, впрочем, может быть – камчатских, крабов. Я же старался по возможности полнее использовать для своих научных сборов каждый день.

Бухта Северная. «Мужской клуб» каменушек

В этот же первый день с началом отлива я пошёл обратно в сторону мыса Голенищева. Фотографировал птиц, собирал растения для гербария. Возвращаясь к нашему стану, я не захотел идти третий раз за один день по тому же участку прибойной полосы. Справа поднимался совершенно отвесный обрыв, но в одном месте я нашёл участок крутого и всё же «подъёмного» склона, поросшего травой. Цепляясь за неё, я и заполз наверх. Там, на высоте метров, может быть, десяти над прибойной полосой протянулась неширокая терраска, по ней я и пошёл в сторону «дома». Путь мне пересекала щебнистая осыпь, спадающая с почти отвесно поднимающегося склона горы Крутой. Я бездумно ступил на щебёнку, и она вдруг «потекла» у меня под ногами к краю террасы, оттуда сплошным потоком посыпалась вниз. Я успел-таки преодолеть эту полосу, а вскоре просто забыл об этом опас-

ном, но, надо сказать, обыденном для полевых исследователей инциденте. И сейчас не стал бы об этом вспоминать, не случись здесь же по прошествии довольно многих лет несчастья – гибели студента-биолога. Он, очевидно, шёл близко к краю обрыва или замешкался на «ожившем» под ним щебне. А рассказываю я об этом лишь с одной целью: хочу предостеречь молодых неопытных полевых исследователей, путешественников, туристов от смертельной опасности – текущих щебневых рек.

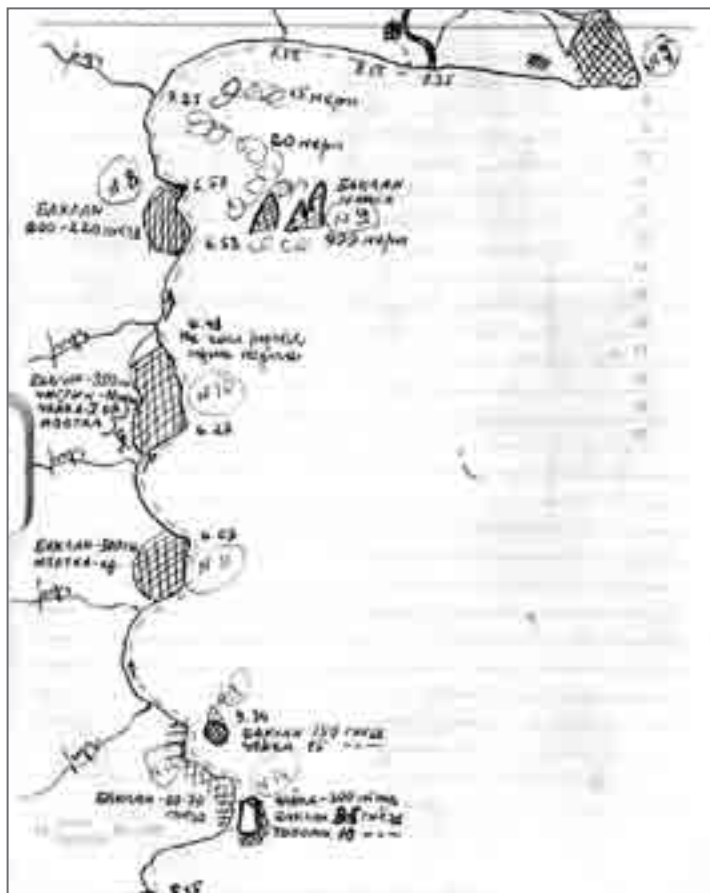
Эта скала – визитная карточка бухты Северной

Летом 1970 г. скала, изображённая на этом снимке, рухнула в море

Много лет назад в одном из журналов я прочитал рекомендацию исследователя Заполярья по постройке снежного дома – иглу. Прошло совсем немного времени, и мы, четыре охотоведа, не знакомые ещё с жутью камчатских пург, на горном долу попали в многодневную снежную непогоду. Мы смогли построить иглу, и это действительно спасло наши жизни.

3 июля, обогнув с запада гору Аканан, мы вышли к устью Мелилинк-
ваям (Хороший перевал), спустились на прибойную полосу восточного
побережья острова и продолжили путь на юг.

Страница из полевого дневника, 1969 г.

Как и все эти первые дни, Николай с конём шли впереди, я же, занятый своими наблюдениями, далеко отстал. За рекой Калелагрывааям прилив оставлял нам всё менее широкую полосу пляжа. Коля торопил подуставшего Чалого, но вдруг остановился поражённый: над прибойкой возвышалась каменная фигура могучего богатыря.

*Каменный исполин на охране восточного
побережья острова*

Я прошел мимо этого удивительного творения природы. А узнав о нём только в устье Оскарынваям, наспех проглотил кружку чая и поторопился вернуться назад. И куда я смотрел, проходя здесь меньше часа назад? Природное каменное изваяние просто трудно было не заметить. С пятнадцатиметровой высоты, насупив брови, на океан смотрел суровый, старый,

но действительно очень могучий исполин. Сделанные мной снимки были опубликованы в «Камчатской правде». И тогда кто-то увидел в его лице явно выраженные черты гордого, невозмутимого индейца, другие говорили, что это старик-рыбак, сурово смотрящий на штормовой океан. Но все сходились в одном, все говорили, что это изваяние «старого» человека. Как оказалось, его прекрасно знали местные оленеводы. Мало того, сказали они, мы ещё прошли мимо каменной скульптуры женщины с ребёнком. Честно говоря, мне трудно представить, чтобы здесь же природой было создано ещё одно такое удивительное творение.

В этом каменом изваянии коряки видят бабку

Побережье в устье Оскарынварам

Конечной точкой нашего конно-пешего маршрута оказалась река Оскарынварам. Мы не покрыли и четверти намеченного пути и здесь уже окончательно осознали всю несостоятельность поставленной нами цели этой экспедиции. За Оскарынварам морское побережье состояло из сплошных скальных обрывов, а приподнятое над ними плато то вдруг вырастало в высокие горы, а то резко обрывалось вниз ущельями речных долин. Пройти по кромке побережья острова с конём оказалось совершенно невозможным. А тут ещё на последнем переходе Чалый нечаянно оставил нас без значительной части взятых с собой продуктов. На участке с узким морским пляжем, когда нас подпирала приливная вода, конь поскользнулся, один мешок съехал ему под брюхо и оказался в морской воде. Большая часть наших съестных припасов пришла в негодность.

Итак, мы в устье Оскарынварам. Когда-то останавливающиеся здесь по пути к табуну коряки собрали подобие шалаша. Его кое-как сложили

из выброшенных морем досок и палок. И если не как жильё, то уж в качестве запаса дров для костра он годился точно. Тем не менее, это являлось каким-то подобием временного жилья. Остановившись здесь как минимум на неделю, мы не нашли в себе сил отказаться от не очень благоустроенного, но жилища. Но оказалось, что дом уже частично занят: на крыше под одной из досок находилось гнёздышко белой трясогузки с пятью яйцами. А так как мы являлись здесь только квартирантами, то решили как можно меньше тревожить хозяйку-трясогузку. Даже костер отнесли дальше, чем требовалось для её спокойствия. Но, как ни старались, раз двадцать за день птицу мы с гнезда сгоняли. Она вскоре возвращалась и вновь ныряла под досочку. Так бывает, когда в гнезде должны вот-вот появиться малыши-птенцы. Птицы в этот период особенно неохотно оставляют свои кладки. Каждую ночь мог собраться дождь, и имеющуюся у нас хлорвиниловую пленку, которой в другой ситуации мы бы накрыли шалаш сверху, пришлось нам как-то приспособливать внутри.

Несколько забегаю вперёд, скажу: за семь дней, которые мы прожили с белой трясогузкой в одном шалаше, не менее, а скорее более ста раз вынуждали мы ее слетать с гнезда. И все же кладку мужественная птица не оставила. Самым же удивительным для меня было то, что на утро восьмых суток в гнезде все еще находились яйца. Весь срок насиживания кладки белой трясогузкой составляет 11–12 дней, а это значит, что отважная пичуга вынужденно подвергалась многодневно-многократному стрессу всего лишь из-за пяти свежих яицек.

Здесь, на Оскарыновом 5 июля нас и догнал идущий к оленьему табуну старший, сорокадевятилетний, сын деда Ефима – Егор. На удивление высокий и, как все здешние оленеводы, сильный, прекрасный ходок, Егор оказался ещё и очень смешливым. Я готовил для коряка чай, а он, на свой лад пересказывая мою с Ефимом последнюю встречу и откидываясь от избытка веселья на траву, хохотал над нашей неудачей и похвальным лукавством своего отца.

Пока закипал чайник, я рассказал Егору о том, что мы остались без продуктов, что сахару у нас на одну чаёвку, и это, похоже, добавило ему

веселья. Не переставая смеяться, Егор высыпал в свою кружку весь наш последний сахар. На мою просьбу дать нам «взаймы» продукты на обратную дорогу коряк ответил согласием. Договорились, что я завтра приду за продуктами к табуну на реку Плонтгрываам (Железную).

– Долго туда идти? – спросил я Егора.

– Да, нет! Может быть, один час.

На другой день поиск избушки оленеводов, весь путь туда и обратно занял у меня шесть часов. До табуна я так и не дошёл. Мы, между тем, не имели ни хлеба, ни сахара, ни соли. Но вчера Егор сказал, что через нас в табун должны пройти другие пастухи. Оставалось ждать их.

Утром 7 июля небо ясное, но дует неприятный порывистый восток. Запал он только за полдень. Я пошёл на имевшейся у нас лодке-«резинке» к ближайшим, «растущим» из моря, густо заселённым морскими птицами скалам.

Одно из «общежитий» морских птиц

Собрал пробы выстилки гнёзд тихоокеанских чаек и берингийских бакланов (это нужно для определения зараженности их паразитами), сделал промеры яиц, взвесил только что вылупившихся птенцов, на нескольких уже подросших чайчат и бакланят надел кольца.

Юные бакланята. А может, это дети птеродактилей?..

Пройдёт немного дней, и одна из окольцованных мной сегодня молодых тихоокеанских морских чаек будет найдена недалеко от острова, всего лишь за проливом. Вскоре другую птицу с кольцом найдут в заливе Корфа, затем здешние молодые чайки будут встречены в устье реки Лесной на западном побережье Камчатки, близ города Петропавловска, на Сахалине. А одну из «наших» окольцованных годовалых тихоокеанских чаек с этого кекура японские коллеги обнаружат на острове Хоккайдо.

Но это будет потом. Сегодня же, возвратившись на стан, я застал там четырёх человек: трёх коряков и русского ветврача Геннадия, направлявшихся в табун на учёт колхозных оленей. По крайней мере, трое из них специально для этого приехали на остров из села Карага. Сейчас

ни островные аборигены, ни, тем более, мы ещё не знали, что правление колхоза «Ударник» уже вынесло «смертный приговор» нерентабельному островному оленеводству, следовательно, и всему жизненному укладу коряков-островитян.

Чаёвка закончилась, и я быстро собрался в путь. Шли мы не той вчерашней моей дорогой, а, вероятно, более короткой, но и она заняла у нас времени больше, чем у меня вчера, когда я искал табун. Как оказалось, я не дошёл до дома Егора уж точно не менее трёх километров – таковы меры времени и расстояний у аборигенов острова. Кстати, мне иногда была непонятна и логика их некоторых поступков.

Ещё раз возвращаясь в прошлое, я вспоминаю один из наших маршрутов по морю с Юрой Воропановым в 1968 году. Мы с ним возвращались из бухты Северной. Заночевали у коряков в юрте на реке Маркеловской, и утром при довольно сильном западном, неудобном для нас бортовом ветре решили идти к дому, в посёлок Островной. Не успев ещё выйти из устья реки в пролив, мы увидели троих коряков: Максима Попова на лошади и идущих пешком пожилую чумработницу Матрёну и девочку лет пяти. Подождав их, мы узнали, что они пришли сюда, на Маркеловскую, с Третьих устьёв и, значит, с утра успели пройти около двадцати километров. Узнав, что мы планируем остаться на ночёвку на Плоксане, Максим без каких-либо объяснений попросил взять в лодку Матрёну и девочку Машу, сам, даже не заглянув в юрту соплеменников, хотя до неё оставалось не более двухсот метров, тут же развернул коня и отправился вслед за нами обратно.

Никогда более так трудно не давались нам эти двадцать километров между Четвёртыми и Третьими устьями. Десятисильный мотор «Москва-М» через силу гнал вперёд перегруженную людьми и вещами «Казанку», боковой «запад» ежесекундно заплёскивал литры воды за осевший до последнего предела борт. Нас еле-еле спасала и в тот раз точно спасла лишь беспрерывно работавшая слабенькая помпа, старательно отсасывающая и выбрасывающая за борт воду. Спасало ещё и то, что литораль между Маркеловской и Плоксаном идеально чиста от подводных «сюрпризов» – камней. Я вёл лодку, как мне казалось, не далее

пяти метров от берега и для себя решил: если мы будем тонуть, я хватаю и выношу на берег девчонку, а на тонущую Матрёну даже не оглянусь. Сейчас сознаюсь – не дали бы мы и ей утонуть. Но в то время был зол и думал не очень хорошо. До Плоксана мы дошли на последнем пределе, не затонув, как мне казалось, только чудом.

А сейчас я вновь возвращаюсь в 7 июля 1969 года. Егор встретил меня весело, и было видно, что о моём разговоре с его отцом он уже успел рассказать всем находившимся при стаде пастухам. Продукты два дня назад мне Егор обещал, и сейчас меня больше интересовали два вопроса: можно ли нам с Николаем и конём идти дальше по берегу моря на юг в места массового гнездования морских птиц. На первый вопрос коряки сказали – «Нет!» А вот за поднимавшимся сразу за рекой многоголовым мысом Кекурным и далее за рекой Корогрынваям (Комаровской), как оказалось, на скалах гнездится «очень много» птиц. Конечно же, я не мог не пойти туда.

Коряки объяснили: нужно пройти вверх по руслу реки Железной около километра, там и будет легкий проход к реке Комаровской. То ли я уже привык отсчитывать расстояния мерками здешних аборигенов, то ли вообще перестал им верить, но горы мыса Кекурного начал штурмовать по первому же, показавшемуся мне «подъёмным», распадку. Уже потом, рассматривая карту, я понял, что правы были коряки. Но, как оказалось, прав был и я. Преодолев «не в том месте» перевал и спускаясь по ущелью вниз, я совершенно неожиданно для себя обнаружил гнездо одной из самых загадочных наших птиц – сибирского горного вьюрка. Только однажды в Хараулахских горах одному из моих коллег удалось найти гнездо этой птицы с яйцами. А вот гнезда с птенцами пока не видел ни один орнитолог.

Здесь гнёзд было уж точно более десятка: над моей головой то и дело пролетали взрослые вьюрки, и требовательные голоса птенцов раздавались сразу из нескольких точек западной, совершенно отвесной стены ущелья. Они были и в четырёх-пяти и в десяти метрах от меня, но добраться хотя бы до одного гнезда по вертикальной скале было под силу разве что только профессиональному альпинисту. Присев, я пытался

подсчитать, сколько же гнёзд с птенцами можно здесь услышать с одного места. И в это время одна птица, подлетевшая по распадку откуда-то снизу, села на противоположный, более пологий склон ущелья. Она нырнула под каменный козырёк за кустик волжанки (*Ranunculus*), и оттуда раздался дружный писк птенцов. Семь метров не очень крутого склона я преодолел легко. Гнездо не пришлось разыскивать, оно располагалось на краю маленькой пещерки. Я сфотографировал его, описал и тоже запечатлел на плёнку птенцов, зафиксировал разрывы во времени между приносом родителями корма. Понимаю, что для многих людей это не явилось бы событием, но я в этот момент был счастлив: в нашей науке орнитологии заштриховано ещё одно маленькое «белое пятнышко».

Гнездо загадочной птицы – сибирского горного вьюрка. 1969 г.

Годами позже один из коллег в своей книге после детального описания моей находки сообщал, что и он «тоже нашёл гнездо горного вьюрка с птенцами», но «их количество посчитать не удалось». Очень интересная и ценная находка! Сколько бы гнёзд смог он записать в свой «актив» в ущелье мыса Кекурного!

С перевала открывается вид на бухту Комаровскую

Устье реки Комаровской оказалось на удивление красивым местом, здесь же стоял небольшой уютный домик. Но отдыхать было некогда, я торопился увидеть самое большое на Карагинском острове поселение морских птиц и ещё сегодня вернуться домой к Николаю.

Птичий базар я сначала не увидел, а услышал! И то, что я слышал, нельзя было назвать «гомоном» или птичьим «криком». Описать, передать на бумаге услышанные мною тогда звуки просто невозможно. Я останавливался, закрывал глаза и вслушивался в совершенно немыслимый, жуткий, стонущий рёв. Трудно было представить, что слышишь голоса птиц. Это безумно ревели неизвестные, очень большие доисторические животные. Я стоял с закрытыми глазами, и в груди у меня разливалась какая-то сладкая жуть. Но всё-таки эти звуки слагались из голосов птиц. И чем это можно было объяснить? Тогда для себя я решил: кайры, а это именно их голоса являлись главной составляющей этого «рёва», не такие уж и крупные

птицы, и сейчас они, вероятно, дружно несутся. Попробуй-ка без крика снести такое большущее, как у них, яйцо! Впрочем, подписаться под этим своим «научным открытием» я бы не рискнул. Ещё раз я буду здесь ровно через год, но такого жуткого крика, нет, не крика – рёва, уже не услышу.

От устья реки до начала колонии с полкилометра или немногим более. И уже сразу за рекой тропа ведёт вверх, на сложенное коренной породой приподнятое плато. Поверх плато за тысячелетия скопился лишь незначительный органический слой, на котором сейчас держится небогатая растительность сухой тундры. Сколько-нибудь протяжённого участка берегового пляжа здесь нет, и идти вдоль берега можно только поверху.

Тысячелетиями упорно трудилось море над восточным побережьем Карагинского острова. Слагающие его геологические породы сопротивлялись, но волны где с большим, где с меньшим успехом всё-таки изъедали береговые граниты. И сейчас этот участок побережья представляет собой чрезвычайно изломанную линию, которая более чем наглядно рассказывает о непримиримости двух достойных противников – разрушителей-волн и сложенного коренными породами берега.

Восточное побережье острова изобилует причудливыми скалами

Одна из «высоток» восточного побережья

Скальные обрывы здесь вертикально спадают в море с двадцати- и более метровой высоты. Прибрежье изобилует поднимающимися из моря скалами: острыми шпилями, причудливыми, похожими на останки древних замков, башнями. Иногда рядом с берегом стоят отделившиеся от него более массивные «куски», сохраняющие на себе остатки тундрового покрытия.

У подножий кекуров спокойно лежат ларги

И всё здесь: десятки тысяч квадратных метров отвесной стены матёрого берега, отступившие от него в море «останцы», каждая ниша, каждый уступ или даже выбоинка на торчащих из моря скалах принадлежит птицам, их гнёздам. Их тысячи, десятки, а по всему этому птичьему базару, решил я, не одна сотня тысяч. Это самое крупное на острове поселение морских колониальных птиц: толстоклювой и тонкоклювой кайры, моевки, тихоокеанской чайки, берингийского баклана, нескольких видов других чистиков. В зависимости от конфигурации скалы, от степени абразии берегового обрыва где-то мы можем видеть только кайр, какую-то часть колонии более плотно заселяют бакланы, а отстоящие чуть в стороне от берега его более массивные блоки более удобны для гнездования тихоокеанских чаек и, при наличии тундрового субстрата, топорков. В одновидовых скоплениях гнездящихся птиц более терпимы к своим соседям кайры. На какой-нибудь голой, относительно плоской поверхности скалы они обычно сидят настолько плотно, что определить, сколько их там – пятьсот или тысяча бывает практически невозможно.

По всей колонии, обычно среди скоплений бакланов, на расстоянии в сотни метров одна от другой селятся пары чёрных разбойников-воронов. Щели же скальных берегов притягательны для гнездования скрытных сибирских горных вьюрков.

Как я уже сказал, подножие данного птичьего поселения не имеет сухой или обнажающейся хотя бы в периоды отливов сплошной прибойной полосы, и если на северо-восточном побережье острова мы смотрим на заселённые птицами скалы снизу вверх, здесь их можно видеть лишь сверху. И не будь береговая линия столь изломанной, большая часть птичьего населения скал оставалась бы для обзора совершенно недоступной.

Общая протяженность сплошного поселения птиц здесь не менее пяти километров. Существует несколько методов учёта морских колониальных птиц. И хотя ставить такую задачу перед собой сегодня я не могу, проходя вдоль колонии, пытаюсь хотя бы «приближённо-точно» определить численность живущих здесь птиц. Не получается.

У этой арки заканчивается лента 5-километрового птичьего базара

Это было моё первое знакомство с самым замечательным, самым многочисленным птичьим поселением Карагинского острова. Морских птиц: кайр двух видов, моевок, тихоокеанских морских чаек, топорков здесь было, как мне показалось, неисчислимое множество. Здесь надо работать и работать. Но не сегодня. Надо возвращаться «домой», к голодному Николаю.

Обратно возвращался тем же ущельем. Не менее чем из десятка недосыгаемых гнёзд слышался требовательный писк птенцов горных вьюрков, но я был доволен уже сделанной сегодня здесь находкой и шёл без остановок.

И уже на спуске с горы увидел двух глупых однодневных птенцов тундряной куропатки. Глупых потому, что, испугавшись меня, они не остались невидимыми в траве, а выскочили на чистый снежник. Здесь я и подошёл к ним с фотоаппаратом вплотную. Встревоженная куропатка-мать сначала постаралась привлечь моё внимание к себе издали: клохтала, припадала на один бок, волочила по снегу якобы сломанное крыло. Но, увидев, что страшное существо продолжает преследовать её детей, буквально бросилась мне под ноги и стала еле-еле ползти по снегу в сторону от птенцов.

Неожиданно для меня откуда-то сверху, с гор прилетел и упал рядом с самкой на снег второй родитель – куропадч. И у отца тотчас «сломались» оба крыла – он предлагал в жертву себя. Я поторопился сделать ещё несколько снимков всех членов этой семьи и, прогнав, чтобы не простудились, малышей со снега в траву, поспешил уйти.

Тундряная куропатка отводит от птенцов

На реке Железной я пил с коряками чай и старался поначалу исподволь подвести разговор к нашему бедственному продовольственному

положению. Егор меня старательно не понимал. Когда же я «в лоб» попросил у него продуктов на обратную нашу дорогу до посёлка Островного и неоднократно повторил, что возвращу долг с избытком, Егор пошел в дом и вынес... банку сгущённого молока и двухсотграммовую пачку галет. Он оказался столь же бережливым, как и его «добрый» папа.

С Оskarываем в обратный путь к дому мы вышли по дождю, он так и не прекращался все восемь часов, пока мы добирались до землянки бухты Северной. По пути опять ЧП: Николай вместе с Чалым, который поскользнулся на крутом мокром откосе, свалились в ручей. Вечером подсчитали запасы: оставалось меньше килограмма мокрой вермишели, две пачки чая и чуть-чуть от галет, щедро выданных нам Егором. Ночевали и вынужденно остались на днёвку в бухте Северной, поймали рыбу, ели её несолёной. Утром следующего дня, не рискнув по случаю начавшегося прилива огибать мыс Голенищева, пошли через перевал и через четыре нелёгких для Чалого и Николая часа оказались на берегу пролива Литке.

*Береза на перевале из бухты Северной на побережье пролива Литке.
Каким же кошмаром была вся ее жизнь!..*

Ещё двадцать километров пути по берегу, и мы еле вползли в корякскую юрту на Маркеловской. Ни людей, ни крошки продуктов там не оказалось. На другой день, едва поднявшись, мы отправились дальше. Эти очередные два десятка километров до Плоксана особенно тяжело дались Николаю. На протяжении всего путешествия на нём лежала забота о коне и наших вещах. Я же с дневником в руках, биноклем и фотоаппаратурой, наблюдая птиц и занимаясь их учётом, уходил вперёд. Оглядываясь время от времени назад, я иногда видел лишь стоявшую лошадь. Возвращался и находил Николая, скрючившимся у ног Чалого. От недоедания последних дней у него открылась язва желудка, и сегодня ему было особенно трудно. Коля лишь молча махал мне рукой – «Иди!».

На Плоксане меня встретил радостный дед Ефим. Сразу же поставив на костёр чайник, он выжидающе смотрел на меня в предвкушении приятного подарка. И я начал жёстко:

– Дед, нам до посёлка идти ещё день. У нас нет продуктов, а Николай очень болен. Дай нам займы банку сгущённого молока, немного сахара и галет.

– Нет-ту!

– Мы скоро придём сюда на лодке и вернём тебе, старый скряга, всё в несколько раз больше.

– Нет-ту пирдук-та!

– Врёшь ведь, старый ты жадина!

– Нет-ту! Был, сичас нет-ту!

– Дед, ты бессовестный человек! Пойдём с тобой вдвоём, и я найду продукты. Или я буду искать один!

Ефим, нехотя, ну, прямо как на казнь, поднялся, взял эмалированную миску и направился к дому. Я пошёл следом. В землянке старый потянул из-под кровати картонную коробку, запустил в неё руку, что-то там пощупал: – «Нет-ту!» Я сунул руку следом: коробка на две трети была заполнена пачками с галетами «Арктика». Я взял одну пачку и тут же из другого ящика – банку сгущённого молока. Дед этого не видел, он уже шарил рукой в следующей коробке: – «Нет-ту!» Там тоже были пачки с содержимым. Проверив третью коробку, дед Ефим, издав довольный звук, стал

было накладывать в миску... сливочное печенье. И вдруг поняв, что это совсем не то, что он хотел найти, попытался всё ссыпать в коробку обратно. Я отобрал у него миску, а старый скряга наконец-то нашёл искомое: в следующей коробке лежали сухие и жёсткие галеты «Поход».

Чайник уже кипел. Я успел выпить две кружки вкуснейшего, очень сладкого чая, когда, наконец, с прибойки к нам поднялся Коля. Буквально зелёный от болей в желудке, он не сел, а упал на траву рядом с низким столиком. Я достал кольца для мелких птиц и пошёл на обход построек стойбища. Одно гнездо трясогузок с взрослыми птенцами нашёл сразу. В поисках следующего подошёл к лабазу, поднялся наверх, заглянул внутрь: он был битком набит коробками с галетами, печеньем, ящиками со сгущёнкой и мясными консервами. Только что не «трещал» от продуктов и второй лабаз.

Сытые «щедрым гостеприимством» старого коряка Ефима, мы решили заночевать в своей палатке в километре от Плоксана. Стали собираться, и тут дед увидел, что я забираю с собой лежавшие до того в сторонке галеты, банку сгущенки и пачку сухого киселя. Я лучше не буду описывать его состояние в тот момент... Через несколько дней, проходя мимо, уже на «Прогрессе» под 30-сильным «Вихрем», мы остановились буквально на минуту. Я не думаю, что старый Ефим мог так притворяться: он буквально расцвёл от счастья, получив от нас две коробки с продуктами.

В один из следующих моих приездов на Карагинский остров я узнал, что деда Ефима Колегова уже нет. Незадолго до смерти он сам собирал сухой хворост для своего последнего костра. Погребального. Костёр этот для него зажгли в красивом месте – на увале близ устья реки Маркеловской. Я ходил к этому месту: кусочек выжженной тундры был отмечен шестом-веткой двух – двух с половиной метров с расщеплинкой около верхнего конца и вставленной в неё маленькой поперечной палочкой – такое вот подобие креста.

И тогда же я получил ту самую карту острова, которую так бережливо хранил старый коряк Ефим. Она оказалась просто нарисованной на куске пергамента очень плохой копией с морской карты. У тех, кто её когда-то готовил, очевидно, были те же проблемы, что и у нас. Для

Карта острова

нас этот «рисунок» острова не представлял ни малейшей ценности, но и сейчас, когда я рассказываю эту историю, карта Ефима Колегова лежит передо мной.

«Карта» острова, так бережно хранимая Ефимом

На реке Маркеловской

Мы не думали задерживаться на Маркеловской. Но, как известно, «человек располагает, а...». О нашей задержке здесь я расскажу в следующей главе.

В этот раз на Маркеловскую мы пришли на двух «Прогрессах» втроём. У охотоведа госпромхоза здесь были какие-то свои дела, и он поторопился засветло вернуться в Ягодное. Мы с егерем Евгением шли на север и оттуда, если позволит погода, планировали, сколько можно, пройти по восточному побережью. Здесь же до конца дня я только и успел сходить к месту кремации деда Ефима. Остались переночевать, рассчитывая уже завтра дойти до бухты Северной. Сейчас на Маркеловской есть где жить: Анатолий Коваленков поставил для оленеводов очень даже приличный дом. Пораньше утром я планировал навестить ближние озёрки, в которых, как мне сказали, живёт какая-то крупная здешняя перловица. Её активно поедает ондатра, и надо было собрать несколько створок раковин этого моллюска, чтобы показать их специалистам.

А в ночь совершенно неожиданно сорвался вдруг северо-восточный ветер. Он принёс с собой мелкий, так не любимый мною осенний дождь. А на календаре сегодня только 25 августа. Дождик шумел за стеной всю ночь, потом полный день. Ветер, прохуdivшиеся низкие серые тучи, белогривые волны в проливе – я не знаю погоды более удручающей и наводящей тоску. Мы вчетвером – постаревший Егор Ефимович Колегов, его семнадцатилетний внук Санька, я и егерь Евгений чуть ли не весь день валяемся на кроватях – читаем, спим.

Здесь же, на Маркеловской, сейчас живёт тётя Паша, младшая, ей только шестьдесят пять лет, сестра Егора. Тётю Пашу в доме совсем не слышно. Лишь вставая в утренних сумерках с постели, она тихо постанывает: болят старые, нагруженные, простуженные, просящие покоя кости. Когда к ней обращаешься, она тихо улыбается и что-то тихо-тихо отвечает. И хотя мне вообще не приходилось слышать громкоголосых корячек, карагинские островные женщины кажутся совсем незаметными и неслышными. Сегодня утром, едва рассвело, тётя Паша чем-то чуть

позавтракала и как вышла за дверь, так и пропала. Мы успели пообедать, два раза почаевать, а её всё нет и нет. Спрашиваю дядю Егора, где сестра. Оказывается – работает в старой юрте, выделывает оленьи шкуры.

Я заглянул в юрту: тётя Паша обрабатывает камус: намазывает его лососёвой давленной икрой, а затем, когда икра высыхает, скоблит камусы и мнёт, мнёт, мнёт их, пока шкурка не будет мягкой, пригодной для изготовления торбасов, рукавиц. Но перед этим она ещё вымочит шкуры в настое ольховой коры.

Я возвращаюсь в дом. Санька крутит ручной генератор и с его помощью слушает записи на своей «Весне 202». Спрашиваю Александра:

– Сколько тебе надо времени, чтобы дойти до оленьего табуна?

– Два дня. Можно и за один дойти.

– Это как же?

– Если часов в пять утра выйти, то к десяти вечера придёшь. Я последний раз так вот, за один день, дошёл.

Саня наполовину русский: широко посаженные глаза, да и всё его симпатичное лицо не оставляют никаких сомнений – он сын нашего друга Саши Кузнецова. Но по крайней мере сейчас он не мыслит себе другой, чем здесь, на его родном острове, жизни.

Не зная, куда себя деть, я выхожу на морской берег. Море шумит глухо и раскатисто, может быть, потому, что волны подходят к берегу под острым углом. Не успеет затихнуть шум одной волны, следует накат другой, а потом следующей – и так без конца. Жернова волн безостановочно перекатывают, перетирают массы песка. А мне вдруг почему-то кажется, что море – это колоссальная живая масса, перемалывающая само время и глотающая его: минута за минутой, год за годом, век за веком...

Непогодь оказалась суточной, и назавтра утром при значительной, правда, облачности и повышенной влажности уже светило солнце. Ветер менялся, но «белых барашков» в проливе не убавилось, так что ещё день вынужденного нахождения здесь нам, похоже, был обеспечен.

Я сходил на озерки, нашёл всего лишь одну полную и половинку раковин перловицы. Ближе к дому поднялся на увал. Здешний ландшафт мне был хорошо знаком. Это слабовсхолмленная приморская

терраса, поросшая куртинами кедрового стланика, перемежающегося с полянками, покрытыми типичной тундровой растительностью, ягодниками и разнотравьем.

То, что я увидел сейчас, например, для средней европейской полосы России представить просто невозможно. Представьте себе полосу тундрового пространства длиной в тридцать-сорок метров, на котором растёт не одна и даже не две сотни красноголовых красавцев подосиновиков. На следующей полянке их не меньше.

Почти бегом тороплюсь домой за ведром. Где-то недавно я прочитал, что «очень хорошее – враг хорошего» и сейчас в этом убеждаюсь. Пройдя по сплошным грибным полям километра полтора, я беру только самые-самые маленькие грибочки с диаметром шляпки не более пяти-шести сантиметров. Когда же, не выдержав, всё-таки срезаю подосиновичек крупнее, то даже радуюсь, найдя в нём единую червоточинку, и выбрасываю его. Настоящие любители-грибники побили бы меня за такое кощунство. Но иногда не могу пройти мимо «пятикопеечных», это по величине шляпки, подберёзовиков и нехотя всё-таки кладу их в ведро.

Просто удивительно, что на северной тундре и такое обилие лесных, как я всегда считал, грибов: подосиновиков, подберёзовиков, маслят, сыроежек, груздей. Нашёл я и несколько белых грибов, явно переросших, но совершенно чистых. Не раз своей похожестью на белый гриб меня обманывают подберёзовики. Срезаю их и уже не в силах выбросить, такие они чистые, кладу в ведро. Но больше всего меня почему-то поражают изредка встречающиеся огромные «друзы» опят. Растущий на тундре целый «куст» из нескольких десятков опёнков кажется замечательным уже сам по себе.

У завалившейся старой, возможно, ещё самого Маркела, землянки я иду к известным мне по прежним заездам сюда кустам жимолости. Для сбора жимолости сейчас поздновато, но ягоды на кустах ещё сохраняются. Они такие крупные и сладкие, что вполне сравнимы с виноградом. Таких вот большущих ягод жимолости я больше не видел нигде и никогда. В этот год на острове богатый урожай голубики, хороший – рябины, густо обсыпаны

шишкой кусты кедрового стланика. Я смотрю на всё это обилие и вспоминаю слова бабушки моего друга-охотоведа Серёжи Алексеева: «А ты не гордись перед земелькой-то, поклонись ей, она тебя и накормит».

И ещё об одном замечательном событии этого дня. Знаю, не одному из моих читателей приходилось в детстве бежать однажды во весь дух, чтобы где-то там, в поле, дотронуться до радуги. Я был ребёнком, когда наша семья из центра города переехала на самую его окраину. Не далее километра от нашего дома уже начинались поля. И я помню, как много раз мы, пацаны, сломя голову бросались бежать к последнему дому нашей улицы, и, обессиленные, останавливались только тогда, когда оказывалось, что радуга начиналась много дальше, чем нам казалось.

И уж точно мало кому приходилось видеть радугу, поднимающуюся в небо прямо от твоих ног. Согласен, трудно поверить, что такое чудо возможно. И вот сейчас я сижу на склоне увала, а от его подножья, прямо против меня и не далее чем в пятнадцати метрах вверх поднимается широкий радужный столб. Возможно, это часть полноценной красавицы-радуги, но я вижу не более пятидесяти метров её, далее для меня она кончается. В ней все цвета этого прекрасного природного явления, они теряют яркость, становятся расплывчатыми только на самом ближайшем ко мне конце. Я могу спуститься и встать прямо под этот столб, но не делаю этого. Конечно же, такое чудо не может длиться долго: пока я, торопясь, заканчиваю в дневнике эту запись, его уже нет, ушло навсегда. Ощущение же того, что сбылась моя давняя детская мечта, осталось на всю жизнь.

Наша цель – Птичий

Я уже говорил о том, что ещё при первом нашем появлении на Карагинском острове в числе главных своих целей, достичь которую мы должны были возможно быстрее, стало посещение острова Птичьего. Он звал меня к себе! Однажды кто-то из моих старших коллег-орнитологов сказал, что, приезжая даже в хорошо изученный район, вести

себя надо так, будто ты здесь первый. И это действительно очень ценный совет. Но на Карагинском острове, по крайней мере, на его восточном побережье, я и в самом деле должен был стать первооткрывателем. И где-то там в самом центре восточного побережья находился предмет моего влечения – Птичий остров.

Ещё в 1966-м мы с Юрой Воропановым решили достичь этой цели обязательно. Тогда я даже предположить не мог, что моё первое свидание с островом Птичьим откладывается ни на год и ни на два. От посёлка Островного до Птичьего, хоть в обход мыса Голенищева с севера, хоть Крашенинникова с юга, идти, как минимум, километров сто двадцать, и половина этого пути пролегла по восточному, океанскому побережью острова. В тот наш первый год, обогнув мыс Голенищева, мы прошли только девять километров, и заставший нас в бухте Северной шторм, о котором я уже рассказывал, без труда убедил и меня, и Юрия в недостижимости нашей цели в этот раз. Через два года мы с Юрой на той же «Казанке», под той же десятикисильной «Москвой» и опять без карты прошли километров на двадцать дальше – до реки Оскарыня. Решимости бороться с океаном, а можно сказать – остатков нашего мужества, оставалось дня на два. Но все два дня восточное побережье Карагинского было плотно упаковано в вату густого тумана. С испарившимся туманом растаяли и остатки нашего желания идти дальше. Мы опять вернулись.

И вот настал 1970 год, когда мы подготовились к экспедиции уже более основательно. Коваленков в Оссоре выдал нам с Николаем Бондыревым катер «Прогресс» и только что появившийся у него, а это значит, что вообще на Камчатке, новенький «Вихрь-30» с электрозапуском, обеспечил бензином, полевым снаряжением. Третьим членом экспедиционного отряда стал подоспевший к нашему отъезду на остров журналист, тогда – корреспондент ТАСС, фотограф-анималист Михаил Жилин. Николай, в то время районный охотовед государственного охотничьего надзора, должен был обследовать лежбища морского зверя и составить себе представление о будущем государственном заказнике. Миша, не очень об этом распространяясь, лелеял тайную

надежду найти в этом неизведанном районе какие-то следы, чем чёрт не шутит, «не совсем вымершей» стеллеровой коровы. Про меня же и объяснять ничего не надо: я жаждал орнитологических открытий.

На Карагинский остров в тот год нас доставила «Санта Мария» хотя проще и честнее эту посудину было бы назвать «ЭРБушкой» – рыболовным ботом. Судно принадлежало госпромхозу «Карагинскому», и естественно, что это звучное имя у него было неофициальным, а потому на борту бота не обозначенным. Но в Оссоре вслед за Коваленковым РБ все называли не иначе, как «Санта Мария». Ещё до захода в Островную мы направились в бухту Северную, где оставили две бочки бензина и часть своих продуктов. Лишь бутылки со спиртом я, хотя Николай предлагал оставить их здесь же, на бочках, отнёс чуть дальше и закопал в песок. И, как оказалось, моя предусмотрительность в тот раз была не лишней. Нам потом передали, что члены команды какого-то заглянувшего в Северную судна обнаружили и тщательно исследовали имущество, как они посчитали, экспедиции геологов. У ребят, по-видимому, недоставало сахара, а мы его оставляли здесь не весь, так что наши потери оказались не столь и ощутимыми. Кстати, о заходе на остров чужого судна мы узнали лишь потом и поначалу, не обнаружив оставленного сахара, грешили на местных оленеводов.

В посёлке Островном, заняв более-менее сносную двухкомнатную «квартиру» в одном из баракоподобных домов, задерживаться мы не хотели. Лично меня в посёлке в этот раз ничто не держало. Найдёновых на острове уже не было, Ксения и Иван переехали в Оссору. Дом Марковых был оккупирован поселившейся на острове в прошлом году семьёй Кузнецовых. Издали он всё ещё казался приветливым. Но уже после первого в этом году его посещения идти туда, когда зачем-либо нужны были братья Кузнецовы, я заставлял себя через силу. Этот ставший родным для нас с Юрой домик сейчас был превращён, если говорить очень мягко, в свинарник.

Вскоре в одно действительно прекрасное утро, взяв курс чуть левее маяка на косе Лекало, мы вышли в этот так много суливший нам поход. За рулём сидел наш капитан Николай, я с биноклем, дневником

и карандашом в руках, старался успеть определить виды и посчитать всех встречающихся в досягаемости для моего «вооруженного глаза» птиц. Миша с фотоаппаратом в руках какое-то время надеялся на редкий кадр. Погода была отменная, море без единой морщинки, и наш «Вихрь», мне казалось, радовался вместе с нами и не работал, а прямо-таки пел. Обогнув крайнюю точку косы – мыс Семёнова и повернув направо, наш «Прогресс» пошёл вдоль внешнего края восемнадцатикилометровой косы на север. От основания косы до Плоксана не менее шести километров, но мой бинокль уже смотрит в сторону устья этой реки. И вот я начинаю различать там лабазы, юкольники и низкий домик. Наперёд знаю, что очень скоро произойдёт: ещё немного, и мы встретим очень добрых людей – семью коряков Майновье, и они будут откровенно рады нашему приезду. А как приятно встретиться с симпатичными тебе людьми, которых не видел целый год и которым твой приезд доставляет удовольствие. И я замечаю, что заранее начинаю улыбаться.

А в памяти вдруг совсем незваной всплывает картина встречи, произошедшей у меня в тысячах километров от этого места меньше месяца назад. Незадолго до поездки сюда, будучи на одном из орнитологических симпозиумов на «материке», я выкроил два дня, чтобы навестить родителей в Иванове. Случай привёл меня к дому одного из моих одноклассников – Лёвы Ельниковского. С Лёвкой мы учились вместе с пятого по десятый класс, а в девятом даже сидели за одной партой. Я знал, что он окончил «мед», пошел по стопам отца – стал хирургом. Интересно, каков он сейчас?

С внешней стороны двора Лёвкиного дома на заборе «висел» мальчишка лет шести-семи.

– Ты Ельниковский?

– А што?

– Отец дома?

– Ну, дома. А што?

– Позови! Пусть выйдет.

Мальчишка подчёркнуто лениво, он явно делал мне одолжение, слез с забора и медленно, «с достоинством» поднялся по ступенькам в дом.

Вскоре он появился на крыльце и, не удостоив меня ни одним словом, просто стоял с взрослой полуусмешкой превосходства над «просителем». А что я из них, из «просителей», он был уверен и ждал «потехи».

Также медленно-лениво из дома вышел отец. Не поднимая от земли глаз, он спустился с крыльца, прошёл до калитки. Левым плечом плотно упёрся в один столб, правой рукой крепко взялся за второй и только теперь, дав понять, что в его дом чужаку вход закрыт, так же подчёркнуто медленно поднял равнодушный взгляд. В глазах его маленькой быстрой мушкой мелькнуло удивление, но мушка тут же улетела.

– А-а-а, это ты? Здорово... ммм... Ну, как ты?

– Здравствуй, Лёва! Я случайно...

Он тотчас перебил меня:

– Я, знаешь, не приглашаю. Я сейчас на работу еду! – Лев отнял правую руку от столба и покачал большим пальцем через плечо. Там через открытые двери гаража блестела новенькая «Волга».

– Отлично! Мне надо на вокзал за билетами, нам по пути.

– Я, знаешь, не на своей поеду... За мной заедут, а у них... места не будет. Извини, я не приглашаю... Ты заходи как-нибудь.

– Спасибо, Лёва. Сейчас мне всё равно некогда, а впредь я к тебе никогда не зайду.

Но он меня уже не слушал: буркнув что-то вроде «пока», Лёвка, довольный, что отделался, медленно, вразвалку уходил от калитки.

А мы уже подходим к устью Плоксана. Заслышав гул мотора, на берегу появляются две фигуры взрослых людей – нас встречают Семён и Настя Майновье. Чуть позже, по мере приближения, рядом с ними я начинаю различать две маленькие фигурки их дочерей – Верки и Любки. Сейчас, поняв, что еду я, девчонки убегут, а потом, когда мы зайдём в маленькую лагунку реки Плоксан и пристанем к берегу, они вдруг появятся из густой травы около матери и будут выглядывать из-за её подола только что отмытыми мордажами.

Девочки могут несколько дней бегать чумазыми, но никогда не посмеют появиться в таком виде передо мной. Однажды, в один из моих нередких заходов сюда в прошлые годы, когда Верке было около трёх лет, я, должно

быть, в очень обидной для неё форме выразил своё несогласие с её немумтой рожицей. Своим замечанием я больно ранил девчонку. Она так горько плакала, что я, видя её горе, очень искренне ругал себя плохими словами. Зато теперь Вера, а вместе с ней и подросшая сестрёнка Любка появляются передо мной только с отмытыми мордашками и в донельзя мокрых платищах. А один раз я даже случайно подсмотрел, как замешкавшиеся было девочки, стоя на коленях в мокрой тундре, плескали себе на лицо воду из озера и быстро-быстро тёрли щёки ладошками.

Две мои любимицы со старым вожакom собачьей упряжки

Сегодня перед выходом из Островного мы довольно плотно перекусили, напились чаю, и сейчас, когда Настя захлопотала прямо здесь, на самом устье, сооружая костерок для чаёвки, я решил не терять времени, а пройти по приливной полосе в сторону реки Маркеловской. Хотелось поближе рассмотреть ближние колонии ласточек-береговушек.

Пройдя с километр, замерив глубину нескольких ласточкиных норок, я прилёг на сползший сверху на прибойку пласт тундровой дерни-

ны, стал заполнять маршрутный дневник. Настроение было как всегда в таких случаях прекрасное, хоть пой.

И вдруг я действительно услышал пение! Да какое! Недалеко от меня на тундре пела невидимая мне девушка. Голос её казался сказочно красивым, наверное, именно так пели сирены, заманивая Одиссея в море. По спине побежали мурашки: такого здесь просто не могло быть! Не зная, что сейчас увижу, я потихоньку вылез по склону увала на тундровое плато. В полутора-двух десятках метров от меня на тундровой пушицевой лужайке пела юная фея – девушка. Но этого не могло быть: к моим слуховым галлюцинациям добавились ещё и зрительные! В общем-то плохо что понимая, я, тем не менее, взялся за свой «Зенит» и сделал несколько снимков. Где-то там, в сознании шевелилась мысль: «Интересно, останется ли что на плёнке?» А по спине продолжали бегать холодные мурашки.

На тундровой пушицевой лужайке стояла юная фея

Девушка увидела меня, перестала петь, стояла и смотрела. Было заметно, что она не менее меня удивлена неожиданным «явлением». Я подошёл. Она действительно была совсем молода и очень красива.

— Кто ты и что здесь делаешь, девочка?

— Я Таня! И я здесь живу.

— Одна и в тундре?

— Нет, с родителями и сестрой в доме Семёна и Насти.

Если бы я не поторопился сразу же с устья реки уйти на маршрут, а прошёл к дому Майновье, эта встреча не была бы для меня столь ошеломляющей. Татьяна рассказала, что здесь, на Плоксане, живёт присланная Коваленковым семья Шкаевых. Родители собирали, солили для госпромхоза икру от вылавливаемой коряками рыбы, девчонки-дочери просто отдыхали. Старшая — Татьяна в этот раз ушла далеко от дома и не слышала, когда в устье зашёл наш катер.

О том, что она была красива, я уже говорил, а её голос неслучайно показался мне удивительным: девочка успешно закончила Камчатскую музыкальную школу по классу пения.

Я торопился к лодке, но, как оказалось, разомлевшие от радушия хозяев, вкуснейшего чая и прекрасной погоды ребята решили сегодня уже дальше не идти.

Настя Майновье, Пётр Шкаев, Семён Майновье, Галина Шкаева

Готовя книгу к публикации и просматривая фотоплёнки тех лет, я обнаружил, что эта порой и сейчас кажущаяся мне немыслимой встреча на тундре была, тем не менее, реальной.

Это опять же красавицы-корячки и их новая подружка Марина Шкаева

На другой день я лежу на пляже пролива Литке в плавках, тёмных очках, с дневником и карандашом. День отличный. Солнце очень медленно, как это бывает летом на высоких широтах, смещается по небу. Облака сгруппировались где-то над Камчаткой и над восточным побережьем острова, а над центром нашего западного побережья, где сейчас нахожусь я, небо чистое-чистое, голубое-голубое. Вдоль пролива дует необычно тёплый ветер. Сегодня он приятен вдвойне: во-первых, не так жарко, а, во-вторых, сила его такова, что меня не тревожат комары.

Над серым мелким песком пляжа поднимается тонкое марево испарений, но видимость при этом отличная: одинаково хорошо просматриваются и мысы Олюторского побережья за проливом, и остров Верхотурова. На душе у меня легко. Птиц, кроме чаек, да изредка пролетающих с тундровых озёр на море краснозобых гагар, почти не видно. Вот моё внимание привлекла моевка, взлетевшая с берега с пучком травы в клюве: она явно несла материал для своего гнезда. Но куда? Отсюда на десятки

километров до мыса Голенищева нет ни одного гнездовья, где бы жили эти чайки, к тому же птица всё дальше уходит от берега, держа курс точно на остров Верхотурова. Но до него уж точно не менее и даже более шестидесяти километров. Сколько же ей бедной лететь туда и неужели она не могла найти травы там, у себя на острове?

С дальних берегов моё внимание переключилось на пару длиннохвостых поморников, задирающих морских тихоокеанских чаек. А ухо улавливает шорох за валом набросанной осенними штормами гальки. Я оборачиваюсь, и две мои любимицы Вера и Любашка убегают с криками: «Дядя Коля бисёвисный!» Их явно шокирует мой вид. Я опять смотрю на море, девочки снова подкрадываются, и всё повторяется сначала.

Вера стесняется

Я думаю о том, что девочки скоро подрастут и покинут этот, так полюбившийся мне, остров. Их ждут интернат, институты, большие города. Но ведь когда-то их должно потянуть сюда, на родину! И как я хочу,

чтобы, возвратившись хоть ненадолго на остров, девочки смогли окунуться в эту вот красоту, окружающую сейчас их беззаботное детство. Чтобы песок пляжа оставался таким же чистым. Чтобы так же, как сейчас, разбойники-поморники гонялись за другими чайками. Чтобы так же доверчивы были к людям обитатели огромных «птичьих базаров», и так же в июне-июле расцветали тундры, не познавшие тяжести гусеничных тягачей. И пусть дети этих детей, внуки детей их детей увидят всё, что вижу сейчас я. И тогда они ни за что не разлюбят этот единственный во всём мире уголок – родину умных и трудолюбивых предков, давших им жизнь.

С Плоксана мы ушли уже днём с полным приливом, чтобы где-нибудь ближе к мысу Голенищева не «поймать» винтом камень. Далеко за полдень, оставив справа по борту гряду рифов, входим в бухту Северную и, повторяя все изгибы береговой линии, направляемся к устью Акановаям. После бесконечной морской перспективы не могу сразу перестроить свои глаза, берег кажется очень близким. А вот табунок северных оленей, сбившийся на песчаном пляже прибойки, я увидел лишь после того, как на него мне указал Николай. Вот они всего-то в нескольких десятках метров. Но к ним в своём рассказе я вернусь чуть позднее.

Некоторое разочарование в честности кого-то, присвоившего наш сахар, легко нивелировалось радостью за сохранность запасов спиртного, таким образом, настроение наше осталось на высоком уровне, и мы были счастливы.

Николай занялся будущим обедом, а мы с Мишей решили прогуляться в сторону мыса Голенищева: он поснимать, а я посчитать колонийных птиц. Сюрприз ожидал нас метрах в двухстах от устья реки: на оголившейся с уходом воды прибойной полосе отпечатались весьма внушительные, а главное – совершенно свежие следы белого медведя (*Ursus maritimus*). Он прошёл здесь не более часа назад, и что это был именно белый медведь, сомнений не было. Последних местных бурых на острове убили ещё в незапамятные времена. Появление белых на Карагинском острове и на восточном побережье Камчатки отмечается, я думаю, даже не в каждые десять лет один раз. Такие события

нельзя назвать ординарными, и мы, охотоведы, об этом узнаём скоро и обязательно. Случалось это всегда весной: медведи приходили сюда со льдами, но отбывать с острова им уже приходилось вплавь. В этот свой приезд мы ещё в посёлке слышали о появлении весной на острове этого арктического гостя. И вот сейчас убедились и в правдивости слухов, и в том, что он ко всему ещё и совсем рядом с нами. Следы вели к мысу, туда, где с отливом на камнях ложились тюлени. Медведь, похоже, об этом знал. А вот будет ли его охота сегодня успешной, нам знать было не дано. Мне почему-то сразу же расхотелось считать, а Мише – фотографировать птиц. Мы решили, что Николаю, наверное, тоже будет интересно узнать о медведе и, должно быть, поэтому поторопились вернуться. Наш рассказ доставил Коле большое удовольствие, и он издевался над нами ещё и на следующее утро.

Проснулись рано. Шёл отлив, и из устья Акановаям мы выходили по совершенно гладкой воде. Нас ожидал пятидесятикилометровый маршрут до реки Яклегрываям.

Мы шли мимо птичьих базаров с тысячным населением бакланов, чаек, а затем и кайр двух видов; видели сотенные табуны летающих сюда на линьку тихоокеанской (*Somateria mollissima*) и стеллеровой (*Polysticta stelleri*), а также каменушек (*Histrionicus histrionicus*). С обнажившихся в отлив камней при нашем приближении с шумом и фонтанами брызг бросались в воду сотни нерп. В одном месте, это было рядом с устьем реки Калелагрываям, мы спугнули с берега несколько десятков крупных тихоокеанских гаг, а из-за камня метрах в пяти от того места, где они отдыхали, разочарованно поднялась худая лисица: завтрак на сегодня ей, а, возможно, и лисятам, был так непредвиденно испорчен.

После облепленного бакланами и чайками мыса Низкого на протяжении следующих пятнадцати километров я едва успевал зарисовывать берег и наносить на него условные обозначения. Этот участок побережья был заселён только берингийскими бакланами. Гнёзд было не очень много, располагались они не плотно, и тёмные каменные обрывы берега у каждого гнезда были отмечены белыми потёками бакланьего помёта.

Здесь я, кажется, первым из орнитологов применил новый метод учёта бакланов... по этим самым пятнам птичьего помёта.

Почти от мыса Горбатого до реки Плонтгываям, которую ещё называют Железной, выше скального берегового обрыва простирается довольно ровное, удобное для пешего маршрута плато. Я проходил по нему год назад, когда искал избушку Егора Колегова. Сразу за Плонтгываям резко вверх уходят склоны гористого мыса Кекурного, наверное, одного из самых причудливых и живописных участков морского побережья Карагинского острова. Поднявшись по руслу реки километра на два от устья, это горное образование можно обойти довольно легко. Но есть и более трудный путь, когда практически сразу же от устья надо уходить вверх между горами через перевал. В прошлом году именно этот маршрут принёс мне прекрасную орнитологическую находку – гнездо горного выюрка.

Но и та и другая дороги в любом случае приводят нас в русло красивой реки Комаровской, или Корагынваям. Если смотреть на приустьевую часть реки сверху, прежде всего мы видим очень удобную и глубокую бухточку, прикрытую одним из клифов Кекурного мыса с северо-востока, но не защищённую от ветра с восточной стороны. Зато устье реки довольно глубокое и для наших лодок проходимо, так что здесь можно укрыться в любой шторм.

Близ устья на правом берегу реки Комаровской стоит добротный и, как мне показалось при его посещении, очень уютный домик. В 1968 или 1969 году в море потерпело неудачу японское рыболовное судно. Восточным ветром его прибило к берегу. Говорили, что оно оставалось висеть, заклиненное где-то в береговых скалах, но мне его увидеть не пришлось. Команда судна, слава богу, потерь не понесла, моряки даже сняли с него всё им необходимое для жизни, а поблизости от места гибели судна обнаружили этот самый домик. Жили они на острове чуть ли не две недели, пока не подоспела вызванная по радио помощь – другое японское судно. Моряки забрали в доме имевшуюся там старую меховую одежду оленеводов, а взамен оставили своё не менее, даже более значимое для местных жителей имущество.

В бухту Комаровскую мы решили зайти всего на полчаса, попить чаю. Собирая на берегу дрова для костра, кто-то из нас первым увидел, как метрах в двухстах от берега из моря вдруг вырос и затем медленно снова погрузился в воду огромный лоснящийся плавник. Косатка!

Миша почему-то очень захотел именно сейчас идти фотографировать птиц, я, само собой, не мог отпустить его одного, Коля же выразил желание остаться, как он сказал, «охранять косатку».

Весь длинный северный день мы фотографировали птиц на богатейшем птичьем базаре, том самом, что поразил меня в прошлом году.

Юго-восточное побережье. Кайры плотно заселяют плоские участки скал

Участок побережья, по которому шли мы с Михаилом, представляет собой сложенную коренной породой приподнятую над морем плиту-плато. Поверх этой плиты за тысячелетия скопился лишь незначительный органический слой, на котором сейчас и держится небогатая растительность сухой тундры.

Фрагмент скального участка гнездования птиц

Вернулись к ужину. Плавник, как нам сказал Николай, весь день то появлялся, то вновь исчезал, и всё на одном и том же месте.

Утром следующего дня, быстро уложив в катер рюкзаки и взглянув перед выходом из устья на море, мы увидели... три плавника косаток: к огромному вчерашнему добавились два маленьких.

Мы по очереди вспомнили и обсудили всё, что читали и слышали об этих «тиграх морей». Ребята-вулканологи Иван Флоренский и Николай Храмов, работавшие здесь же на острове несколько лет назад,

рассказывали мне о своих неоднократных встречах с косатками далеко в море. Однажды парням «повезло» оказаться в их «весёлой» компании при 3–4-балльной волне. Резвящиеся вокруг лодки исполины появлялись с одного борта, уходили под «Казанку» и всплывали с другого борта. Рассказывая, парни не скрывали своих переживаний. Но косатки ни разу, даже слегка, не коснулись их лодки.

Утром 7 июля косаток в бухте нет, но при полном отливе наш катер лежит на берегу. Выйти из речки мы можем лишь далеко за полдень, и потому, оставив Николая досыпать, мы с Мишей вооружились своими «Зенитами» и телевиками и опять ушли к птичьему базару.

Михаил Жилин. Карагинский остров, 1970 г.

Ещё вчера, двигаясь по плато, мы обратили внимание на обилие разбросанной тут и там по тундре скорлупы яиц, большей частью бакланов и моевок. Занятый фотографированием и подсчётом птиц, я как-то не очень обратил на это внимание. Впрочем, тут всё было ясно: это следы хищничества воронов. Вот и сегодня, едва выйдя на плато, мы увидели чёрного разбойника, несущего в клюве яйцо. В бинокль я попытался рассмотреть яйцо: кого он на этот раз обидел. Ворон приземлился на плато, выпустил из клюва яйцо. И в следующее мгновение непонятно откуда, но рядом с птицей взметнулся рыжий сполох. Истошно вскрикнув, ворон подпрыгнул вверх. А над его недавней добычей победно застыла лисица. На крик обиженного разбойника из-под обрыва вынырнул его напарник. Лисица, вжавшись в тундру, торопливо поедала отбитую добычу и одновременно то и дело вскидывала голову навстречу падающим на неё сверху гневно орущим воронам. Вот уж воистину «вор у вора дубинку украл!». Но какова лисица! Как просчитала она место приземления ворона? Как должна была слиться с этой едва поднимавшейся растительностью сухой тундры, чтобы глазастая птица сверху не рассмотрела её? И почему мы, люди, так долго отказываем другим, кто не мы, хотя бы в зачатках умственных способностей?

После того как мы обсудили хитрость грабившей воронов лисицы, наши интересы с Михаилом разошлись: я опять пытался пересчитать птиц, он же устремился за «неповторимыми кадрами». Догнал его я там, где сплошная полоса птичьего базара разорвалась, и далее пошли лишь «пятна» поселений бакланов. С этого места хорошо был виден Птичий остров, накрытый белой «шапкой» сидящих по всей его площади чаек. Уже давно шёл прилив, и нас ждал Николай: пора было возвращаться. Если говорить честно, выходить сейчас в море мне очень не хотелось. Какой же он здоровенный, этот плавник! С Мишей о косатке мы не говорили. Но когда он сказал, что оставшиеся до Яклегрываям километры ему очень интересно, очень хочется пройти пешком, я его отлично понял. Этот плавник!..

На обратном пути я опять повстречался с лисицей, вернее, с её бренными останками. Вчера и сегодня утром мы так торопились скорее

дойти до основной массы птиц, что эту «находку» на самом краю колонии просто просмотрели. Погибла рыжая хищница, скорее всего, зимой, возможно, от бескормицы, и сейчас её иссохшие останки лежали на краю обрыва, свесив голову вниз. Казалось, и мёртвая она с вождением смотрела на таких близких и таких недостижимых для неё птиц. А не так ли вот, изображая мёртвую, лисица и обманывает ворона, чтобы отнять у него несправедливо добытую добычу – яйцо недостаточно болевой мойки или глупого баклана?

Николай уже всё собрал и ждал только нас. От бухты Комаровской до Яклегрываям на катере ходу какие-то минуты. Накоротке лишь заглянув на краешек Птичьего, мы зашли в устье, поставили палатку, собрали кучу дров, приготовили на костре ужин. Михаила не было.

Я начал беспокоиться: полевик Мишка никакой, да и мало ли что может случиться с человеком дорогой... С ним не случилось ничего страшного. Мишу искать не пришлось, дошёл-таки. Если быть точным, смертельно обессиленный, он не дошёл – дополз. Упав около костра, отважный путешественник чуть слышным голосом рассказывал, как ему пришлось долго искать брод в реке Мэльваям (это и понятно, так как уровень воды в ней с приливом сильно поднялся), и всё-таки его чуть не сбило течением, и на берег он вышел мокрым. И ещё его хотели заклевать орлы-беркуты (*Aquila chrysaetus*). Мы с Колей, кстати, орлов этих в той стороне тоже видели. Голодным же Михаил был до такой степени, что съел без остатка два сильно насиженных яйца топорков. Мы попросили его «хотя бы оторвать клювы у находившихся в яйцах птенцов», в ответ он лишь прошептал: «Плевать!»

8 июля с утра тихо, небо посерело. Я с нетерпением рассматриваю остров в бинокль. Птичий... С таким названием, известным чаще только жителям близлежащих сёл, на Камчатке можно найти с десятков островов или просто заселённых пернатыми скал, и далеко не все они обозначены на картах. А этот вот имеет собственное имя. Спрятавшись от Камчатки за огромным островом Карагинским, он поднимается из моря в километре от восточного берега своего «старшего брата». Кажется даже, что он очень хочет быть на него похожим: так же сориенти-

рован по странам света, имеет те же очертания, восточные скалистые берега его тоже заселены бакланами и моевками. Только всё это в миниатюре: длина островка, вероятно, около трёхсот метров, а наибольшая ширина – до ста. Главное же его отличие от Карагинского: на беду своих хозяев-птиц поверхность Птичьего острова ровная как стол.

Едва дождавшись прилива, далеко за полдень, наконец, вышли из устья Яклегрываям. И хотя не совсем удачно проскочили один из «баров», образующихся в устьях рек при столкновении двух встречных, речного и приливного, течений, и вода через ворот свитера добралась у меня аж до стелек моих сапог, я почти не обратил на это внимания. К нам стремительно приближался Птичий!

Так остров Птичий выглядит с вертолёта

Над островом бушевала «снежная буря»: в воздух, заметив наше приближение, одновременно поднялись не менее полутора-двух тысяч тихоокеанских морских чаек. Подходим ближе, ещё ближе... И вдруг с берега острова прямо в нас выстрелили залпом трассирующих снарядов! За залпом последовала беспорядочная частая пальба. Чёрные с красно-жёлтыми головками снаряды стремительно неслись на нас, но перед самой лодкой вдруг сворачивали в сторону, смешно растопырив красные лапы. Это сотни и сотни топорков одновременно по какому-то паническому сигналу бросились навстречу врагу. И вот уже кружит над нами нескончаемая карусель: топорки летят по кругу с диаметром в несколько десятков метров, и эпицентром этой круговерти являемся мы. По мере нашего приближения к острову переполох у птиц усиливается.

Высадка на пляже западного берега была встречена едва ли не десятком взрывов серого пуха: прямо с гнёзд, разбрасывая собственные яйца, взлетели гаги. Да, человека здесь, безусловно, знали и никаких иллюзий в отношении гостей хозяева не питали. Но мы приехали сюда с определённой программой работ и, чтобы не очень навредить населению этой маленькой суверенной страны, должны были очень торопиться. Николай со связкой колец на шее сразу же начал ловить и кольцевать чайчат. Так как стеллеровой коровы поблизости не наблюдалось, наш журналист Михаил Жилин переключился на фотографирование других обитателей этого птичьего государства.

Меня же в первую очередь интересовали гаги. Гнездовые тихоокеанской гаги на Птичьем, несомненно, уникально. Не знаю, где ещё даже на нашей необжитой Камчатке можно на столь ограниченной территории найти сразу двадцать гнёзд этих птиц. Одни гнёзда здесь располагаются открыто, другие в траве, некоторые под нависшими камнями обрыва. Иногда края двух гагачьих гнёзд соприкасаются. Тут же рядом находятся гнёзда тихоокеанских чаек.

Интересно, что материал, использованный для их строительства этими двумя видами, иногда почти неотличим, в чайчьих гнёздах нередко встречается пух гаги. В одном из гнёзд с семью яйцами гаги восьмым лежало чайчье. Одинаковое по размерам и незначительно отличающе-

еся по форме, оно резко выделялось своей рябой окраской. Однако гагу это, по-видимому, не смущало, и она добросовестно насиживала приёмыша. Недалеко в гнезде чайки с двумя собственными яйцами третьим лежало гагачье. Рядом обнаружилась также смешанная кладка, состоявшая всего из двух яиц. Какая из птиц считала её своей, для меня так и осталось загадкой.

Так тесно живут на острове гаги и чайки, в гнезде гаги (слева) лежит яйцо чайки, в гнезде чайки шесть яиц. Сюрприз в том, что в гнезде чайки могут находиться только три яйца

Насколько можно быстро я беру промеры яиц одной кладки, тщательно закрываю её пухом и перехожу к ближнему гнезду, потом к следующему и следующему. Чтобы не загубить кладки гаг, надо торопиться. Я поднимаюсь вверх к Николаю, к нам присоединяется Михаил, работаем с чайками.

Смелая гага спокойно взирала на нас с гнезда, сделанного в скальной нише

Первыми с нашим присутствием смирились тихоокеанские чайки

Они первыми смирились с нашим вторжением. Взрослых тихоокеанских чаек здесь не менее двух с половиной тысяч, и все как одна в накрахмаленных белоснежных сорочках и тёмных фраках. Ни одной серой неполовозрелой особи в этой колонии мы не обнаружили. Уже опустившись недалеко на землю, птицы ещё что-то выкрикивают в наш адрес, но потом житейские дела берут верх, и супружеские чайачьи пары начинают ревниво осматривать свои, судя по всему, очень мизерные, владения. В колонии тихоокеанских чаек птицы постоянно живут в состоянии «военного перемирия». Стоящая у своего гнезда и с презрительной гордостью поглядывающая по сторонам чайка – это самая яркая поборница частной собственности. На гнездовой участок допускается только второй член семьи. Стоит одному из соседей при посадке промахнуться на сантиметр-два и чуть заступить за только им, соседям, известную запретную черту, куда исчезает величавость хозяина попранной территории. Он сразу же бросается бить мнимого захватчика, при этом, увлечшись, почти обязательно переступает границу, и тотчас сам бывает бит. Как птицы различают границы своих гнездовых участков, для меня так и осталось загадкой. Ясно одно, что в гнездовой колонии чаек существует строгий порядок, и правила общежития здесь должны соблюдаться неукоснительно.

Ждут появления третьего

Массовое появление на свет птенцов здесь приходится на первую половину июля. Сегодня, восьмого июля, по острову бегали не менее семи-восьми сотен чайчат, ещё часть уже вылупившихся, но пока не окрепших сидела в гнездах и приблизительно треть всего приплода колонии терпеливо ожидала своего часа под скорлупой яиц. Значит, в этом году за счёт Птичьего общее поголовье популяции Карагинского острова должно пополниться, как минимум, полутора тысячами молодых тихоокеанских чаек. Это после гибели слабых и больных.

Меня поражает вдумчиво-высокомерный вид птенцов тихоокеанской чайки, которым всего-то три-пять дней от роду. Эта, можно сказать, врождённая царственность осанки, поневоле вызывающая уважение. И, тем не менее, невзирая на пронзительный крик родителей, мы теперь уже втроём ловим благородных отпрысков, надеваем им на ноги металлические кольца и, поздравляя с приобщением к науке, отпускаем.

Птенец чайки высокомерно смотрит на пришельцев

Поднявшийся восточный ветер частично, но всё же спасает нас от «обстрела»: сверху беспрестанно несутся залпы белого «дождя». Удивляет

то, что чайки поливают нас своим помётом не беспорядочно, а именно залпами. По какой команде это делается? Несколько раз около наших ног плюхаются и более тяжёлые снаряды: прилетевшие с кормом для птенцов чайки отрывают его довольно прицельно. Так мы знакомимся с одним из способов биологической защиты чайечей колонии. Скучно было бы нам, не поднимись так вовремя этот стойкий ветер!

Мы не хотели вреда ни самим чайкам, ни, тем более, их симпатичным потомкам. И всё же стали виновниками гибели нескольких совсем юных созданий. Беда в том, что испуганные птенцы, разбегаясь от нас, пытались спрятаться в чужих гнёздах. Иногда за это на них обрушивались два жестоких удара клювом: один в крестец, другой – в место сочленения головы с позвоночником. Первый удар парализует, второй чаще убивает. К счастью, в колонии, видимо, не так много злых взрослых птиц, но всё же они есть – убитые птенцы были на нашей совести, и это значительно испортило наше, поначалу такое хорошее, настроение. Чувствовать свою вину несколько меньшей нам позволяли находки нескольких трупиков птенцов, давность убийства которых (теми же двумя коварными ударами) исчислялась, по крайней мере, двумя-четырьмя днями.

Вся поверхность острова, где есть почвенный слой и хотя бы незначительный уклон, изрыта норами топорков. Нор не счесть. Интересно, сколько в них живёт птиц? Шестьсот-семьсот штук, решил я для себя, так как подсчитать более трёх-четырёх сотен из одновременно видимых никак не удавалось. Впрочем, попытайтесь определить число птиц, а можно даже комаров-толкунчиков, когда их сотни и все они находятся в непрерывном движении. Лично для меня это всегда было и осталось неразрешимой проблемой.

Улетевшие при нашей посадке на остров топорки мало-помалу начали возвращаться. Всё ближе и ближе около нас стали садиться птицы. Это не значило, что в их глазах мы становились симпатичнее: в сильно насиженных яйцах при их переохлаждении могла угаснуть жизнь, и инстинкт против их желания гнал птиц в наше общество. Прилетающие к гнезду топорки, стоя у норы, с нетерпением переминались с ноги на ногу и смотрели на нас белыми глазами, как бы говоря: «Скорее бы

вы убирались отсюда!» Тороплюсь достать из норы, замерить, вернуть на место яйцо и, не задерживаясь, перемещаюсь метров на пять. Птица тотчас ныряет в свою нору.

Мне не однажды приходилось слышать рассказы о том, что топорок, сидящий на гнезде, спасаясь от человека, выкатывает ему своё яйцо. На Птичьем мы такого не увидели. Здесь нам пришлось наблюдать совсем другой, взволновавший нас, эпизод. Застав в неглубокой норе топорка, я решил его окольцевать. Птица против обыкновения не пыталась даже улететь. По-очереди заглянув в нору, мы видели, что топорок, лёжа грудью на яйце, упёрся клювом в землю и лишь как-то по-человечески горестно вздыхал. Я попытался снять птицу с яйца. Топорок ещё сильнее прижался к нему грудью и даже не пытался ущипнуть незащищённую руку, что в подобной ситуации не преминули бы сделать сотни других его сородичей. Мы оставили самоотверженную птицу в покое и поспешили уйти подальше от норы.

Топорки – «жители подземелий» Птичьего острова

Так сколько всё-таки на острове топорков? Об этом мы узнали только на другое утро. Рассматривая островок в сильный бинокль, я был искренне удивлён, когда увидел, что он буквально весь усыпан топорками. Птицы, торжественно стоя у своих нор, встречали солнце. Они напоминали ночную смену шахтёров, вышедших из шахт, но забывших потушить фонари – так ярко сверкали освещённые солнцем их удивительные красно-жёлтые носы. Трижды, как мог, пересчитал я птиц: 1 700 штук – это только на западной стороне островка. Думаю, что всех их здесь было как минимум 3 000 особей. Так вот кто оказался истинным хозяином острова Птичьего!

Были у нас и другие интересные находки. В одном из покинутых гнёзд тихоокеанской чайки наше внимание привлекла большая разница в размерах двух лежащих там яиц. Меньшее, как оказалось, совсем не содержало желтка. В одном из гнёзд берингийского баклана – их на острове гнездились 180–200 особей – кладка состояла из трёх пустых яичных оболочек. Они были очень мелкими, почему я и обратил на них внимание.

Кроме уже названных видов, на Птичьем острове мы встретили единично гнездящихся моевок, одного чистика, две-три пары белых трясогузок. Самой же неожиданной для меня была встреча здесь самки шилохвости. Утка так и не поднялась на крыло, а потревоженная нами просто отплыла подальше от берега. Как она могла оказаться в совершенно несвойственной ей станции, для меня это стало ещё одной загадкой без ответа.

Птичий остров для орнитолога оказался истинным кладом ценнейшей информации. Даже на Карагинском острове трудно найти ещё столь насыщенный птицами и поэтому исключительно ценный для учёного уголок. За это первое, очень короткое своё пребывание на Птичьем мы успели сделать немало. Но выполнена была лишь незначительная часть намеченной мной программы работ. Следовательно, необходимо было посетить островок ещё хотя бы раз. Для этого предстояло сутки ожидать следующего прилива.

Чем бы я ни занимался в эти часы, мысли мои вновь и вновь возвращались к кладкам гаг – не застужены ли они были вчера, к заклёванным

по нашей вине чайчатам. Проходя по тундре, я напряжённо ожидал, что моя нога вдруг, как там, на Птичьем, провалит нору топорка, и я услышу его горестный вздох. Не слишком ли велики были жертвы, принесённые вчера ради полученных мной знаний, и так ли их «требуется наука»? Я ещё не знал, что моих спутников мучили те же думы. И когда Николай Бондырев как-то подавленно спросил, когда собираться на остров, я ответил, что мы больше туда не пойдём. И услышал облегчённые вздохи моих друзей.

Выйдя по приливу из Яклегрываям, мы возвращались на север. До самой Северной бухты я находился в непривычном для себя тревожном раздумье. На Карагинском острове я уже не первое «поле» и успел убедить местных коряков в скором заповедании их «малой родины». Зная о моём, госохотинспектора, особом интересе к охране природы Карагинского острова, на Птичий пока перестали наведываться сборщики яиц. Но зато всё растущая армия «искателей экзотики» и сувениров ежегодно совершает свои набеги на остров Карагинский и, боюсь, скоро эта беда не минует Птичьего. И сейчас уже люди, вооружённые фото- и киноаппаратурой (пилоты, геологи, геодезисты), едва ли не ежегодно сажают там свои вертолётки. Когда я представляю себе, как эти «любители природы» равнодушно давят ногами гнёзда топорков с птенцами, ловят чайчат и фотографируются с ними, счастливо улыбаясь в объектив, я очень понимаю учёного Форбеша, героя книги Г. Биллинга «Один в Антарктиде». Он, в течение нескольких месяцев в одиночестве изучавший жизнь пингвинов, встретил первых прилетевших к нему людей негодующим выкриком: «Идиоты несчастные!» Это были вертолётчики, посадившие свою машину прямо на гнездовье пингвинов. Я бы сказал то же самое тем, кто постоянно сажает вертолётки на маленькую, совершенно не защищённую от варваров точку нашей Родины – остров Птичий. Четыре года потребовалось нам, чтобы добраться до острова, который до меня не посещал ни один зоолог. Зато вертолёту с равнодушными к нашей прекрасной природе людьми достаточно нескольких минут, чтобы только при посадке сдуть в море, убить о камни многие десятки юных жизней и ещё раз закрепить в па-

мяти птиц панический страх перед человеком. Примите это к сведению, пилоты авиаотрядов Камчатки!

В 1914 году в замечательнейшей, первой такого плана в России брошюре «Охрана памятников природы» академик И. П. Бородин писал: «Мы являемся обладателями в своём роде единственных сокровищ природы. Это такие же уники, как картины, например, Рафаэля, – уничтожить их легко, но воссоздать нет возможности». Потом эти же слова, но уже применительно к памятникам природы всего мира, были повторены Б. Гржимеком.

Мы не имеем права этого забывать.

Олени

А сейчас я хочу вернуться к табунку северных оленей, которых мы видели по пути к Птичьему острову в бухте Северной.

О северном оленеводстве на острове Карагинском, вероятно, можно было бы написать целую книгу. Можно было, если бы ветер времени не разметал ее страницы, унеся многие из них в небытие. Первые главы этой не написанной книги могли бы рассказать, как давно жили на острове оленные аборигены. Может быть, археологи, которых ждёт не дожждётся Карагинский остров, когда-нибудь отыщут какие-то из этих глав под вековыми напластованиями праха ушедших времен. Сейчас же мы знали лишь немного, и это малое тоже вот-вот может потеряться.

Что же знаем мы сейчас из печатных, рукописных и изустных источников о домашнем северном оленеводстве острова Карагинского?

Пока известно лишь то, что около 1895 года пять семей коряков, дождавшись, когда в проливе, разъединяющем Камчатку с островом, станет крепкий лед, ушли в поисках счастья на далекую землю, сверкающую в стылой дали белоснежными зубчатыми хребтами гор. Они шли туда с небольшим оленьим стадом и большой надеждой на новую лучшую жизнь. Остров их встретил благосклонно, оленьё стадо быстро росло. И в 1910 году генерал-губернатор Унтербергер сообщал,

что на Карагинском острове живут около семидесяти коряков, а стадо оленей насчитывало до 4 000 голов.

В 1912 году с целью обследования островного оленеводства на Карагинский был командирован ветеринарный врач Грюнер. Из его рукописного отчета следует, что в тот год численность домашних северных оленей на острове определялась в 16 тысяч голов. Масса других несуразных сведений в отчете этого автора, как замечает В. Разумовский, заставляет относиться к этой цифре более чем с осторожностью. Увеличиться за два года четырёхкратно оленьё стадо, конечно же, не могло. Да и не столь обширные здешние пастбища вряд ли могли бы прокормить такое огромное стадо оленей. К тому же, лично Грюнер оленей острова не пересчитывал.

Нелегкой была судьба островного оленеводства с самого начала только что зародившегося века двадцатого. Известно, что в зиму с 1918 на 1919 год стадо северных оленей острова насчитывало около 5 тысяч голов. Из доклада Дранкинского волостного революционного комитета Камчатскому губернскому ревкому от 4 сентября 1924 года мы узнаем, что в начале 1919 года все коряки острова вместе с табуном оленей по льду пролива перекочевали на Камчатский полуостров. Автор доклада выдвигал две версии этого: первая из них – недостаток корма для оленей на острове, и вторая – принудительное переселение островных коряков оседлыми жителями села Карага с целью получения дармового оленьего мяса. Полностью отвергая свое первое предположение, так как в таком случае, справедливо замечает автор доклада, с острова-де можно было бы перегнать лишь часть животных, он укрепляется во втором.

Ненадолго хватило материковым корякам островной оленины, уже через год от пятитысячного табуна животных не осталось ничего. И летом 1920 года девятнадцать коряков вновь переселились на остров. Благо, при прошлогоднем исходе хозяев часть олешек (так ли уж случайно) затерялась в островных распадах, да несколько убежали обратно на остров во время переправы через пролив. С этих вот, вероятно, нескольких десятков голов стадо начало возрождаться вновь, и уже

к 1925 году четырнадцать семей коряков владели табуном в 500 оленей. Почти столько же, а именно 480 этих животных, учтены на Карагинском острове при переписи 1926–1927 годов.

В 1927–1928 годах для поддержания клеточного звероводства какое-то количество домашних северных оленей было завезено рыбокомбинатом АКО. Очевидно, этих оленей и имел в виду В. Разумовский, сообщавший, что в 1928 году, кроме стада туземцев, к которому они относились очень бережно, на острове уже пасся и табун АКО. Ликвидация питомника пушных животных спасла оленей (кроме старых выбракованных быков) от убоя на мясо, и стадо АКО с 420 животных в 1932 году через два года достигло численности в 814 голов. Стоимость одной «оленьей головы» в то время равнялась заготовительной стоимости двух сданных охотником лисьих шкурок.

В середине 1940-х годов поголовье оленей на Карагинском насчитывало до 4 тысяч. Уже пять стад кочевали по острову: два из них по 800 голов каждое принадлежали рыбокомбинату, по 800 оленей имели рыбокооп и колхоз, около 600 паслись в личном табуне аборигенов. Об этом поведал Иван Тимофеевич Лазарев, который до 1945 года числился учетчиком оленей в северном комбинатском стаде. К 1950 году, сообщил мне в письме Н. Е. Гейченко, на острове в пяти табунах паслись около 7 тысяч животных.

В 1950 году при директоре комбината А. М. Соколовском на Карагинском острове случилась страшная катастрофа: дождь, снег, мороз образовали «тройную корку» гололеда, погубившую почти всех оленей. От тысячных табунов до весны дожили лишь семьдесят шесть едва передвигавшихся «оленьих скелетов». Не имея возможности пробиться к ягелю, олени питались хвоей и ветками кедрового стланика. Животных собрали в один табун, который со временем довели до тысячи голов. С тех пор единоличным хозяином оленей на острове стал колхоз «10 лет национальных округов», а в 1960 году, после объединения двух хозяйств – колхоз «Ударник».

При первом нашем с Юрием Воропановым посещении Карагинского острова всюду, где мы бывали, в глаза бросались следы недавнего

страшного мора оленей. От бухты Северной до мыса Кекурного и далее на юг почти в каждом распадке восточного побережья кучки оленьей шерсти белели еще свежими костями погибших бедных животных. Так с ними расправился очередной зимний гололед. Как оказалось, в зиму с 1963 на 1964 год та же беда настигла оленей и на американском острове Святого Матвея, также находящемся в Беринговом море. Там от 6-тысячного стада животных к весне остались лишь 45 еле передвигающихся оленей. Цепочка этой катастрофы имела те же, что и на Карагинском острове, три звена: истощенность кормовой базы – чрезмерное число оленей – экстремальная по погоде зима. На нашем острове уже в первую последовавшую за катастрофой оленьего стада весну небывалую вспышку численности дала популяция росомахи. Так в дикой природе смерть одного вида животных нередко становится праздником жизни для другого.

Очевидно, эта последняя потеря большей части стада чуть было не лишила жителей Карагинского острова их исконного средства существования. Так или иначе, правление колхоза «Ударник», тогдашнего хозяина оленьих табунов, признало эту отрасль хозяйствования на острове нерентабельной. Оленям был вынесен смертный приговор. Забой всех животных был назначен на осень 1969 года. Оленеводов же острова, благо их было там не так уже и много, вероятно, предполагалось вывезти в село Карага. Как мы видим, по прошествии полувека история повторялась. Впрочем, вряд ли нынешние вершители судеб людей и оленей острова Карагинского с этой историей были знакомы. А не мешало бы.

Тогда к председателю правления колхоза пришел на приём молодой директор государственного охотничье-промыслового хозяйства «Карагинский» Анатолий Коваленков. Узнав о том, что он хочет купить для своего хозяйства полторы-две сотни островных оленей и тем спасти островное оленеводство, председатель не захотел на эту тему даже разговаривать.

А несколькими днями позже на прибойку близ села Ягодного с борта катера спустились двое молодых крепких парней, судно сразу же

отошло к косе Лекало. В селе прибывшие о чем-то переговори́ли с коряком Лазаревым и затерялись в островных горах и распадках. Через два-три дня они опять появились в селе, ни с кем здесь не поговорив, прошли к морю, развели на берегу костер и вскоре поднялись на подошедший за ними катер. И всего через четыре часа парни входили в директорский кабинет госпромхоза, хозяином которого, как оказалось, был один из этих двоих.

К месту забоя стадо пришло не все. Неожиданно для пастухов и прибывших на катерах представителей колхозного руководства по пути своей «последней кочевки» где-то затерялись более ста животных. Раз за разом уходили на их поиски местные пастухи и прибывшие на забой коряки села Карага, но возвращались ни с чем. Олени будто растаяли среди островных холмов. Возвращаясь, сконфуженные пастухи только разводили руками:

– Нетту олешка! Ушёл куда-т-то!

Задерживать на острове Карагинском суда становилось накладно, да и опасно: осенние шторма, которые вот-вот должны были принести западные ветры, могли навсегда оставить на берегу пригнанные за мясом плоскодонные плашкоуты. Поиски сбежавших оленей решили прекратить.

А тут, кстати, в конторе колхоза с каким-то вопросом «совершенно случайно» появился Коваленков. На этот раз председатель чуть ли не сам предложил ему «по страховой стоимости» расплатиться за «оставленных» на острове оленей. Колхозу тотчас была перечислена оговоренная сумма. А маленькому, «чудом спасшемуся» островному стаду предстояла большая задача в который уже раз поднимать домашнее северное оленеводство острова Карагинского. Да что там Карагинского: пройдет совсем немного лет, и табуну местных оленей будет поручена почётная миссия возрождения погибающего одичавшего стада северных оленей Командорских островов. И автором, и исполнителем этой идеи будет всё тот же Анатолий Коваленков.

Так что в Северной бухте мы, вероятно, встретили едва ли не всё на тот период времени оленьё стадо Карагинского острова.

Коваленков

Неоднократно упоминая фамилию этого человека, я, очевидно, должен рассказать о нём более подробно. Для работы на Карагинском острове мы имели катера, новейшие лодочные моторы, только ради нас двоих с Николаем Бондыревым на остров специально направлялось пассажирское судно «Фрион», прилетал я туда и на вертолёте Ми-4. Всё это совершенно бескорыстно предоставлял нам главный охотовед, затем – директор госпромхоза Анатолий Коваленков.

А. Г. Коваленков

Мы познакомились в 1957 году, когда абитуриентами-охотоведами оказались в одной маленькой, всего лишь на троих парней, комнатке общежития Иркутского сельскохозяйственного института. Живший до того в жарком Узбекистане, охотившийся в дельте Аму-Дарьи, начитавшийся Джека Лондона, Анатолий решил связать свою судьбу с севером Камчатки.

«Лев» по гороскопу, Коваленков в полной мере обладал всеми, в том числе лично мне противными, качествами этого знака. Одно из главных «львиных» достоинств Анатолия – это постоянное стремление управлять не только людьми, но и обстоятельствами. Умение на равных дружить с людьми известными и влиятельными, стремительная реакция в опасной ситуации и волчья хватка, когда дело касается выгоды для его хозяйства, его личного престижа, – вот отличительные черты характера этого человека. Сам себя он называл «волком-одиночкой». Я бы определил его как «лидера-агрессора».

Став в 1967 году директором госпромхоза «Карагинский», вместе с «вывеской» и нелестной славой этого слабенького хозяйства молодой руководитель получил и его огромные по тем меркам долги. Но он должен быть везде первым!

Организация «пропажи» части стада колхозных оленей на Карагинском острове была всего лишь одной из самых лёгких операций Анатолия Коваленкова. А они, эти операции, следовали одна за другой. На магаданском побережье на одно лето он «оживил» заброшенную колхозом береговую рыбообрабатывающую базу, и нет больше «наследственного» долга хозяйства. В стране только-только стала зарождаться мода на изделия из нерпичьих шкур, и Коваленков тотчас развил небывалую ранее на Камчатке организацию массового промысла морского зверя, переработку сырья и изготовление модной одежды. Не в пример другим хозяйствам района госпромхоз Коваленкова обзаводился списанной в воинских частях добротной техникой, строился и стремительно богател. Уже через три года всех «высоких» гостей района везли на край посёлка Оссора показывать самое перспективное и самое ухоженное хозяйство райцентра – госпромхоз «Карагинский».

Коваленков между тем постоянно балансировал на «лезвии ножа», по одну сторону острия которого стояла выгода для управляемого им хозяйства, по другую – в нетерпении потиравшие руки сотрудники ОБХСС. Милиция, классифицируя любые действия молодого рискованного директора не иначе как «афёры», давно уже считала его своим будущим «клиентом». Впрочем, утверждать, что служители Уголовного кодекса того времени всегда были неправы, я бы не рискнул.

Одним из ключевых слов, которыми можно охарактеризовать Анатолия Коваленкова, должно стать слово «авантюрист». Но не ищите определений этому понятию в словарях советских изданий. Я же хорошо помню объяснение своей школьной учительницы: «Авантюристы – это люди, прежде всего, безрассудно смелые, готовые к очень рискованным предприятиям, к военным походам. Ермак, Атласов, казаки, осваивающие Сибирь, мореходы, уходящие в неизвестность, в океан – все они авантюристы в полном понимании этого слова. И, конечно же, они далеко не ангелы». Если же мы с вами заглянем в словарь английского языка, то увидим, что «авантюра» и «приключение» там обозначаются одним словом – «adventure».

Все известные мне авантюры Коваленкова заканчивались неизменным успехом. В основе его удач лежало отнюдь не слепое везение (хотя было и это), все операции тщательно продумывались, просчитывались. Успех же, как мы знаем, порождает больше завистников, чем почитателей. К тому же Анатолий обладал ещё одним качеством – умением чуть ли не специально наживать себе врагов. «Коваленков – хищник! Коваленков – волк!» – наперебой закричали средства массовой информации.

В 1960-х годах у Анатолия Коваленкова были едва ли не самые лучшие (другого он себе позволить не мог) на севере Камчатского полуострова ездовые собаки. Псы его были не только ухожены и сильны, но и беспрекословно послушны хозяину. Сколько раз Анатолий на своей карте в лютовую пургу попадал в смертельно опасные ситуации, и тогда его выручала верность вожака, преданность собак.

Зимой 1966 года Коваленков и я на нарте пошли в двухсоткилометровый маршрут, конечной точкой которого стал посёлок Ука. На первую ночёвку остановились в доме корякской семьи на окраине посёлка Карага. Только-только заступившего в должность главного охотоведа района здесь видели впервые.

Хозяин был на охоте: лежал где-то в снегу, ждал выхода из норы лисицы. Об электричестве в этом доме, похоже, и не мечталось, кое-как коптила керосиновая лампа. Хозяйка на печке вскипятила для нас чайник. Детишки, не помню, двое их было или трое, засели в тёмном углу и, видимо, обсуждая гостей, шушукались и тихонечко смеялись. Мы попили чаю, оставили на столе печенье, масло и другие продукты. Вскоре с неудавшейся охоты – лисица из норы так и не вышла – вернулся отец, и семья села за стол. Картошка в котелке, немного хлеба и чай без сладкого – вот и весь ужин бедной корякской семьи. Мы сказали, что всё на столе оставлено для них, и лишь после этого дети несмело потянулись к печенью и конфетам.

После ужина Коваленков завел разговор с отцом семейства:

– Сколько вам нужно денег, чтобы прожить до весны?

– Нам много не надо. Но как я возьму деньги, ведь я ещё ничего не добыл.

– Вот деньги. До весны на сахар, масло, хлеб вам хватит. Когда будете сдавать пушнину, отдадите эту сумму заготовителю госпромхоза. Но только если сможете нормально прожить дальше.

Кто-нибудь писал о таком Коваленкове?

Став директором госпромхоза, стараясь сохранить в неприкосновенности тундры острова, Коваленков «не пустил» на Карагинский ни одного своего гусеничного вездехода, ни одного трактора.

Покупая у колхоза «затерявшихся» на острове оленей, он беспокоился не только о возможной выгоде своего хозяйства, не менее его волновала судьба остающихся без средств существования коренных островитян-оленоводов. И никакой выгоды для своего госпромхоза, для себя лично не видел Коваленков, когда на Карагинском острове организовывал отлов оленей своего хозяйства и на своём судне вёз их на Командоры. Хотел

одного: помочь выжить вымирающему командорскому стаду одичавших северных оленей. И только благодаря одному этому человеку оленье стадо острова Беринга в настоящее время процветает.

Никогда так хорошо не жили на Карагинском острове коряки, как при директоре Коваленкове. Через много лет, когда он уже давно не работал в районе и прилетел туда на вертолёт, старый коряк Егор Ефимович с укором спросил «своего директора»:

– Что же ты так долго у нас не был? Почему ты забыл про нас?

Мне же остаётся только сказать: если я в чём-то преуспел, работая на Карагинском острове, то значительная доля этих успехов стала возможной благодаря человеку, фамилия которого вынесена в заголовок данного рассказа.

Орнитологический заказник

Надо ли говорить о том, что в годы моего счастливого знакомства с Карагинским островом я был совершенно «законченным» инспектором, притом с весьма радикальными взглядами на вопросы охраны природы. Уже на второй наш полевой островной сезон мы с Юрой пришли к убеждению в необходимости скорейшей организации на острове заказника со строжайшим режимом охраны.

В декабре 1970 года решением Камчатского облисполкома «Об организации заказника “Остров Карагинский”» здесь был установлен полный запрет охоты на птиц и «прочие действия, могущие нанести вред природе острова». Несколькими месяцами позже нами была предпринята попытка поднятия статуса заказника до республиканского уровня, однако в Москве данное решение облисполкома поддержки не нашло.

Прошло несколько лет. Во ВНИИ охраны природы я защищал кандидатскую диссертацию по теме «Эколого-географический анализ авифауны Карагинского острова». После моего доклада вопросов было немного. Один из них и ответ на него я постараюсь воспроизвести по возможности предельно точно.

– В докладе прозвучало, что Вы организовали орнитологический заказник «Карагинский остров». Разъясните, пожалуйста, этапы создания данного заказника и Ваше личное участие, Вашу роль на этих этапах.

– В 1969 году, после очередной экспедиции на остров, я подготовил письмо с кратким описанием его уникальной природы и ненавязчивой рекомендацией районным властям выступить инициаторами создания орнитологического заказника «Карагинский остров». Письмо за подписью начальника Управления охотничьего хозяйства ушло в Карагинский райисполком. Через год, при следующей моей экспедиции на остров, будучи в Оссоре, я зашёл к заместителю председателя райисполкома с вопросом, почему нет ответа на письмо. «У нас некому было его написать», – сообщили мне. Не выходя из кабинета, я подготовил письмо, в котором районные власти сообщали об уникальности природы Карагинского острова и просили Камчатский облисполком об организации на острове заказника. Когда через месяц я вернулся с острова в Петропавловск, в облисполкоме, хотя я туда и пришёл с готовым уже пакетом документов, меня ждал выговор «за волокиту в решении важнейшего природоохранного вопроса». Там же мне очень убедительно было рассказано «об уникальности» природы Карагинского острова.

– Вы удовлетворены ответом? – спросил председательствующий на защите.

– Да! – улыбаясь, ответил задававший вопрос. Улыбались все присутствующие в зале.

Статус заказной территории по «хотению» властей новой формации остров практически потерял в начале нового тысячелетия.

Кузнецовы

При первом и втором посещениях острова в посёлке Островном мы с Юрием видели ещё одного человека. Кажется, он был бухгалтером ликвидированного комбината. Когда посёлок «закрыли», ему то ли некуда было уезжать, то ли были другие причины остаться. Запомнился

мне этот человек каким-то одиноким. Мы иногда видели, как он тихонечко прогуливался вдоль берега, но наши пути с ним так ни разу и не пересеклись. К 1969 году он всё-таки с острова съехал, а в бывшем его доме ко времени моей, уже с Николаем Бондыревым, очередной экспедиции поселилась целая семья Кузнецовых – мать с тремя сыновьями. До этого жили они в селе Красном на восточном побережье Камчатки, на остров же семью перевёз Коваленков. Парни должны были промышлять здесь пушнину. В июле, когда мы их впервые увидели, до охоты было ещё далеко, молодые люди от нечего делать либо мотались по морю на лодке, либо боролись с алкогольным зельем – уничтожали очередную флягу приспешей браги.

Мать братьев, тётя Вера, как мы её называли, очевидно, из тех несчастных женщин, которые когда-то в попытке вырваться из беспросветной нищеты очертя голову бросились за счастьем «на севера». Но везло здесь, увы, не всем даже в те 1940-е, очень богатые рыбой годы, когда, по моим прикидкам, и должна была появиться на Камчатке девушка Вера. Сама ли она в том была виновата или «судьба такая», но везения на долю Веры не досталось: три сына – вот всё сомнительное богатство, нажитое этой бедной женщиной на Севере. Потом мне довелось увидеть «дом», в котором жили мать с сыновьями до появления на Карагинском острове. Это была даже не землянка, а что-то, похожее на шалаш, притом стоявший где-то на отшибе, в стороне от села, практически в тундре. Трудно поверить, что можно вообще как-то жить в таких условиях. В «доме» даже пол отсутствовал, впрочем, его могли разобрать и после отъезда семьи.

Судя по всему, отцы у детей были разные, очень непохожими оказались и парни. Старший – Василий отслужил в армии, был женат, но разошёлся. Васька был хитрый и нечестный. Средний – Николай, «дитя весёлого ужина», был рослым и физически очень сильным. В моём сознании он почему-то ассоциировался с неандертальцем, непостижимо как попавшим в наш век. В нём всё было первобытным. И ум тоже. Но я совсем не хочу сказать, что он был глуп. В 1970 году уже вне острова мне пришлось прожить рядом с Николаем три недели. Мы подолгу

разговаривали, и я понял, что он всё воспринимает не как мы: Коля, как ребёнок, считал, что окружающий его мир обязательно должен быть чистым, лишённым зла и плохих поступков.

Василий побаивался брата, так как в гневе тот был неуправляем. Узнав как-то, что Васька продал на проходящее судно икру, а это было «незаконно», Николай, обычно добрый, исподволь пришёл в ярость. При первом же «празднике» по случаю поспевшей браги за проданную совесть старший брат рассчитался несколькими передними зубами. Во избежание смертоубийства, Николая с Карагинского острова отправили в «ссылку»... на Камчатку, в село Тымлат. Но это случилось уже после первой той нашей встречи с семьёю на острове.

Третьему брату – Сашке в 1969 году было около семнадцати. Очень симпатичный, улыбчивый, пока ещё не видевший большого города парнишка сразу покорила меня цельностью натуры, желанием и неумением спорить, исключительной наблюдательностью и любознательностью.

Осенью 1970 года перед отъездом с острова я попросил Сашу вести для меня дневник наблюдений за зимующими птицами. Птиц, как я убедился, он различал довольно хорошо, только называл их по-своему. Несколько коротких совместных маршрутов, простейший отечественный цветной «Определитель птиц», и из Сашки получился прекрасный наблюдатель.

Первый полученный мной дневник начинался с эпитафии, автором которого, несомненно, был сам Александр Кузнецов. «Людам надо верить!» – написал он и проставил первую дату записи – 11 октября 1970 года. В этот день мы с Василием Фёдоровичем Гавриным, первым моим научным руководителем, покинули Карагинский остров. Изю дня в день Саша вёл наблюдения за погодой, за птицами острова. Я и сейчас время от времени возвращаюсь к этому дневнику. До сих пор не могу без волнения читать запись в дневнике от 16 апреля 1971 года. Саша пишет, что этот день для него «и самый горький и радостный». Горький потому, что сегодня узнал о трагической смерти Николая, которого он очень любил. Радостный потому, что в этот день Саша получил «первую в своей трудовой жизни Похвальнойную грамоту».

Дневник он заполнил вечером: описал погоду, сделал записи по пролёту морянок. Потом лёг в постель и не заснул до утра: плакал по бедному Кольке, вспоминал всё, что было с ним связано.

Василия известие о смерти брата не тронуло. Когда же он «фальшивеньким голоском» стал утешать плачущего Сашку, тот окончательно потерял для себя и второго брата: в дневнике о нём больше не было ни одного доброго слова. Василий ненадолго пережил Николая, он, «захватив» с собой двух местных оленеводов, утонул в проливе Литке летом 1972 года.

Сашку забрали в армию, но долго он там не задержался, парня комиссовали по здоровью. И Александр вернулся на остров, но уже в качестве егеря зоологического заказника «Карагинский остров». Для браконьеров, нет-нет да заглядывавших летом на Карагинский пострелять кроншнепов-«ягодников», встречи с молодым непримиримо-жёстким егерем были весьма неприятны. А я год за годом получал от своего замечательного, совершенно бескорыстного помощника бесценные дневники его наблюдений. Ежедневные записи в них были очень короткими: погода, маршрут, конкретные наблюдения. Саша нашёл на острове несколько новых, не отмеченных мной видов птиц, не забывая при этом в качестве подтверждений высылать их шкурки, дал прекрасную фенологию прилётов-отлётов и зимней жизни птиц. И вот ещё одна замечательная дневниковая запись моего доброго друга: «5 июня 1983 г. С утра облачно, тихо. К вечеру прояснило, подул южняк. Температура утром +11, вечером +13. Сегодня в 9 часов утра Татьяна родила сына! (Назвал Колькой.) Родила дома, принимать пришлось самому. Поэтому было не до наблюдений. А это ещё, плюс к тому, и день моего рождения...». Далее кратко сообщил-таки о наблюдаемых им в тот день птицах. Таков он, Александр Кузнецов.

Сашины данные значительно дополнили и украсили мою диссертацию по птицам острова, частично нашли отражение и в диссертации сына Юрия. И использованы они ещё далеко не полностью: надеюсь, что имя Александра Кузнецова будет упомянуто нами ещё не в одной научной статье.

Моя семья

Один из моих последних полевых сезонов на Карагинском острове летом 1978 года я провёл со своей семьёй: женой Алей и двумя сыновьями. Жили мы в селе Ягодном, свободно помещаясь в двух маленьких комнатках вместе с семьёй егеря заказника «Карагинский остров» Александра Кузнецова.

Село опустело. Уже давно нет в живых Елизара Ивановича Котлова, с которым я всё собирался, но так и не нашёл времени поговорить. Утонул в проливе ещё тогда, вместе с Василием Кузнецовым, бригадир оленеводов Максим Попов. Никогда уже не придёт в село старожил острова дед Ефим. Его сыновья Егор и Алексей постоянно находятся при табуне, либо, сменяя один другого, в доме, построенном для оленеводов Коваленковым, на реке Маркеловской. Где-то рыбачила семья Майновье. Вероятно, неинтересно ехать сюда на каникулы и молодёжи, её всё больше стали привлекать большие города, другая жизнь. Постоянным «невыездным» жителем села оставался лишь Иван Тимофеевич Лазарев. По соседству с ним и нами жила семья одного из находящихся при табуне оленевода.

Каждое утро Аля толкала меня в бок и показывала на окно: там, расплющив о стекло нос, на нас смотрел соседский мальчишка лет пяти-шести. Ему всё про нас было интересно, а ещё он ждал, когда проснётся Игорь. Позавтракав, мы занимались каждый своими делами. Аля прямо-таки «балдела» от обилия княженики, плантация которой началась буквально в полутора-двух метрах от тыльной стенки нашего дома. Младший сын Игорь с нетерпением ждал каждого утра, а потом вечера, чтобы идти снимать наш улов с воткнутой в берег удочки — палки с верёвочкой, на конце которой был привязан загнутый гвоздик. И он, улов, у нас случался в обязательном порядке, так как Иван Тимофеевич перед этим тихо приходил и клал в траву около порога нашего жилья очередную большущую кету, которая после ещё одной «тайной операции» и оказывалась нашей с Игорем постоянной удачей. Рыбина с удочки тотчас попадала в ловкие руки Сашиной жены Татьяны, и мы с сыном были горды тем, что являлись кормильцами сразу двух семей.

Аля на берегу Гнுவаям варит уху из «нашего» с Игорем улова

Изнывающий в нетерпении соседский пацан, наконец, дожидался, когда Игорь переживёт свой очередной рыбацкий успех и обратит на него внимание. И тогда мы слышали:

- Давай будем играть!
- Давай! Мы будем космонавтами!
- Не-е-ет! Я буду табунщиком!

Летняя погода здесь баловала нас тёплыми днями и изумительными вечерними закатами. А однажды моя семья впервые услышала поразивший их жуткий «волчий» вой: привязанная на весь бесснежный период года на берегу реки стая ездовых собак извещала о приближающемся ненастье.

К утру под напором сильного северного ветра море расвирипело: вал

за валом бросало оно на речную косу свои волны, желтые от поднятого ими же с прибрежного дна песка. В Ягодном невесело. Вчера ещё так радующие глаз яркие цветы на берегу Гнунваям: фиолетово-розовый иван-чай, золотисто-лепестковый крестовник и белоцветный тысячелистник сейчас под дождём сникли, посерели. Опять тоскливо, по-волчьему воют псы: им уж точно больше чем нам не в радость ветер, дождь, шторм. Но зато непогоде рады чайки. Самые мелкие их представители – алеутские и полярные крачки прекратили свои извечные крики и споры и все до одной, старые и недавно лишь поднявшаяся на крыло молодёжь, снуют недалеко от берега над морем, едва не задеваемые белыми гребешками волн. То одна, то другая крачка припадает вдруг к воде, и в клюве её появляется маленькая рыбка, поднятая со спасительной глубины грязными безжалостными волнами. Конечно, тут как тут и «полицейский» чаячьего племени, бессовестный мздоимец – короткохвостый поморник. Я уже говорил о том, что этот вид на острове предпочитает грабить именно этих маленьких чаечек.

Вдоль прибойной полосы мимо села одиночками или небольшими группами пролетают моевки. А вот крупных чаек почти не видно. Ещё три и два дня назад много их летело на север – «навстречу шторму», как мне ещё тогда очень уверенно сказал коряк Лазарев. Наверное, где-то там, чайки знают где, штормовые волны сулят птицам обильную пищу. Для меня же было удивительным не столько то, как о приближающемся шторме узнают тихоокеанские чайки, сколько поразила наблюдательность островитян-коряков, точно знающих, что означает это перемещение птиц.

В один из наших безмятежных дней я сижу с Иваном Тимофеевичем Лазаревым на берегу Гнунваям. Прошу его рассказать о себе. Иван родился на острове в 1925 году. Говорит, что в то время здесь была церковь и даже жил поп. Я отмечаю про себя некоторые «разночтения» в моих данных относительно местного «батюшки», но Лазареву об этом не говорю, голова у него светлая, и он, возможно, более прав. Я уже упоминал о том, что Лазарев был горбат. Это своё увечье он называл «болезнью», но на судьбу не жаловался. Жена Ивана трагически

погибла, и сейчас он жил вместе со своей старшей, на нашей памяти тоже одинокой, сестрой. Ирина, даже будучи уже очень «древней», содержала дом в удивляющей нас чистоте.

Прошу рассказать про давнее время, припомнить легенды островных коряков. Но Лазарев смеётся:

– Я плоховатый рассказчик, малограмотный, всего четыре класса кончил. И я не верю ни в бога, ни в попа, ни в легенды.

Иван Тимофеевич лукавит. Конечно, он мог бы рассказать мне многое, но на удивление стеснительный, скромный человек, Лазарев считает всё, что он знает, вполне обычным и для приезжего горожанина неинтересным. Тогда я перевожу разговор на другую тему:

– Иван Тимофеевич, на острове также быстро бежит время, как у нас в городах?

– Так же.

– Но почему? Мы там ездим на автомашинах, летаем на самолётах. Кажется, обгоняем время, а оно от этого летит ещё быстрее.

Лазарев внимательно смотрит на меня:

– Приходилось ли тебе ездить на нарте много раз по одной дороге? Или на лыжах идти, на лодке плыть? Ты, наверное, заметил, что когда едешь первый раз, дорога кажется длинной-длинной. Ты смотришь и смотришь по сторонам, много видишь, и всё тебе интересно. Ты видишь снежные горы, впервые увидел этот лес, смешной пень, давно сгоревший кедрач, так похожий на человеческие скелеты. Потом ты едешь по этой же дороге второй, третий раз. Многое тебе уже знакомо: пень, который больше не кажется смешным, кедрач, лес, горы. В следующий раз ты увидишь горы и лес, но не заметишь, как прошла дорога. Ты понимаешь, о чём я говорю?

Вспомни время, когда ты смотрел на жизнь глазами ребёнка. Это всё равно, что ты шёл в дорогу впервые. Вспомни, какими длинными были дни и годы детства. Ты всё видел в первый раз, потому и жизнь у тебя тогда была длинной и интересной. Когда ты решишь для себя, что всё видел и всё знаешь, что прошёл все дороги, что нигде больше нет ничего интересного, остатки жизни будут лететь для тебя незаметно и быстро. Но ты, мне кажется, прошёл ещё не все свои дороги.

Мне нечего ответить мудрому коряку. Но, скажите, откуда в человеке, всю жизнь прожившем на небольшом в общем-то острове, столько философской мудрости?

В каждый свой приезд на остров, неоднократно бывая у Лазаревых дома, я успел заметить пристрастие Ивана Тимофеевича к чтению книг. На моей памяти у него было не больше десяти, может быть, пятнадцати художественных книг. Жадный до чтения, он перечитывал и перечитывал их в который уже раз. Что-то заставляло его вновь и вновь идти по не раз пройденным дорогам. Вероятно, отсутствие дорог нехоженных. И сейчас мне очень захотелось сделать приятное этому человеку. Теперь я буду обязательно при любой возможности посылать ему книги. Пусть он ещё походит неисхоженными тропами, пусть длиннее будет его жизнь.

Та поездка была задумана мной скорее ради моей семьи: хотелось показать Але, почему меня каждый раз так неудержимо тянет к предмету моей большой любви – Карагинскому острову. Памятуя о том, что ни одна предыдущая моя сюда экспедиция не обходилась без «пиковых» ситуаций на море, которые очень даже реально могли иметь трагический финал, в этот раз я не взял с собой ни лодки, ни мотора. Мы просто наслаждались природой. Але была «сыта» поразительными красотами этого дикого края и невиданным ею ранее обилием всякой ягоды. Игорь жил нашей рыбалкой. Для меня и старшего сына Юрия, конечно же, самым главным занятием было наблюдение за здешними птицами.

В тот год, где-то за месяц до нашей поездки на остров, Камчатку посетил молодой московский орнитолог, ныне уже профессор, Володя Остапенко. Мы втроём, включая сына, ловили и кольцевали мелких лесных птиц. Владимир для этих целей привёз две или три очень дефицитные в то время специальные ставные сети-«паутинки». Я – охотник по перу, но эта охота, когда ты берёшь в руки живую птицу и, оставляя для себя в дневнике лишь интересующие тебя научные данные, отпускаешь её на волю, для меня лично была просто праздником. Впрочем, не только для меня: она являлась праздником тогда и осталась им на много лет до сего дня для моего сына Юрия, сейчас профессионального и весьма известного учёного-орнитолога. Тогда же, сидя на берегу реки Авачи

у костра, мы говорили, наверное, только о птицах, а ложась спать, все с нетерпением ждали рассвета, чтобы идти на проверку сетей, днём же бегали к ним практически каждый час.

Владимира за его рост, он был всего-то сантиметров на пять менее двух метров, с первых же дней я стал звать Малышом. К концу нашей работы я попросил его оставить нам для поездки на остров одну из его сетей. И выбрал самую лучшую. Возвратить её я обещал при посещении столицы осенью того же 1978 года.

Как-то во время чаёвки у вечернего костра я спросил Владимира:

– Малыш, какая самая крупная птица влетала в твои сети?

– Самая крупная? Думаю, что корова! Это самая тяжёлая «добыча», хуже которой я не знаю. Можешь представить себе, что остаётся от нашей сетки.

– Ну, там, на острове, где мы с Юркой будем ловить птиц, коровы точно не ходят. Так что за свою сеть можешь быть спокойным.

И вот в первый же день нашего пребывания в Ягодном мы пошли ставить сеть. Место выбрали удачное: старая, заросшая травой дорога, просвет в приречном ивово-ольховом древостое, очень удобная для пролёта снующих здесь местных птиц. Опять нетерпение до утра, и в предвкушении чего-то очень интересного мы едва ли не бегом торопимся к сетке... Большой неожиданности представить себе было просто невозможно: два жалких обрывка сети на кустах и свежий след траков по давно не езженной до того дороге. Как оказалось, что-то в Ягодном понадобилось работникам маяка, расположенного в десятках километров на юге острова, и это их взездход на рассвете угораздило «влететь» в нашу дефицитную сеть.

Однажды мы с Сашей всё-таки собрались «слетать» на север острова, где, как нам сообщили, обосновалась группа «геологов». Это были ребята, вероятно, студенты и преподаватель из Московского государственного университета. Они радушно встретили нас, но... охотничьи ружья в их руках и полные дробовых патронов патронташи, к искреннему нашему сожалению, заставили на смену рукопожатиям предъявить официальные документы государственного охотничьего надзора. Очень жаль, что в общем-то хорошие, добрые люди не хотят уважать природоохранные законы «другой страны». Зная, что Карагинский ост-

ров является государственным зоологическим заказником, они, тем не менее, приехали сюда, как в дикие джунгли, с ружьями.

На острове нет опасных для людей хищников. И потому ребята остались без оружия. Отказавшись от чая, мы уходили из Северной в ночь. Парни, я думаю, искренне пожелали нам «счастливого пути» и «семь футов под килем». И пошли от берега с опущенными плечами.

Мы идём на Верхотурова

В один из дней нашего счастливого пребывания на острове мы увидели, что со стороны Оссоры курсом прямо на наше село идут одна, вторая, а вскоре и третья лодки. На трёх «Прогрессах» в Ягодное пришли Анатолий Коваленков, Валерий Волков и районный охотовед Виктор Карачаров. Они собрались на остров Верхотурова и зашли за нами. Я имел все основания не доверять здешнему морю, тем более, не хотел вручать его вздорному характеру всю свою семью сразу. Аля же, мало чего в этом понимая, тотчас «загорелась» этой поездкой, и меня уже дружно уговаривали едва ли не все члены предстоящей экспедиции.

С началом сумерек подошли к мысу Голенищева. Здесь, на той самой травянистой площадке, где мы с Юрой Воропановым останавливались в свой первый поход на север, охотники Коваленкова построили очень даже добротный дом. В нём мы и переночуем. Полный прилив. К утру вода уйдёт. Поэтому два «Прогресса» отвели на воду и хорошо раскрепили якорями. Третий вытащили на камни, при этом якорный конец отнесли почти к самому обрыву. Аля сразу же взялась за приготовление ужина. Я с дневником и биноклем прошёл по берегу моря.

Половина двенадцатого ночи, но писать можно ещё без фонаря. Тепло, море спокойное-спокойное, будто Чёрное в погожие летние ночи. Легкие волны шепчут что-то морской капусте, набросанной на камни их старшими сёстрами – большими волнами. Тихий шелест волн в водорослях звучит как-то вразнобой, и от этого впечатление, что они тихонечко разговаривают, усиливается.

Над головой застыли на месте тёмные тучи. Всё ниже спускаясь к горизонту, они вдруг кончаются на западе, и небо там бледно-золотистое и такое же спокойное, как море. Я долго смотрю на зарю, и мне кажется, что ей очень не хочется расставаться с уходящим днём. Постепенно бледнея, заря крадётся по краю неба к острову Верхотурова, на север, чтобы потом незаметно проскользнуть на восток и, перехитрив ночь, сразу же возродиться новым днём.

Меня позвали ужинать. Торопливо перекусив, уже в темноте иду берегом к мысу Голенищева. Он чернеет на фоне ночного неба и кажется мне жутковатым. Думается, что он может вот-вот обрушиться на нарушителя своего векового спокойствия. Гроты, выбитые волнами в подножии клифа, представляются мне бездонными провалами, валуны на берегу у кромки воды – сивучами, моржами, какими-то диковинными зверями. Пытаюсь тихо пройти между затаившимися животными и сердито нахмурившимся уходящим в небо обрывом, и чувствую, что кому-то внутри меня становится всё более неуютно. Очень хочется включить фонарик. Перебарывая себя, только бы не зашуметь, тихо-тихо под шелестящий шёпот волн стараюсь подкрасться к самым ногам великана-мыса.

Вдруг что-то неожиданно чуждое загремело под ногами! Включаю фонарик... и нет больше сладковатой жути: самая северная точка почти необитаемого острова, подножие тысячной гнездовой колонии берингова баклана завалено железными банками из-под мясной тушёнки, скумбрии, частичковой рыбы и ещё бог весть чего. Тут же торчат палки – остовы недавно стоявших палаток, валяются деревянные ящики, картонные коробки. Единственно, что хоть как-то утешает: экспедиция, отправляясь на остров, не рассчитывала на «подножный корм». Но как же они посмели так опоганить это место, мыс, овеванный суровой романтикой далёких дней освоения Севера!

Утро выдалось великолепным: солнечным и тихим. Вода от берега ушла. А на берегу совсем недалеко от нас мы увидели обсохшего только сегодня ночью оставленного морем молодого кита – малого полосатика (*Balaenoptera acutorostrata*). Под нижней челюстью бедняги огромная

рваная рана. Конечно же, это «работа» китов-убийц. Но почему, убив, косатки не воспользовались своей добычей? Учёные считают косаток разумными существами, и тогда вряд ли они стали бы убивать китёнка просто так, без пользы для себя.

*Раненый косатками молодой кит предпочел для себя другую смерть
и выбросился на берег*

Быстрые сборы, и катера мчат нас к острову, посетить который вот так, на лодке я сам никогда бы не решился. Острые впечатления для моей семьи начались очень скоро. Справа, слева, прямо по курсу нашего следования всплывают и уходят под воду киты. Я в катере Коваленкова, он постоянно норовит угадать в центр образующегося в месте их погружения водоворотов, и это пугает мою жену. А остров Верхотурова летит нам навстречу.

Вот как о своём первом свидании с этим островом писал П. Ф. Литке: «Около полудня стал показываться к ССЗ островок, в котором мы узнали Верхотуровский и который, вместо 5, лежит почти в 50 верстах от Карагинского. Подобные несообразности в сведениях от полудиких людей через диких же переводчиков неизбежны...

С рассветом приступили мы к описи Верхотуровского острова. Он имеет миль 7 или 8 в окружности; южная и восточная его стороны круты, но от СЗ протянулся низменный мыс, на котором видны кресты, балаганы и развалины юрт, следы посещений олюторцев и камчадалов, которые переезжают на этот остров для промысла чернобурых лисиц и иногда тут зимуют».

«Остров Верхотурова – гористый монолит. Его площадь при длине в четыре с половиной и ширине до двух километров не превышает семи квадратных километров. По длине он ориентирован с юга на север. Высота наибольшей из трёх слабо выделяющихся вершин достигает почти четырёхсот метров» – это я прочитал уже в одной из научных публикаций коллеги-орнитолога П. С. Вяткина.

Работавшая на острове в 1975 году ботаническая экспедиция профессора С. С. Харкевича обнаружила здесь около трёхсот видов сосудистых растений, притом один из одуванчиков ранее был известен лишь для Северной Америки, другой представитель флоры – ситник мелкий – для Средней Азии и Западной Сибири. А развитию на острове древесной растительности препятствуют свирепые ветры, частые туманы и низкие температуры.

Не рискну лезть со своим «я» в какие-либо описания достопримечательностей этого замечательного островка. В этот раз мы пробыли здесь едва ли более четырёх часов. На севере, пока ещё где-то там далеко по небу разливалась неурочная темень, а нам, кроме хотя бы короткого знакомства с этим островом, ещё предстоял не менее чем стокилометровый переход по морю домой, в Ягодное.

Последний шторм отгремел больше недели назад. До будущего, как потом оказалось, было не меньше. Лёгкие не штормовые ветры не в счёт, они здесь привычны, как наше дыхание. Но сегодня на берегу

не ощущается даже слабого движения воздуха, и море кажется на удивление спокойным. Лишь зыбь, родившаяся где-то в северных просторах Берингова моря, время от времени посылает к острову своих гонцов. Плавню перекатываются они по морской шире, но, подойдя к мелко-водному, утыканному рифами подножью острова Верхотурова, то там, то здесь вырастают вдруг в седоголовых гигантов-одиночек, которые с устрашающим рокотом разбивают себя о каменные обрывы берегов. На сотни метров от острова к северу в море выдвинулась авангардная группа скал. Иные из пришедших волн поднимаются прямо перед ними, и тогда защитники острова грудь в грудь принимают на себя могучие удары океанских отшельников.

Мы с Каваленковым идём на катере вдоль обрывистого восточного берега. Он сплошь заселён моевками, иногда создаётся впечатление, что он обвешан гирляндами из этих птиц. Я видел сделанный здесь Петром Вяткиным фотоснимок одновременно сорвавшейся со скал многотысячной тучи этих чаек. И хочу иметь такой же. Анатолий ведёт «Прогресс» вдоль скального обрыва, у меня в правой руке фотоаппарат, в левой – служебный пистолет ТТ. Я хочу, спугнув выстрелом птиц, повторить фото-шедевр Вяткина. Наши друзья и моя семья с двух других катеров наблюдают за нашими маневрами.

Я выбрал удобное место для съёмки, но в этот момент вдруг по левому борту нашего «Прогресса», казалось, с самого дна моря стала стремительно подниматься, расти и наклоняться над нами громадина седогривой волны. Всё решали мгновения, и этого хватило Анатолию, чтобы рвануть руль влево. По пологой с нашей стороны стенке волны катер взлетел к её «подбрюшью» и, прошив его, с трёхметровой высоты ударился о воду. Я глянул на Коваленкова: он «скучно» посмотрел на берег, принявший могучий удар «нашей» волны, и спокойно повёл катер дальше. Более возбуждёнными оказались «наблюдатели»: импровизированный цирковой трюк с нашей лодкой их не столько испугал, сколько восхитил.

Снимка не получилось. После пушечного грома, создаваемого ударами о скалы волнами-отшельниками, выстрел из пистолета чайкам,

наверное, показался смешным. Коваленков дал сигнал двум другим «капитанам», и наши катера направились к лежбищу сивучей.

Эти камни – исконные владения сивучей: тысяча, а, может быть, и более этих могучих животных облюбовали скалы под холостяцкое лежбище. Они лежат на камнях так, что в каждой группе хорошо просматривается иерархическая «лестница». Выше всех, как правило, поднимается сильный самец – лидер группы, ступенькой ниже – его возможные преемники, ещё ниже ложатся более слабые и молодые звери.

На отдельно стоящем камне – кекуре возлежит патриарх сивучьего стада. Он огромен, но, должно быть, стар и уже не может стоять над этим холостяцким «воинством». Но мощь его подавляет даже нас. И этот отдельный камень с одиноким старым сивучем выглядит как царский трон. Пусть этот царь уже не правит, но он всё равно монарх. Исполосованное глубокими шрамами тело его говорит о том, что старый могучий зверь прожил жизнь воина, жизнь рыцаря-одиночки, и никто никогда не помогал ему побеждать и выживать.

Мы идём на «Прогрессах» меж скал. Сивучи со слабой нервной системой, в основном это молодёжь, бросаются с камней в воду, брызги от падающих тел долетают до нас. И вот уже вокруг нас кипит месиво из желтоватых и коричневых тел. Всё пространство вокруг заполнено оглушительным звериным рёвом. Вижу, что членам моей семьи не по себе, а испугаться действительно есть чего. Вдруг какой-то ненормальный зверюга захочет испытать наш катер на прочность? И кто это придумал назвать сивучей тюленями? Нет, их лучше называть львами, пусть морскими, но львами.

Темень с севера закрывала полнеба, но ветра пока не было. Нам пора было уходить. Два катера, оторвавшись от нас, на полпути ушли с глаз; в устье Гнунваам мы с Анатолием входили уже потемну.

Для меня остров Верхотурова ассоциируется, прежде всего, с именем Петра Вяткина. Пять сезонов от одного месяца до четырёх за одно «поле» провёл орнитолог на этом небольшом островке в Беринговом море. И каждый из этих дней был подчинён одной цели – сбору возможно полной информации об авифауне этого островка. Отдыха себе учёный не давал даже в самые непогожие дни: а как ведут себя птицы во время

внезапной майской пурги, чем кормит птенцов большая конюга (*Aethia cristatella*)? А конюга-крошка (*A. pusilla*)? Как? Почему? Зачем? Вопросов всегда было больше, чем времени на их ответы, и Пётр старался максимально использовать каждый час, каждую минуту, дарованные ему судьбой на исследование биологии птиц так полюбившегося ему острова. До настоящего времени Пётр Вяткин является единственным учёным морским орнитологом, изучавшим фауну птиц острова Верхотурова.

Пётр Вяткин – исследователь морской авифауны

Но как иногда хочется оставить и свой след на карте, вписать в свой актив, в районы своих исследований возможно больше точек, мест работы. И однажды остров Верхотурова посетил один из наших учёных коллег. Не забыв упомянуть о Вяткине, он счёл-таки необходимым значительно «подправить» его данные практически по всем видам гнездящихся на острове морских птиц. Из очень серьёзной научной публикации этого орнитолога мы узнаём, что и он тоже немало потрудился, изучая птиц острова Верхотурова. Говоря об исключительно скрытной, гнездящейся в каменных осыпях и потому трудной для наблюдения конюге-крошке, новоявленный исследователь фауны острова пишет: «25 июля 1979 г. мы насчитали на острове примерно 50 пар этого вида... Мы застали здесь крошечных птенцов и насиженные яйца». Далее о столь же «трудной» большой конюге: «.. мы застали здесь птенцов разного возраста (в основном недавно вылупившихся) и нашли несколько сильно насиженных яиц». И опять та же дата – 25 июля. Столько «открытий» и всего за один день! Мало того, в этот же свой заезд учёный, как он сообщает, «насчитал у гнёзд не более 300» белобрюшек (*Cyclorhynchus psittacula*) и «всего около 10 тысяч» кайр.

Оказалось, что в тот год орнитолога на остров сопровождал охотовед Карачаров.

- Виктор, ты ходил на остров с... (я называю фамилию)?
- Да, я отвозил его туда на другой год после нашего с вами похода.
- Долго вы там работали?
- А мы не работали. Пробыли на острове не более двух, может быть, трёх часов.
- Когда же учёный считал птиц?
- А он никуда не ходил. Мы только попили на косе чаю и ушли с острова.
- Но он пишет, что успел пересчитать едва ли не всех гнездящихся в камнях конюг, учёл сотни белобрюшек, тысячи кайр.
- Это неправда! Он даже не знает мест, где некоторые из этих птиц гнездятся. Через два года на Верхотурова работали японские фотогра-

фы, и ваш знакомый пробыл там два дня. Я тогда находился на острове с японцами.

– Да, в тот год он опять значительно «уточнил» данные Вяткина, но уже по чайке моевке.

– И это ложь! Я не видел, чтобы он куда-то уходил из лагеря хотя бы на несколько часов. Фотографы просили его показать места гнездования конюг. Орнитолог долго им что-то рассказывал, но никуда не водил, так как не знал, где и что показывать. Деликатные японцы не стали настаивать, но было видно, что его «знания» птиц острова оценили правильно. А мне за этого учёного было стыдно.

Я слушаю Виктора, и моё ассоциативное мышление выдаёт картинку из далёкого-далёкого далека. Годы Великой Отечественной войны. Ещё до её начала некоторым из нас посчастливилось оказаться в детском саду № 8, в те годы – одним из лучших детсадов города Иванова. Мне «повезло», скорее всего, потому, что шофёром в этом саду работал мой отец.

Время обеда, и четверо мальчишек сидят за маленьким квадратным столиком. На его центр выставляют тарелку с четырьмя кусочками хлеба, брать их нельзя, пока на стол не подадут суп и не будет команды: «Кушайте!». А среди этих кусочков иногда оказывается такая желанная для каждого из нас «горбушка», и сегодня на тарелке она лежит прямо против меня. Трое из нас так и сидят, ожидая команды, разрешающей брать хлеб. Но нас четверо, и этот четвёртый, едва воспитательница, поставившая тарелку с хлебом на стол, успевает отвернуться, мгновенно послунивав палец, дотрагивается им до горбушки. И... с этим остаётся только смириться: горбушка послунявлена, и, значит, она принадлежит только ему. Завтра, против кого бы этот желанный кусочек хлеба ни оказался, повторится то же. И послезавтра – то же. Примеру маленького ловкача, не выдержав, мог последовать ещё один из нас. Но, следуя неизвестно кем и как заложенным в сознание только начинающих жизнь детей убеждениям, так никогда не поступят два других мальчишки. И можно надеяться, что эти двое в предстоящей им долгой жизни никогда, ни при каких обстоятельствах не будут «заслуживать», присваивать им не принадлежащее.

Оказывается, иногда и в науке не так уж и обязательно оставлять свой настоящий след для создания дутого ореола вокруг своего имени, в ней можно просто так вот «наследить». Раз уж не успел раньше другого «наслюнявить».

И это печально!

«Какой он красивый, наш остров!»

В своем рассказе об острове Карагинском я не касался во многом неясной истории его жителей. Кто они, эти островитяне? Откуда они? Когда заселили остров? Да и вообще, коряки ли они или представители другой этнической группы? На эти вопросы, насколько мне известно, окончательных ответов так и не найдено. Несомненно, это прерогатива историков, археологов, антропологов, наконец, и я посчитал для себя некорректным рассуждать на эту тему.

Напомню непосвященным лишь о некоторых известных фактах появления на острове первых «белых» людей.

Не по своей воле в октябре 1746 года на острове Карагинском оказались русские промышленники. Шитик «Евдокия» под командованием Михаила Неводчикова возвращался из похода после открытия им, первым россиянином, островов Агатту и Атту. Мореходы попали в жестокий шторм, судно потеряло паруса, якорь и, унесённое на север, было выброшено на восточный берег Карагинского острова. Оставшиеся в живых промышленники перевалили через горный хребет и пришли в селение островитян. Перезимовав на острове, они успели принять участие в военной стычке: помогли местным жителям отбить неприятелей – олукторцев. За оказанную помощь мореходы получили от островных жителей две байдары, на которых летом 1747 года и дошли до Нижнекамчатска.

Степан Крашенинников на Карагинском острове не бывал, но отзывался о его жителях, мягко говоря, без уважения и добавлял: «Что касается до их многолюдства, то считается их человек до ста и боль-

ше; но ясак платят токмо человек с тридцать; а прочие во время сбора по горам укрываются».

Не забыты были и души местных коряков: в 1794 году миссионер Лазарев приезжал на Карагинский остров с целью их крещения. Не от него ли, кстати, и осталась на острове эта фамилия? После его миссии часть островитян была переселена в один из олюторских острогов, который вскоре вымер от занесённой туда оспы.

Карагинский остров не мал, и накоротке посещавшие его исследователи, как, например, Ф. П. Литке, могли ошибаться, говоря о полном отсутствии на острове людей. Но, похоже, все согласились с тем, что в обозримом прошлом люди на Карагинском то поселялись, то совсем его почему-то покидали. И если это так, каковы причины этого?

При последней нашей встрече Иван Тимофеевич припомнил-таки и пересказал мне одно из местных преданий. Вот оно: «Одна старуха корячка сказала, что на острове не будет жизни. Она сделала заклинание, и все вымерли. Богатыри тоже. Осталась одна старуха (не которая колдовала, та подохла) и три или четыре внука. Она стала привязывать трупы, а потом с внуками собралась ехать в Карагу. Дети пошли к лодке, а старуха несколько дней лежала больная. Потом она вышла из юрты и сказала: «Какой он красивый, наш остров! Здесь вы всегда должны жить». Она села в лодку, а покойники вскочили и стали кричать из юрт, но догнать их не могли, так как были привязаны. Бабка уплыла в Карагу и спасла внуков, а сама, как вступила на берег, умерла. Дети выросли и вернулись на остров. С них опять началась жизнь».

Словами старой корячки из местного предания я и хочу закончить повествовательную часть своего рассказа о замечательном Карагинском острове.

Послесловие автора

Я долго, дольше, чем писал, думал, как мне назвать эту свою небольшую книгу. Может быть, «Остров моей любви»? Ведь я действительно навсегда полюбил его. Или «Карагинский – остров моей мечты»? Мечтать о встрече с ним я начал раньше, чем этот остров увидел, посетив же с тех пор Карагинский более десяти раз, постоянно мечтаю увидеть его опять. Остановился на том, что вы видите на обложке.

Я уже не тот молодой инспектор-«экстремист», каким был сорок и тридцать лет назад, отнюдь не ратую за полное отсутствие на Карагинском острове хозяйственной деятельности. Впервые о возможности содружества охраны природы и (куда уж нам от этого уйти) разумной эксплуатации её богатств на Камчатке я задумался в 1991 году. Тогда на Аляске, находясь на территории природного парка в большом морском порту, я придирчиво осматривал пирсы, пытался найти на них хотя бы самое маленькое нефтяное пятнышко. Не нашёл. А меня, проходящего по кромке причалов, сопровождали любопытствующие и, как мне казалось, доверчивые глаза плывущих следом каланов.

Потом в офисе US Fish and Wildlife Service в Анкоридже специально для нас, русских учёных, не равнодушных к вопросам сохранения живой природы, были организованы два дня лекций. Сопоставив увиденное и услышанное, я понял, что голый экстремизм в вопросах охраны природы уместен далеко не всегда. Нет-нет, мои друзья-экологи, я никогда не примирюсь, например, с разработкой золоторудных месторождений на водораздельных хребтах Камчатки и, главное, с устройством

там хранилищ жидких, смертельных для всего живого ядовитых отходов «золотого» производства. Не смирюсь с установкой нефтяных платформ на шельфе Камчатки. Известно же, что «ружьё, висящее на сцене в первом акте пьесы, в последнем обязательно выстрелит». Но сейчас я считаю, что на Карагинском острове может и должно сочетаться два вида, две системы природопользования. Западная часть территории острова с его рыбными промыслами, покосами, богатыми ягодниками и умопомрачительными урожаями грибов должна удовлетворять жизненно необходимые материальные потребности людей. Северная же часть, начиная от правобережья долины реки Маркеловской, и его восточные побережья от мыса Голенищева до Перешейка должны находиться под юрисдикцией строжайших природоохранных законов.

На Карагинском острове необходимо безотлагательно восстановить комплексный природный заказник с жёстким, без всяких «в виде исключения...» режимом охраны. Но под особо охраняемую территорию должна быть выделена лишь северная и восточная части территории острова. Желательна и безусловная охрана косы Лекало. Но, к большому сожалению, я понимаю, что пока достижение последнего не-реально.

Какие «материальные» выгоды может дать и с избытком даст территория зоологического заказника «Карагинский остров»? Прежде всего – доходы от грамотно разрекламированного и хорошо поставленного экологического туризма. Все доступные уже сейчас природные территории Камчатки скоро будут не столь интересны для людей, их увидевших. Они захотят посетить уголки по-настоящему дикой природы. Реки Маркеловская и Комаровская, бухта Северная и гора Высокая, мысы Голенищева и Крашенинникова – это надо видеть! Любознательные туристы захотят побывать на восточном побережье острова, увидеть непрерывную пятикилометровую ленту птичьего базара, посетить некоторые птичьи колонии и своими руками закольцевать чайчат и бакланят. А быт островных оленеводов, который на территории заказника, безусловно, должен сохраняться, может стать не менее привлекательным, чем стойбища бедуинов в египетской пустыне. Увидеть

всё это захотят тысячи и тысячи ценителей дикой природы. Но для этого нужна большая работа умных хозяев острова и хорошая реклама.

Кто из современных настоящих руководителей не хотел бы получить признания и благодарности от передовой мировой общественности? Взятие на безусловное сохранение таких уникальных природных территорий, какой является остров Карагинский, и даст такое признание.

Очень хочется надеяться, что вы не пожалели времени, потраченного на знакомство с полюбившимся мне островом. Я рассказал о нём, о его природе далеко не всё. Уж о птицах-то точно не всё, что знаю. Не хотел перегружать своё повествование чисто орнитологическими наблюдениями, они интересны, однако больше подходят для литературы специальной. Но важно то, что неизвестного о птицах Карагинского острова несоизмеримо больше, чем посчастливилось узнать нам.

В конце 20-х годов двадцатого столетия два «поля» на острове провёл замечательный исследователь В. Разумовский. По прошествии сорока лет счастливая встреча с Карагинским островом выпала мне. Кто из нынешних поколений исследователей следующий? Поверьте: время открытий продолжается, остров Карагинский хранит очень много удивительного, никем до вас не познанного.

Он ждёт вас, исследователи!

Содержание

Содержание

Об авторе	3
Предисловие автора	7
Страна моей мечты	9
Оссора	13
Первые встречи	16
О чём хотел рассказать ручей	21
О некоторых «плюсах» и «минусах» фауны Карагинского острова	25
Бухта Ложных Вестей	33
Село Ягодное	43
Наши будни. Найдёновы	49
Кузьма	54
Путь на север	58
Бухта Северная	69
Тюлени мыса Голенищева	74
Могилки	77
База Северная	81
Сулой – это страшно	88
Карта острова	92
На реке Маркеловской	122
Наша цель – Птичий	125
Олени	153
Коваленков	159
Орнитологический заказник	162
Кузнецовы	163
Моя семья	167
Мы идём на Верхотурова	173
«Какой он красивый, наш остров!»	182
Послесловие автора	184

Николай Николаевич Герасимов
Остров Карагинский:
путешествие в непознанный мир Природы

Научно-популярное издание

Редактор Е. Рыбаченко
Корректор Ж. Максимова
Оригинал-макет О. Осипова

Подписано в печать 7.11.08 г.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 9,91.
Тираж 600 экз. Заказ № 1159.

Издательство «Камчатпресс».
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кронцовая, 12а.

Отпечатано в ООО «Камчатпресс».
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кронцовая, 12а

Николай Николаевич Герасимов – биолог-охотовед, кандидат биологических наук, заслуженный эколог России. На Камчатке с 1962 года. В Управлении охотничьего хозяйства работал старшим охотоведом, затем начальником отдела охраны и воспроизводства фауны. В 1970–1980-х годах создал честную, действенную службу госохотнадзора Камчатки, организовал более 10 зоологических заказников, в числе первых – «Карагинский остров».

С 1984 г. в науке; в настоящее время – заведующий лабораторией орнитологии Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН. В активе более 170 научных публикаций, участие в международных орнитологических конгрессах, симпозиумах, десятки публикаций и других выступлений в СМИ. В вопросах охраны природы компромиссов не признаёт.

Николай Герасимов – автор и непосредственный исполнитель уникального, успешно развивающегося в последние годы проекта, целью которого является возврат в фауну Азии алеутской канадской казарки (*Branta canadensis leucopareia*).

Н. Н. Герасимов Остров Карагинский: путешествие в неизведанный мир Природы

Н. Н. Герасимов

Остров Карагинский:

путешествие
в неизведанный
мир Природы